

ПИОНЕР

Январь

Издательство ЦК ВКП(б) «Правда» 1939 г.

1

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 1

Январь 1939 г.

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Ленин и Сталин беседуют на квартире рабочего
в Петрограде. 1917 год.

Рисунок художника П. Васильева.

Великая клятва выполнена

В морозный вечер 21 января 1924 года умер гениальный вождь трудящихся — Владимир Ильич Ленин.

Гроб с телом Владимира Ильича стоял в Колонном зале Дома союзов, нескончаемым потоком проходили мимо гроба трудящиеся. В эти траурные дни на II всесоюзном съезде советов выступил товарищ Сталин, ближайший соратник и друг Ленина, и от имени большевистской партии, от имени партии, которую создал и выпестовал Ленин, дал над гробом учителя великую клятву.

Прошло 15 лет. Коммунисты — люди особого склада. Слово коммунистов — твердое слово. Их обещания нерушимы. Все эти годы трудящиеся нашей страны, руководимые партией большевиков и великим продолжателем дела Ленина — товарищем Сталиным, беззаветно и самоотверженно трудились на благо родины и боролись с ее врагами, выполняя великую клятву, которую дал Сталин у гроба вождя.

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещаю нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь!..»

Всюду и везде: на заводах и шахтах, в учреждениях и научных лабораториях, —

в труде и в бою коммунисты, помня о великом звании члена ленинско-сталинской партии, идут впереди, организуют под знаменами партии весь советский народ и ведут его от победы к победе.

Товарищ Ленин оставил нам свое могучее учение — великую программу перестройки всего человеческого общества на новых, коммунистических началах. Это учение развивается дальше гениальный ученик Ленина товарищ Сталин. Каждый шаг в своей практической работе коммунисты освещают прожектором марксистско-ленинской теории. Они неуклонно и нерушимо следуют учению Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, и поэтому они побеждали и побеждают.

Товарищ Сталин говорил:

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещаю нам хранить единство нашей партии, как зеницу ока. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!..»

Враги социализма не раз пытались расстроить ряды большевиков. Под руководством товарища Сталина партия разоблачила и изгнала из своих рядов троцкистско-бухаринскую банду шпионов, из-

менников родины, фашистских наемников. По приговору советского суда некогда были убитожены.

Никогда еще не была так смята, так сплоченна, так любима советским народом партия Ленина—Сталина, как теперь. Она учит всех советских людей быть бдительными, быть всегда начеку, быть всегда готовыми дать отпор врагу.

Товарищ Сталин говорил:

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить и укреплять диктатуру пролетариата. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы не пошадим своих сил для того, чтобы выполнить с честью и эту твою заповедь!..»

В нашей стране, единственной в мире, нет угнетенных и угнетателей, эксплуатируемых и эксплуататоров. Молодое поколение Советской страны о капиталистах, помещиках, кулаках узнает только из книжек.

За две сталинских пятилетки изменилось лицо нашей родины. Построены сотни новых городов и гигантских заводов. Промышленность СССР вышла на первое место в Европе и на второе — в мире. Все это стало возможным только благодаря тому, что, выполняя великую сталинскую клятву, Страна советов хранит и укрепляет диктатуру пролетариата, укрепляет советское государство.

Товарищ Сталин говорил:

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять всеми силами союз рабочих и крестьян. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!..»

Исчезли с лица советской земли нищенские лоскутки одиночных земель. Всюду колхозники честным трудом создают зажиточную и культурную жизнь. С помощью машин, полученных от советских заводов, колхозники успешно борются за сталинский урожай — 7 миллиардов пудов зерна в год; это почти в полтора раза больше чем самый высокий урожай в царской России.

Партия большевиков указала крестьянам путь к социализму и привела их по этому пути к победе колхозного строя.

Рабочие и крестьяне Советской страны — два дружественных класса. Их союз, их дружба нерушимы.

Товарищ Сталин говорил:

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять и расширять Союз Республик. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы выполним с честью и эту твою заповедь!..»

Много народов, много национальностей живет в нашем Союзе. И все они свободны, все сообща, помогая друг другу, строят свою жизнь. В далеких казахских степях вырастают корпуса мощных заводов, и московские метростроители едут в Казахстан, чтобы помочь строить казахским рабочим. В тай-

ге возникают города, горы Киргизии прорезаются автомобильными дорогами, плотины останавливают течение рек и дают воду полям Таджикистана.

Мощь и силу СССР крепит коммунистическая партия, и поэтому все граждане СССР на выборах в Верховный Совет Союза и в Верховные Советы Республик единодушно и сплоченно голосовали за кандидатов блока — союза коммунистов и беспартийных, голосовали за нашу великую партию и ее вождя товарища Сталина.

Товарищ Сталин говорил:

«Поклянемся же, товарищи, что мы не пошадим сил для того, чтобы укрепить нашу Красную армию, наш Красный флот!..»

Нет ни одной армии в мире, которая могла бы сравняться с нашей родной и любимой Красной Армией. Страна дала нашим героям-летчикам, нашим доблестным пехотинцам, метким артиллеристам, бесстрашным танкистам прекрасное и грозное оружие. Люди, в чьи руки страна вручила это оружие, знают, за что они сражаются, беззаветно преданы своему народу, своей родине. С именем Сталина на устах они готовы по первому приказу правительства ринуться в бой и сокрушить любого врага.

Разгромив самураев на Хасане, могучая Красная Армия показала фашистам, что это только «цветочки». Если посмеют фашистские бандиты напасть на наши границы, непобедимая Красная Армия преподнесет врагам и «ягодки», разгромит фашистов на их же земле.

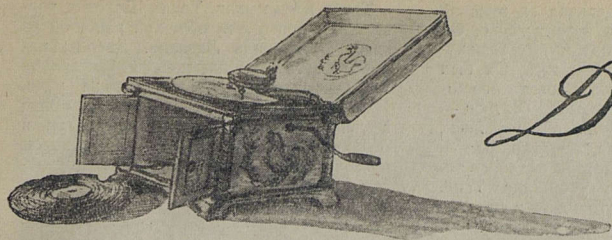
«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам верность принципам Коммунистического Интернационала. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы не пошадим своей жизни для того, чтобы укреплять и расширять союз трудящихся всего мира — Коммунистический Интернационал!»

Во всех уголках земного шара трудящиеся с жадностью ловят вести из страны социализма. Ведь «то, о чем мечтали и продолжают мечтать миллионы честных людей в капиталистических странах, — уже осуществлено в СССР» (Сталин). СССР — маяк, освещающий трудящимся всего мира путь к победе, к счастливой жизни.

Партия большевиков и товарищ Сталин учат нас быть верными братскому союзу пролетариев всех стран. Героические бойцы Испании и Китая, все, кто борется против войны и фашизма, — знают, что с ними сердца миллионов советских людей. Они чувствуют нашу дружескую поддержку, и это вдохновляет их, укрепляет веру в победу.

* * *

У селой кремлевской стены на Красной площади, в мавзолее, покоится тело Ленина, имя и дело которого будут жить века. Под руководством любимого Сталина могучий и счастливый советский народ идет по ленинскому пути вперед к коммунизму.

Диско

Л. Кассиль

Рис. В. Цельмера

В деревню Лаванку, что по-испански значит «дикая утка», в воскресенье приехали моряки с советского теплохода «Кимовец». Слава «Кимовца» далеко опередила гостей. Все знали в Лаванке, что это за корабль.

Советский теплоход прошел через 7 морей, чтобы привезти подарки рабочим Одессы и Ленинграда, гостинцы ткачих московской «Трехгорки» ребятишкам Испании и их мамам. Сушеную рыбу, консервы, масло, мешки с зерном и теплые пальтишки привезли кимовцы республике.

Итальянские эсминцы сновали вокруг корабля, стараясь сбить его с пути, когда он пробирался сквозь штормы к берегам Испании.

Самолеты фашистов бомбили его в порту, но дружно и невозмутимо, как у себя дома, работали кимовцы. Ночью они гасили огни, ставили заслонки в иллюминаторах и уходили в море, скрывались в его просторах и сырой тьме, чтобы не быть застигнутыми врасплох. А утром снова входил в гавань строгий и спокойный корабль, пришвартовывался к испанской земле, открывал люки, и «вирмайна!» — летели по воздуху мешки, тюки и бочки.

Одиннадцать городов и девятнадцать деревень пригласили к себе кимовцев на воскресенье к обеду. В одиннадцати городах и девятнадцати деревнях вывешивали на улице портреты товарища Сталина, чистили, вытряхивали праздничные ковры, готовясь подстелить их под ноги отважных гостей. Готовили большие противни, выкатывали бочки с вином.

Но жители Лаванки перехитрили всех. Не даром они славились первыми во всей округе. Хитрые лаванкийцы послали на

корабль своего Антонио Чико, по прозвищу Шоколад, а Антонио Шоколад был такой человек, что ему ничего не стоило захватить не только команду одного корабля, но и привезти в деревню экипажи целого флота...

Антонио Шоколад был моряком, шофером, коммунистом. Огромный и тучный, с темнокоричневым одутловатым лицом, толстогубый, с бровями, сросшимися на переносице, он смахивал на араба. Антонио Шоколад надел свой новый монокомбинезон, вроде тех, что у нас носят летчики. Он подвязал под коленями два красных банта, чтобы подтянуть повыше штаны, сдвинул на затылок фуражку «тельмановку» (синюю с красным шнуром), укрепил на поясе парабеллум в деревянной лакированной кобуре и чуть свет отправился в гараж. Там он выбрал машину побольше, поярче, поголосистой, и ранним воскресным утром к «Кимовцу», на котором, кроме охраны, еще все спали, подлетел веселый, яичножелтый димузин. На радиаторе его было укреплено чучело дикой утки с распластанными крыльями. Сзади, укрепленное на бажнике, развевалось, наподобие кормового флага, красное знамя.

Тонио Шоколад нажал на кнопку сигнала. Он был неутомим, и сирена его не замолкала до тех пор, пока все на «Кимовце» не проснулись. Тогда Тонио поднялся по трапу на палубу корабля, отрекомендовался, опять сбежал вниз на мол, вытащил из машины ящики с апельсинами и заявил, что вся Лаванка ждет.

Одиннадцати городам и восемнадцати деревням пришлось уступить Тонио Шоколаду.

Через час Тонио уже мчал своих гостей в Лаванку. Шоколад был в прекрас-

ном настроении. Он распева за рулевой баранкой, раскачиваясь в такт песне. Он спел «Бандера роха», потом кудахтал курицей, подмигивал оглядываясь. Он был горд: с ним ехали моряки советского корабля: худой светлоглазый балтиец — помполит, боцман — пожилой украинец, два молодых моториста, механик, палубный матрос — председатель судового комитета и корабельная уборщица Таня.

В Лаванке с утра готовились к приему. Распорядился всем Лопес Сальваро — небольшой худенький седоватый крестьянин. Его считали чем-то вроде председателя крестьянской общины, после того как земли соседнего монастыря отошли к деревне.

— Меня интересует земля, а до неба и политики мне дела нет, — любил говорить Лопес Сальваро, подчеркивая, что он в бога уже не верит, но стоит вне всяких партий, хотя и болеет душой за дело народного фронта.

— Эти русские моряки — молодцы. Это я, как испанец, им могу сказать прямо в лицо: молодцы! Они делают свое дело, а кто они, меня не интересует: анархисты, коммунисты, социалисты — не мое дело.

В деревне его называли шутя катаплазма, что значит припарка.

Лопес Сальваро был придирчивый человек, взыскательный и остроглазый. Заметив какой-нибудь недостаток в работе, дома или на улице, он останавливал виновника, брал его за пояс и, слегка покачиваясь, как бы прикладываясь то одной щекой, то другой к груди собеседника, втолковывал ему различные простые истины о том, как подобает вести себя истинному испанцу, как следует работать на освобожденной земле. Он оставлял затем совершенно изнеможенного этими поучениями человека, и тот хлопал себя по ляжкам, растирал их и седил вдогонку: «О, катаплазма, пристал как припарка».

Но все было готово сегодня без припарки. И когда на шоссе раздался торжествующий рев сирены, а смуглоногая детвора деревни махнула через заборы и сады напрямик к мосту, Лопес Сальваро осмотрел скамьи в саду, накрытые одеялами, большой стол, круглые противни, ряды кувшинов с вином, большую оскую с огнедышащей водкой из маслин и остался доволен.

Трубя и громыхая, Тонио Шоколад ворвался со своей желтобрюхой машиной на главную площадь Лаванки. Дверцы машины мигом раскрылись, и растерянно моргающих моряков приняли на руки. Уже знакомый морякам возглас «Вива Руссия!» раскатился по окрестностям и отдался в ближайшем устье. А потом и помполит, и старый боцман, и мотористы, и председатель судкома сразу увидели за крышами и речку вдалеке, и белые развалины — следы недавнего налета, — и далекие розовеющие апельсиновые плантации, откуда ветер доносил зрелый аромат, и горы за ними — все это сразу стало видно: так высоко качали советских моряков. Им не дали ступить на землю. Их брали под руки, а под ноги подстилали половички, дорожки, ковры и так провели их к дому Лопеса Сальваро. Старик приветствовал их поднятым кулаком, сжатым по обычаю народного фронта.

— Маринос, — сказал он, — Маринос дель барко русса... моряки советского корабля. Мы никогда не забудем чести, которая оказана нам перед лицом не только одиннадцати городов и восемнадцати других деревень, но и перед всей Испанией и перед всем миром, ибо весь мир знает, что вы храбрые люди, смелые люди, добрые люди, вы друзья нашего народа, и — карафита! — меня остальное не касается. От меня до политики так же далеко, как отсюда до неба, а отсюда до неба так же далеко, как от меня до политики.

— О, катаплазма, — сказал Тонио Шоколад, хлопая его по плечу своей бурой ручицей, — до неба далеко только тогда, когда по небу не летят бомбовозы, а тогда оно кажется совсем близким.

И все расхохотались, и шутка Тонио пошла гулять по деревне, передаваемая из ряда в ряд через толпу и дальше, от дома к дому. «О, Шоколадо, это такой комик!..»

Но тут, расталкивая толпу, к морякам подбежали две пожилые простоволосые рыдающие женщины.

— Дети!.. — закричали они. — Дети, где наши сыновья?..

— Мой убит под Мадридом...

— Мой не дошел до Мадрида: он был убит здесь, вон на той улице. Прилетел

¹ Чорт возьми!

Лопес Сальваро и Тонио Шоколад пригласили всех к столу.

аппарат — и все рухнуло. Мы все лежали, но мой Пабло уже не встал.

Они обнимали моряков, припадали растрепанными головами к их плечам, и, как боцман ни прятал за спину своих рук, одна из женщин все-таки поцеловала его жесткую, шершавую как канат ладонь.

— Ваши матери далеко, — громко кричала одна из женщин, — сто приветов и тысячи благословений вашим матерям... А сейчас вы наши сыновья, так пойдите же в наш дом, посидите у нас за нашим столом. Пусто и скучно в нашем доме. Пусть его стены услышат голоса сыновей наших русских подруг... Они удачливее в жизни. Войдите к нам в дом, мы будем помнить потом всю жизнь, что у нас был гостем человек из страны Руссия.

Молодая женщина проталкивалась сквозь толпу, высоко подняв над головой годовалую девочку, сучившую полными ножками:

— Маринос! Камарадос, моряки, товарищи, хотя бы минуточку, минуточку только, уна момента, поддержите мою до-

чурку, пусть она наберется от вас силы, пусть растет такой же сильной и доброй к людям, как люди вашей страны.

И Антонио Шоколад растроганно, крикая и сопя от волнения, неуклюже переводил эти возгласы, крики и жаркую скороговорку на тот понятный всем морякам международный портовый диалект, на котором изъясняются во всех гаванях мира. И советские моряки, смущенно прокашливаясь, стараясь не глядеть друг на друга, чтобы не выдать слез, стоявших в глазах, проходили в дом. А их хватили за руки, и вводили в дома, и сажали на почетные кресла, и обнимали, и угощали. А потом в саду, у дома Лопеса Сальваро, на разведенные костры поставили огромные круглые противни, размером в большое тележное колесо. На них зашипело сало, и Антонио Шоколад, оказавшийся, кроме всего, поваром, засучив рукава мо-но, присев на корточки около костров, поочередно что-то мешал то на одном, то на другом противне, мурлыкая себе под нос и поддразнивая озабоченного Лопеса.

Вскоре на стол подали эти гигантские противни. На них оказался крупный и

полупрозрачный валенсийский рис. В нем были запечены мелко нарезанные куски курицы и множество ракушек с зажаренными в них моллюсками. Вокруг противней, на борта их, было положено, наподобие лучей, множество ложек и вилок.

Лопес Сальваро и Антонио Шоколад выдавили по несколько лимонов на каждой противень, налили в стаканы вино из высоких кувшинов и пригласили всех к трапезе. Моряков посадили во главе стола, но они раздвинулись и уступили главное место Лопесу Сальваро: моряки невольно чувствовали уважение к этому нетеропливому седому человеку с упрямыми и вездливыми глазами.

Все разобрали вилки и ножи. Вытащив из горячей ракушки испекшегося моллюска, захватив ложкой кусок куриного мяса, горсточку пахнущего лимоном риса, каждый нес ложку через весь стол прямо в рот. Все это запивалось добрым кисло-ватым и терпким вином сперва из стаканов, а потом прямо из кувшинов, высоко запрокинутых над головами.

Весело и шумно стало в садике, и уже Тонио показывал приемы тореадоров, а потом, став на четвереньки, изображал быка, а Лопес Сальваро, взяв большой кухонный нож, прыгал вокруг него, а Тонио бодал Лопеса, и все умирали со смеху, а ребятишки на изгороди прыгали и визжали от восторга.

Вдруг Тонио исчез.

— Сейчас что-нибудь выкинет, — говорили испанцы, — этот Шоколад, этот Тонио, кому уна кастаньела — веселый, как кастаньеты, — от него жди...

И действительно, через минуту на улице раздался топот и в сад галопом влетел на крупной, тяжелой лошади неутомимый Тонио Шоколад с головой, обвязанной полотном, в простыне, переброшенной через плечо, с охотничьим ружьем в руках. Он вертелся на лошади, пугая девушек, грозясь наехать на них, и кричал, стреляя в воздух. «Моро... Мавр!.. Марокканец», — кричал он и вертелся среди визга, хохота и шутивых, но увесистых тумачков, сыпавшихся на него.

Когда все немного утихомирились и расселись снова, кто на землю, кто на траву, старый Лопес и Антонио Шоколад вынесли из дому старомодный патефон, и Тонио, поплывав на ладони, принялся заводить его. Ящик заводился с таким

треском, и Тонио так пыхтел, что казалось, он заводит трактор, а не патефон.

И вот тут наступило время выложить перед гостями сюрприз, который давно уже задумали Тонио и Лопес.

— Диско, диско, — заговорили все, подталкивая друг друга в бок локтем и подмигивая морякам.

Из недр музыкальной тумбы была извлечена старая, исцарапанная пластинка с глубоко выщербленным краем.

— Диско русо... Русская пластинка, — сказал Лопес Сальваро, поднося пластинку к морякам.

Бощман нагнулся над пластинкой, повертел ее в руках и прочел на круглой наклейке: «Монолог царя Феодора Иоанновича из пьесы А. Толстого «Царь Феодор Иоаннович». Исполняет артист Московского Художественного театра В. И. Качалов».

Все потрогали пластинку: каждый хотел сам прочесть надпись на ней. Вся толпа заулыбалась, словно получили весточку из дому.

— Откуда она у вас? — спросил помполит.

Лопес объяснил, а Тонио перевел, что пластинка эта досталась Лопесу от одного астурийского горняка, который после событий в Астурии жил некоторое время в Советской России. Потом, в июльские дни 1936 года, когда он вернулся на родину, его убили жандармы, а пластинка осталась.

— Очень веселая пластинка, — говорил Тонио. — Мы часто ставим ее, когда гости бывают, когда свадьба: мы любим все русское... Только непонятно... Очень интересно говорит, так живо, весело говорит.

И вот пластинку положили на доску патефона. Лопес вставил иголку, запустил круг. Так как край пластинки был выщерблен уголком, пришлось ставить иголку не с самого начала, а с середины диска. Стало тихо, и сквозь шорох, скрип и пощелкивание вдруг пробился картавый и теплый голос.

«Не надолго и редко удается им обмануть крестьян, — услышали изумленные моряки. — Крестьяне знают, что только в союзе с рабочими одолеют они помещика».

— Стойте! — закричал вдруг помполит вскакивая. Он вытянулся, как на параде, приложил руку к козырьку.

Помполит вытянулся, как на параде, и приложил руку к козырьку.

И все разом перестали улыбаться, ибо увидели, что моряк чем-то очень взволнован.

— Товарищи, это же Ленин!
— Ленин?!

И тогда все привстали... Как Ленин!
Лопес остановил патефон, помполит снял пластинку. Он вертел ее в руках разглядывая. Испанцы смущенно переглядывались.

— Ну, ясно,— сказал помполит,— это пластинка раннего выпуска. Записана с голоса Ленина, известная пластинка, обращение к Красной Армии. А это ваш астуриец, верно, нарочно наклейку переменил, чтобы можно было провезти пластинку, а то бы у него отобрали жандармы.

— Ленин! — повторил Лопес Сальваро, ударив себя ладонью в лоб.

Он был, повидимому, потрясен и растерянно оглядывал то своих, то гостей:

— Ленин! О, я пустая, выведенная раковина! О, я тонто, дурак, о, я старая каракатица!.. А мы ее пускали на свадьбе!!!

Он схватился руками за голову и сел на скамью совершенно подавленный.

— Ничего, ничего, товарищ,— сказал помполит, кладя пластинку на круг патефона и заводя его.— Дело вполне простительное. Откуда же вам было знать? А вот теперь давайте послушаем по-настоящему. Ну-ка, товарищ Тонио, как можешь, переводи.

И в саду Лопеса Сальваро, в деревне Лаванке, что по-испански значит «дикая утка», над остывшими противнями и опустевшими стаканами раздался голос Ленина:

«Иногда называют себя коммунистами в деревнях худшие враги рабочего народа, насильники, прилипшие к власти ради корыстных целей и действующие обманом, позволяющие себе несправедливости и обиды против среднего крестьянина..»

— Одну минуточку: давайте разберемся,— проговорил помполит, словно вел занятия у себя на корабле.— Одну минуточку,— проговорил он и остановил патефон.— О чем здесь говорит Ленин? Он говорит о том...

И помполит раз'яснил Тонио Шоколаду, мешая английские, французские, испанские и голландские слова, о чем говорил Ленин.

— Уже, уже понял,— говорил Тонио и переводил слушателям: — Ленин здесь говорит, что есть много всякого жулья и мошенников. Вот нацепят на себя всякие значки и изображают из себя прямо самых лучших приятелей народного фронта, а на самом деле только пакостят... Вот, вроде твоих друзей-анархистов,— вдруг обратился он к молодому волосатому парню в черно-красном, анархистском галстуке.

— Это неправда! Ленин не говорил об анархистах,— запротестовал тот.

— Не говорил, но имел в виду именно вашего брата.

Все рассмеялись, и кто-то, хлопнув парня по затылку, сдвинул ему на нос его двурогую шапочку...

Потом помполит раз'яснил всем простые и мудрые фразы Ленина о среднем крестьянине.

— Правильно, вот это правильно,— поддакивал Лопес Сальваро,— Ленин — это действительно вот, — и, встав на цыпочки, он высоко поднял руку, чтобы показать, как велик был Ленин.

— Но это же политика, Лопес! — поддразнивал его Тонио.

— Для вас это политика, а для меня здравый смысл,— упрямо отвечал старик.

— О, катапалзма, скучный человек! — сказал Тонио.

Помполит тем временем уже пустил иглу на последний круг диска.

«Стойте крепко, стойте дружно,— говорил Ленин.— Смело вперед против врага. За вами будет победа. Власть помещиков и капиталистов, сложенная в России, будет побеждена во всем мире!»

— Это он нам говорит,— закричал Тонио Шоколад,— даю честное слово, это он нам говорит: «Стойте крепко!» Понимаешь ты, Лопес, слышишь ты это, вытяжной ты пластырь? Или ты тоже будешь спорить?

Лопес молчал, но еще и еще раз пустил пластинку, и еще и еще раз перевел слова Ленина, растолкованные помполитом, уже охрипший Тонио Шоколад.

К вечеру гости уехали, увозя вороха крупных испанских роз с лепестками, плотными и словно сделанными из лайки. Ящики и корзины с апельсинами были привязаны на крышу кузова и подножки автомобиля. Когда гости уехали, Лопес Сальваро, закрыв двери и окна, вынул опять пластинку, засунул подушку в патефон, чтобы он говорил потише, и еще раз прослушал диск. Потом он аккуратно снял пластинку, завернул в мягкую бумагу и осторожно упрятал в футляр для пластинок.

Но недолго довелось лежать пластинке в футляре. Весть о том, что у старого Лопеса Сальваро есть диск с голосом знаменитого Ленина, облетела всю округу. Крестьяне из дальних деревень приезжали, чтобы послушать голос Ленина и

толкования Лопеса. Если в деревне собирался митинг, то непременно теперь посылали Лопеса за заветным диском, и на площади звучал голос Ленина.

— Слышишь, Лопес, отдай нам диск,— приставал к нему Тонио Шоколад,— зачем тебе он? Ты же далек от политики как от неба.

— Тонио,— говорил Лопес, ласково беря за пояс своего друга.— Ты говорил, что небо становится близким, когда на нем бомбовозы. Так вот политика может стать тоже довольно близкой, когда о ней говорит Ленин, а не мальчишка с кастаньетами вместо языка.

Но все ниже и ниже спускалось над Лаванкой дымное небо войны, все ближе и ближе становилось громыхание канонады, все плотнее подступала к Лопесу Сальваро политика, которой он так страшился.

Фашисты подходили к Лаванке. Ушел на фронт Тонио Шоколад, сколотивший из деревенских своих друзей летучий отряд. Их провожала вся деревня, Лопес крепко расцеловался с Тонио, и, уходя, отряд слышал несущийся из громкоговорителей голос Ленина с диска Лопеса Сальваро:

«Стойте крепко, стойте дружно. Смело вперед против врага. За вами будет победа!»

Однажды зловеще и низко зарычало небо над Лаванкой и три самолета с черными крестами на крыльях прошли совсем низко над деревней. По улицам запрыгали пули, а потом часть улицы вместе с домами, деревьями и землей, превратившись в дым, прах и обломки, высоко взлетела в воздух.

Фашисты бомбили Лаванку. Но тут откуда-то сверху, из-за облака, с мотором, воющим от ярости, ринулся маленький истребитель. И сейчас же около одного из крыльев с крестом выросло желтое облако с багровыми прожилками огня, выросло, набухло, налилось. Через три секунды на земле услышали удар взрыва: черный бомбовоз, вдруг весь обросший красными перьями огня и космами дыма, кувырком свалился с неба.

Маленький истребитель погнался за двумя другими машинами. Бомбовозы улетели в разные стороны.

Войска республики оставляли Лаванку, проходя по мосту, через который в памятный воскресный день Тонио Шоколад примчал на своей машине советских моряков. Линия фронта, выгнувшись двумя кривыми рогами, охватывала деревню, и, чтобы не попасть в ловушку, республиканцы отступали. Последним прошел по мосту отряд Тонио Шоколада. Мало кто уцелел за эти дни в отряде, да и сам Тонио шел прихрамывая, с головой, на которой резко выделялась белая повязка с проступающей на ней кровью.

— Идем, Лопес, идем, старина!— крикнул Тонио, кивнув своему приятелю.— Или ты в самом деле думаешь остаться, скучный ты человек?

— Я останусь на своей земле,— сказал Лопес, не глядя на Тонио.

— Бобо! — крикнул тогда, не оборачиваясь, Тонио.— Бобо!— крикнул он, а это по-испански значит «дуралей».

Через день с другого конца улицы вошли в деревню фашисты.

Сперва по деревне прошли восемь запыленных, озирающихся по сторонам солдат в грязных моно. Они шли с винтовками наперевес, заглядывая в окна и двери, и, прежде чем завернуть в переулок, осторожно высывали голову за угол, всматриваясь.

Безмолвна была деревня, безмолвно галли пришельцы. Через полчаса по улице, где уже часовыми стояли на перекрестках первые солдаты, пропылил большой отряд фашистов. Впереди шли люди, одетые в пеструю рвань. На них были стоптанные ботинки, оторвавшиеся подошвы били по пяткам.

Они шли вразброд, спотыкаясь, вобрав грязные шеи в воротники комбинезонов, словно каждую минуту ожидая удара сади.

За ними более уверенно, печатая шаг, шли небритые солдаты в новых куртках и хороших ботинках. Они шли, держа ружья наперевес, не глядя по сторонам, держа равнение на жирного человека с обвислыми седыми усами и четырехугольной бородой. Человек этот, идя несколько в стороне, командовал хриплым и каким-то чужеродным для всех голосом, выговаривая испанские слова нечисто, хотя слишком старательно. «Итальянец-макаронник»,— сразу решил Лопес Сальваро,

поглядев на него через изгородь своего двора.

Фашисты расставили сторожевые посты вокруг деревни и на мосту. Солдат разместили в уцелевших крестьянских домах. В доме Лопеса, который жил одиноко и по-холостячки, поставили двоих. Бласко и Алонсо — так звали этих двоих.

Это были застенчивые крестьянские парни с длинными руками, торчавшими из казенных курток.

Лопес посмотрел на их руки, и ему не нужно было уже спрашивать, откуда эти парни. Он сразу увидел, что эти четыре узловатых широкопалых руки привыкли держать не винтовку, а мирный инвентарь крестьянского хозяйства, тяжелые орудия деревенского труда, обточенные прикосновениями целых крестьянских династий.

— Мы вам не помешаем, отец? — сказал один из них, сутулый и горбоносый — его звали Алонсо, — расстилая на полу у стены жиденькое клетчатое одеяло. — Очень хочется спать... Мы ведь тоже люди, — добавил он, виновато взглянув на Лопеса, который строго и неодобрительно глядел на него.

— Командир сказал, не ложиться, — заметил второй.

— Я подохну, если не лягу, — проворчал Алонсо, с наслаждением потягиваясь на одеяле. — Бласко, будь другом, посторожи. Если я не посплю хоть полчаса, я подохну.

— Дурак, — сказал второй, — я, кажется, уже стоя сплю, как лошадь. Если я только прислонюсь к чему-нибудь, — крышка: ты меня не будишь до самой победы нашего генералиссимуса.

Оба зло засмеялись, но внезапно осеклись, бросив испуганный взгляд на Лопеса Сальваро.

— Ха, малыши, — сердито сказал Лопес, — ложитесь спать. Что вы клюете носами воздух, как слепые цыплята. В моем доме вы можете спать спокойно. Правда, я не звал вас в гости, но мой дом — это мой дом. Там, за стеной, может идти война. Меня это не касается. Если придет ваш офицер, я разбужу вас. Но не советую вам спать до победы вашего генералиссимуса. Это значит спать вечным сном.

— Но, но, — сказал Алонсо, — ты шути, шути, да оглядывайся!

Впрочем, оба солдата растянулись на одеялах, и через минуту комната наполни-

лась храпом двух тяжело уставших, давно не спавших людей.

Лопес сел на пороге, чтобы выкурить свою вечернюю трубочку. Небо с крупными звездами высоко выгибалось над ним и снова казалось далеким и мирным. На улице было темно. Только в нескольких домах, занятых солдатами, светились огни. На мосту раздавались окрики патрульных, глухие удары орудийных залпов доносились из-за горной гряды. Потом где-то совсем близко раскатилось несколько выстрелов. В комнате зашевелились. Верно, незваные постояльцы проснулись. Лопес прислушался.

— Ха, Алонсо, слышал? Это щелкают где-то рядом.

— Лежи, лежи, пока это нас не касается.

— В сущности говоря, нас вообще все это не касается... Попали мы с тобой...

— Ты всегда, когда выспишься, начинаешь умничать.

— Разве неправда?

— Правда-то — правда, да что ты так поздно проснулся?

— А кто знает, если бы тогда мне дали хорошо выспаться, я бы наутро не сделал такой глупости. Мы бы с тобой были давно на той стороне.

— Что значит, на той стороне?

— Это значит по ту сторону фронта или на том свете... Одно из двух.

— Я не понимаю, что ты крутишь со мной?

— На кой черт нам сдались эти черные банditы! Ты же сам так думаешь!

— Я так думаю, но я так не говорю. Рекомендую и тебе болтать поменьше.

Оба помолчали. Лопес, привстав, напряженно прислушивался. Вдруг тяжелые шаги затопали у самого крыльца, и Лопес рассмотрел в темноте громоздкую фигуру бородатого офицера. Лопес успел вбежать и предупредить солдат. Они разом вскочили, отряхиваясь, застегиваясь, оправляясь. В дверь уже шагнул офицер:

— Какого дьявола здесь такая темь?! Закройте окна и зажгите свет! Где ваши винтовки, карафита, дурачье, вы хотите, чтобы вас перерезали в темноте? Или вы вздумали тут спать? Вы у меня живо продохаетесь...

Лопес зажег лампу, поставил ее на стол. Лампа осветила снизу рыхлое лицо офицера, дряблые ноздри его широкого носа, набрякшие веки.

— Как тебя звать? — спросил офицер, обращаясь к Лопесу.

— Лопес Сальваро.

— Ага, — сказал офицер, — ты, кажется, один из местных заправил? Что же ты не удрал с красными? Шпионить остался? Агитировать?

— Это мой дом, — начал было Лопес, но офицер грубо прервал его:

— Мы дадим тебе другую квартиру, более подходящую. А ну, давайте-ка поглядим, почему этот домосед так дорожит своей лагугой...

Вынув тесак из ножен, сапогом разворошив постель, офицер принялся за осмотр комнаты. Солдаты, неуклюже топчась, бросая виноватые взгляды на Лопеса, двигали скамьи, выворачивали содержимое комода. Лопес безучастно следил за этим разгромом, стоя в стороне.

Вдруг пальцы его судорожно сжались: офицер подошел к музыкальной тумбе, открыл дверцу.

— А! ну-ка! — сказал он.

Один из солдат стал вынимать пластинки. Офицер бегло проглядывал названия. Черные лоснящиеся шеллачные диски, слегка повизгивая, соскальзывали один с другого на стол. Это были валенсийские песенки, куплеты Аргентиниты, марш на выход тореадоров. Ничего предсудительного тут не было.

— Вот тут еще одна, — сказал вдруг неуклюжий Алонсо, нагибаясь к патефону и вытаскивая из нижнего отделения тумбы завернутую в шелковый шарф пластинку.

— Давай сюда! — сказал офицер. — Да ведь это русская! Стоп! Хо! «Царь Федор Иоаннович». Странно, откуда у тебя русская пластинка?

У офицера вдруг стали очень веселые и снисходительные глаза.

— Это мне случайно досталось в наследство, — забормотал Лопес.

— А ну, крутани-ка мне эту пластинку, — сказал офицер.

Трясущимися руками Лопес поставил пластинку и завел патефон. Он долго не мог поставить иглу на диск и, наконец, наладил. Раздался шорох, щелканье и сипенье — и затем в комнате зазвучал картавый голос.

— ...Их ничтожное меньшинство, — говорил голос из патефона. — Не надолго и редко удастся им обмануть крестьян.

— Хе, хе, — старался выдавить из се-

бя смех Лопес Сальваро. — Это очень смешная пластинка, сеньор офицер. Мне говорил мой покойный приятель, это очень комично.

— Врешь, старая гадина! — вдруг ревел офицер. — Втирай очки кому-нибудь другому, а не мне. Я слышу, о чем идет тут речь. Я бывший офицер русской армии. Это красная пластинка. Я в последний раз слышал такие словечки в 20-м году, когда мы расстреляли за них одного такого говоруна. А теперь...

Он ударил кулаком по мембране. Взвизгнув, игла пролетела по спирали диска. Схватив обеими руками пластинку, офицер занес ее над выдвинутым вперед коленом, чтобы переломить сразу, но в ту же секунду неожиданно для самого себя Лопес ударил его сзади по голове тяжелым кувшином, схваченным со стола. Офицер молча и тяжело осел на пол, и Лопес успел выхватить у него из рук драгоценную пластинку.

— Вот, — сказал Лопес, не зная, что сказать, и растерянно вертя диск в руках.

Двое солдат смотрели на него с ужасом. Младший, выронив винтовку, пятился к дверям, и она с тяжелым лягом упала на пол. Высокий дрожал как в лихорадке.

— Это белый бродяга, — заговорил Лопес, — наемный убийца. Они продавали свою родину, а теперь хотят заставить нас продать Испанию. Их хозяев выгнали из России, а они бросили свою землю и теперь воюют для чужих хозяев. Видели, как он испугался пластинки. Это Ленин говорит в пластинке, это моя пластинка, хотя сам я не политик. Но надо понимать, что к чему. Ну что вы молчите? Ну расстреляйте меня! Ведите к моему...

— Беги, — сказал вдруг Алонсо.

И он отошел от дверей, давая проход Лопесу.

— Беги, мы тебя не тронем, это — наше дело.

— Нет, это — ваше дело! — закричал вдруг Лопес. — Вас за это дело расстреляют. Я без вас не уйду: или вы меня ведите сейчас же к моему коменданту или идемте вместе. Я знаю тут все дороги. Я слышал, о чем вы тут шептались. Мы через полчаса будем у своих.

— Кто они, эти свои? — спросил второй солдат.

Лопес держал руки за спиной, словно они были у него связаны.

— Свои — это наши, — сказал Лопес.

— А наши — это кто?

— О, бог мой, вот катаплазма! — рассердился Лопес.

— Берите винтовки, — сказал он, когда увидел, что солдаты ставят в угол свои ружья, — берите с собой. Нечего идти с пустыми руками. Это пригодится в хозяйстве, — добавил он усмехнувшись.

Он оглядел комнату, печально покачал головой, потом взял со стола пластинку, засунул ее под фуфайку на груди, замотал шею шарфом.

— В случае чего скажите, что вы ведете меня в командансио.

И они вышли на темную улицу. Лопес держал руки за спиной, словно они были у него связаны. А справа и слева, чуть-чуть позади, шагали с ружьями наперевес два солдата фашистской армии, два солдата генералиссимуса Франко — Бласко и Алонсо.

Когда редкие огни деревни скрылись позади, за горой, Алонсо проговорил:

— Слушай, отец, ты нас не подведешь?

Понимаешь, мы, собственно, сами случайно... Мы служили у сеньора Кроче, и он нас сам записал в фалангу, а потом было уже поздно думать.

— Ты скажи за нас словечко, — перебил его второй, — а то как бы нас...

— Нам все равно, — сказал первый, — нам дела нет до политики, но мы знаем одно: с Франко нам не по пути. Ну его к дьяволу!

— Мне тоже нет дела до политики, — сказал Лопес, — но политика — это такая штука, что она вдруг сама приходит в твой дом, берет тебя за горло, и ты должен сказать: «вива» или «абахо» — «да здравствует» или «долгой».

— Мы один раз уже напутали с этим делом, — сказал Алонсо.

— Ну ничего, теперь мы крикнули — абахо — навсегда, — возразил Бласко.

— Теперь вопрос: скажут ли нам — вива — красивые?

Два оглушительных выстрела раздалось у них словно над самым ухом. Вспышки их озарили, казалось, всю ночь. Лопес тотчас оказался на земле, к которой его прижимали два более опытных и бывалых в таких делах спутника. Он закрыл глаза, потом услышал вокруг себя топот множества ног, крики: «Контролядо докumento!»

Чьи-то жесткие руки взяли его подмышки и поставили. Кто-то махал на него кулаками перед самым носом, кто-то толкнул в спину. Спутники его исчезли.

Он шел в темноту, спотыкаясь в толпе людей, один из которых крепко держал

его за локоть и временами, когда Лопес запинался, легонько толкал его другой рукой в спину. Потом его ввели в какую-то палатку, полную бегающих угловатых теней на стенах и холщевом потолке. Качались фонари в руках людей, одетых в моно.

Лопес слушал. Бласко и Алонсо заученными солдатскими голосами называли себя и свою часть. Потом фонарь, поднесенный к самому лицу, ослепил Лопеса:

— Ну, а ты откуда, что ты за птица?

— Лаванка, — начал Лопес.

И тотчас раздался густой хохот.

— Ага, дикая утка, — сказал человек с фонарем, — я-то думал, что это за гусь? Ну, есть у тебя хоть какие-нибудь документы?

Но у Лопеса не было никаких документов.

— Меня знает Тонио Шоколад, — сказал он.

— А Тонио Горчица тебя не знает?.. Или, может быть, тебя нам рекомендует Тонио Касторка?

Все засмеялись вокруг.

— Так-таки ничего? — спросил шутник с фонарем. — А что у тебя там, за пазухой?

И прежде чем Лопес успел опомниться, человек вытащил у него из-за пазухи пластинку и поднес к огню.

— Это и есть мой документ, — сказал вдруг Лопес. — Это диско Ленина. Осторожнее вы! Диско и так треснул.

— Ленин? — и человек так удивился, что едва не выронил фонарь.

Все сгрудились вокруг них. Кто-то уже тащил маленький походный патефончик. Его поставили на складной табурет, и через минуту голос Ленина зазвучал в палатке.

— Ну и что! — закричал вдруг человек с фонарем, размахивая им. — Что это доказывает? Я не разберу ни слова. С таким же успехом можно сказать, что это Карл Маркс.

Все захохотали. Кто-то увесисто хлопнул Лопеса по спине.

— Я немного знаю русские буквы. Там написано: «Царь Федро», — закричал кто-то.

— Не найдется ли у тебя за пазухой чего-нибудь повернее, — закричали Лопесу.

— Нехорошо, когда люди гогочут как ослы, — сказал вконец обиженный старик.

Но вдруг все замолчали и вытянулись. Быстрыми шагами в палатку вошел худой человек в круглых очках, за толстыми стеклами которых смотрели прищуренные утомленные глаза.

— Что тут за вечеринка с патефоном? — спросил человек, беря фонарь и разглядывая Лопеса.

— Камарадо комиссаро... эту перелетную дичь захватили вблизи аванпостов. С ним были два перебежчика, они убили офицера, а этот уверяет, что принес за пазухой пластинку, и это, говорит, Ленин.

— Одну минуточку, — сказал комиссар, — где пластинка? А ну, закрутим.

И снова застывший голос заговорил в палатке, пробиваясь сквозь шорохи, хрипы и трески.

— Смирно, встать! — закричал вдруг комиссар. — Это Ленин! Я слышал его на конгрессе Коминтерна в 1921 году. Такие голоса не забываются. Это говорит Ленин, камарадос! Ленин с нами, товарищи!.. Он желает нам победы, он уверен в ней. Смирно! Через час мы наступаем. Товарищ, надеюсь, покажет нам хорошую дорогу.

И люди стояли, вытянувшись, застыв, сурово сжав кулаки, вскинув их вверх.

Фонари освещали улыбающиеся губы, ресницы широко раскрытых глаз... И давешний шутник, прикрывая фонарь рукой, чтобы свет не бросался в глаза Лопесу, прошептал:

— Тысяча извинений, компаньеро... Вы правы: я форменный осел!.. Присядьте. Вы устали, а скоро выступать.

Портреты Ильича

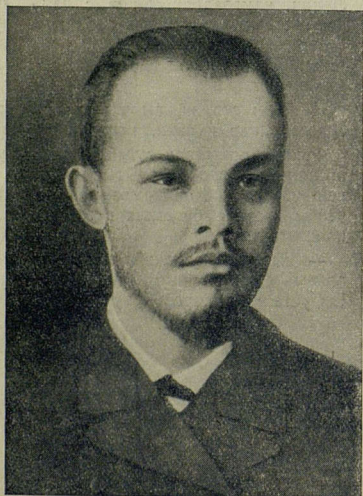

Таким был Владимир Ильич в 1887 году. В этом году он окончил гимназию. В этом году царские палачи повесили любимого брата Ильича—Александра. В этом году Владимир Ильич поступил в Казанский университет и в этом же году впервые «познакомился» с полицией. Ильича арестовали вместе с 40 другими студентами за участие в студенческой сходке.

Полицейский пристав, который вез Владимира Ильича в участок, наставительно говорил молодому студенту:

— Что вы бунтуете, молодой человек, ведь перед вами стена!

— Стена, да гнилая, тнки и развалится! — не задумываясь ответил Ильич.

Прошло пять лет. Владимир Ильич упорно учился и работал в революционных кружках. Вот что рассказывает о том времени, к которому относится этот портрет (1892 год), сестра Владимира Ильича Анна Ильинична:

«Помню, как летом в Самарской губернии он устроил себе уединенный кабинет в густой липовой аллее, где дал вкопать в землю скамейку и стол. Туда уходил он, нагруженный книгами, после утреннего чая с такой точностью, как будто бы его ожидал строгий учитель, и там, в полном уединении, проводил все время до обеда, до 3 часов.

Никто из нас не ходил в ту аллею, чтобы не мешать ему.

Кончая с учебой в утренние часы, он после обеда уходил в тот же уголок с книгой по общественным вопросам; так, помню: читал по-немецки Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». А потом погуляет, выкупается, и после вечернего чая выносятся лампа на крылечко, чтобы комары в комнату не налетали, и опять Володина голова склонена над книгой».

Этот снимок сделан жандармами в конце 1895 года. Тогда Ильич работал в Петербурге, организовывал рабочих, закладывал фундамент большевистской партии. Царские ищейки ходили за ним по пятам. Много надо было проявить ловкости и настойчивости, чтобы ускользнуть от них. Однажды Ильич горючил на какое-то собрание, а за ним увязался шпик. Надо было во что бы то ни стало отделаться от него. Шпик понял, что его заметили, и спрятался в ворота какого-то дома. Тогда Ильич быстро прошел мимо ворот, вскочил в подъезд того же дома и уселся в кресле швейцара. С улицы его не было видно, а Ильич видел все, что происходит на улице, и покатывался со смеху, глядя, как мечется шпик, потеряв «добычу».

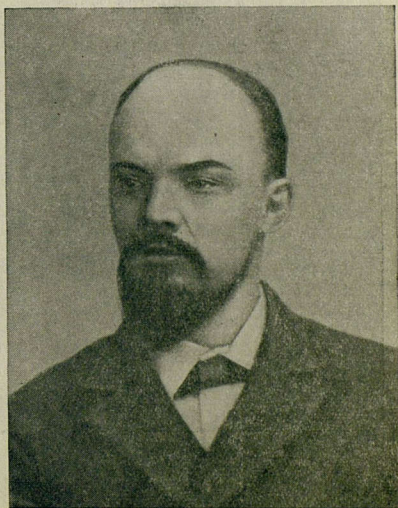
Но все же жандармам удалось выследить и арестовать Ильича. В жандармском управлении они усадили его на стул и сфотографировали прямо — спереди, а потом сбоку. Так фотографировали они каждого революционера, попадавшего к ним в лапы. Снимки эти рассылались по всем жандармским управлениям, чтобы все жандармы следили потом за лицами, изображенными на снимках.

Товарищ Сталин познакомился с Лениным в 1903 году. Но знакомство это было не личное, а заочное, в порядке переписки. Впервые же увидел товарищ Сталин Ленина вот таким, каким он изображен на этом портрете, в 1905 году, на конференции большевиков в Таммерфорсе (в Финляндии).

Товарищ Сталин рассказывал потом, что его несколько поразило, когда Ильич явился на собрание раньше других делегатов и, забившись где-то в углу, простецки вел беседу, самую обыкновенную беседу с самыми обыкновенными делегатами конференции.

«Только впоследствии я понял,— говорит товарищ Сталин,— что эта простота и скромность Ленина, это стремление остаться незаметным или, во всяком случае, не бросаться в глаза и не подчеркивать свое высокое положение,— эта черта представляет одну из самых сильных сторон Ленина как нового вождя новых масс, простых и обыкновенных масс глубочайших «низов» человечества».

В той же речи на вечере кремлевских курсантов, из которой мы привели слова товарища Сталина на предыдущей странице, он говорил о замечательном качестве Ильича — не хныкать после поражения.

Этот снимок сделан в 1911 году, когда царское правительство после поражения революции 1905 года жестоко обрушилось на революционеров. Многие организации партии были разгромлены, но Ильич не унывал: он упорно воссоздавал партию, закалял ее ряды. Ленин не только писал статьи и книжки, в которых раз'яснял, что нужно сейчас делать большевикам. Он организовал в окрестностях Парижа партийную школу, куда приезжали из России, тайком перебравшись через границу, передовые рабочие, для того чтобы там под руководством Ленина подготовиться к революционной работе. В этой школе в числе других учился и тов. Орджоникидзе.

Трудно узнать на этом портрете Ильича. Это и не удивительно. На Ильиче парик, лицо его загрировано. Снимок этот сделан в 1917 году, когда Ильичу пришлось скрываться от ищек Временного правительства. Ильич жил тогда в шалаше на лугу около станции Разлив. Но в Петрограде оставались друзья и соратники Владимира Ильича во главе с товарищем Сталиным. По ленинским указаниям готовили они Великую Октябрьскую Социалистическую революцию.

Однажды по поручению товарища Сталина приехал в Разлив тов. Орджоникидзе. Переплыл он на лодке озеро и пошел по лугу. Неожиданно из-за стога сена вышел незнакомый человек.

— Что, Серго, не узнаете?

Только тут понял тов. Орджоникидзе, что перед ним Владимир Ильич.

1919 год. На молодую Советскую республику со всех сторон напали враги. Но Ильич твердо верит в победу. 1 Мая, выступая с речью на Красной площади, Ильич, указывая на детей, окружавших трибуну, говорил:

— Внуки наши, как диковинку, будут рассматривать документы и памятники эпохи капиталистического строя. С трудом смогут они представить себе, каким образом могла находиться в частных руках торговля предметами первой необходимости, как могли принадлежать фабрики и заводы отдельным лицам, как мог один человек эксплуатировать другого, как могли существовать люди, не занимавшиеся трудом. До сих пор, как о сказке, говорили о том, что увидят дети наши, но теперь, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества—не утопия. Еще усерднее будут строить это здание наши дети.

Это один из последних снимков Владимира Ильича. По лицу видите, что Ильич болен. Годы тюрем, ссылки, годы напряженной работы и борьбы да отравленные пули, пущенные в Ильича эсеркой Каплан, сделали свое дело. Железный организм Ильича подточен.

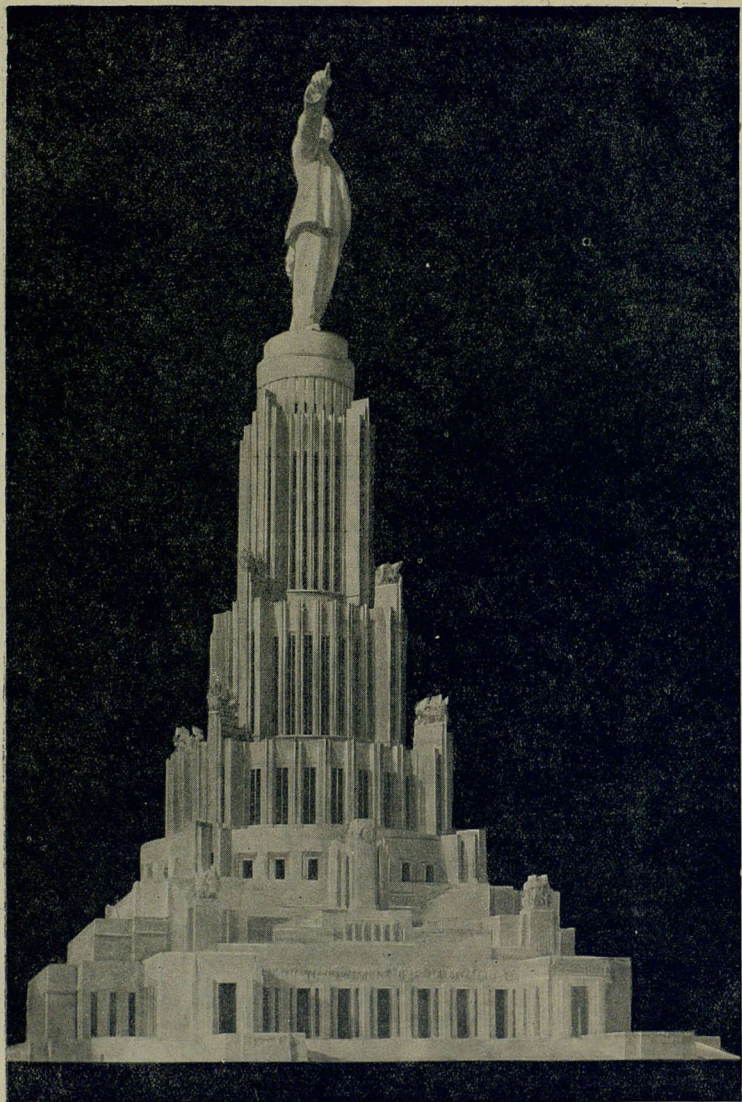
Он долго болел, упорно не сдавался, но вот 21 января 1924 года Владимира Ильича не стало.

И тогда на трибуну II съезда советов поднялся ближайший друг, товарищ и соратник Владимира Ильича — товарищ Сталин. На весь мир прозвучали великие слова сталинской клятвы.

«Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы — те, которые составляют армию великого пролетарского стратега, армию тов. Ленина. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии, нет ничего выше, как звание члена партии, основателем и руководителем которой является тов. Ленин».

Так говорил Сталин. От имени партии поклялся он не сходить с ленинского пути, твердо выполнять ленинские заветы. Клятва эта выполнена. Под руководством товарища Сталина расцвела и окрепла наша страна. В нашей стране победил социализм, и мы уверенно шагаем вперед, к коммунизму.

Дворец советов

Авторы проекта: проф. В. Г. Гельфрейх, архитектор-орденоносец Б. М. Иофан и академик-архитектор В. А. Шуко.

Памятник Ленину

Н. Атаров

В Москве, вблизи Кремля, на берегу Москвы-реки, строится Дворец советов. Это будет самое высокое здание на земле: выше египетских пирамид, выше Эйфелевой башни, выше американских небоскребов.

Дворец советов — памятник Владимиру Ильичу Ленину.

За сорок километров от Москвы можно будет разглядеть на горизонте возвышающуюся над Дворцом статую Ильича с вытянутой вперед рукой.

Многие тысячелетия простоят на земле Дворец советов. На карте мира исчезнут границы государств. Изменится самый пейзаж планеты. Возникнут коммунистические поселения, непохожие на старые города. Человек победит пространство планеты. Электричество вспашет поля Австралии, Китая, Канады.

Но Дворец советов — стройное, светлое, радостное здание, увенчанное статуей Ильича, — все так же будет стоять на берегу Москвы-реки. Люди будут рождаться, поколение за поколением, жить счастливой жизнью, стареть понемногу, но знакомый по милым книжкам детских лет Дворец советов будет стоять точно такой же, каким и мы с вами увидим его через несколько лет. Тысячелетия не оставят на нем следа, мы выстроим его на тысячелетия — без срока, чтобы стоял вечно, не старея. Ведь это памятник Ленину!

Первым, кто предложил построить Дворец советов, был Сергей Миронович Киров.

Тогда в стране была еще разруха. Интервенты и белогвардейцы затоптали поля, сожгли города. В разоренной стране все надо было начинать сначала. Враги надеялись на то, что народ, взявший власть в свои руки и разбивший врагов на фронтах, не сумеет победить разруху.

Тогда-то, зимой 1922 года, Сергей Миронович и выдвинул смелый замысел — воздвигнуть в Москве, на самой красивой и лучшей площади, Дворец советов.

— Покажем нашим друзьям и недругам, — сказал Киров, — что мы способны украшать грешную землю такими памят-

никами, о которых нашим врагам и не снилось.

С той поры прошло 16 лет. Весь мир убедился за эти годы, что большевики умеют так же хорошо строить новое, как хорошо разрушают старое, негодное.

Товарищ Сталин вел и ведет Советскую страну от победы к победе. И получилось так, что все, чем занимались советские люди в разных концах великой страны, шло на пользу Дворцу советов, подготовило его осуществление.

Бакинские пролетарии научились по-новому прокладывать буровые скважины — эти новые способы бурения применили строители, когда разведывали почву под будущим Дворцом.

На Днепровских порогах большевики построили плотину из бетона — знания днепровских бетонщиков пригодились на кладке фундамента Дворца.

На Урале, на новых машиностроительных заводах, были поставлены огромные прокатные станы — без этих машин нельзя было бы изготовить для Дворца металлические фермы еще не виданной ширины.

В Москве, в Ростове на Дону, в других городах были построены большие театры — и этот опыт пригодится в строительстве Дворца советов.

Метростроевцы облицевали мрамором стены метрополитена.

Верхолазы воздушли звезды на кремлевских башнях.

Летчики научились бороться с обледенением самолетов зимой.

Все пригодилось теперь. Конечно, мрамора для Дворца советов потребуется во много раз больше чем для метрополитена. И высоту Дворца советов нельзя сравнить с высотой кремлевских башен. А металлическая статуя на большой высоте будет так же покрываться зимой льдом, как самолет. Все это надо предусмотреть заранее.

То, что мы видим сейчас на картинке — величественный и легкий монумент из светлого гранита, — скрывает за собой тысячи сложнейших инженерных проблем. Нужны знания, упорство и труд целой

армии геологов, бурильщиков, архитекторов, бетонщиков, сталеваров, слесарей, клепальщиков, крановых машинистов, метеорологов, гранильщиков, скульпторов и художников.

Не всякая страна могла бы построить такое здание.

Да и мы еще лет десять назад не смогли бы взяться за подобное строительство. Дворец советов — это как бы смотр наших сил, смотр успехов социализма.

Рассказывая о Дворце, приходится избегать таких слов, как «удивительный», «огромный», «грандиозный».

Тут все удивительно и огромно. Высота Дворца — 416 метров, почти полкилометра.

Только фигура Ильича — одна — выше тридцатипятиэтажного дома! В указательном пальце вытянутой руки 4 метра, в ступне ноги 14 метров.

Голова величиной с четырехэтажный дом.

Как же построить все здание, если только одна статуя на нем составит не меньше хлопот чем целый небоскреб?

Сколько кирпича надо свезти в Москву? Какой толщины делать стены?

В Северной Америке, в городе Вашингтоне, стоит знаменитый обелиск высотой в 170 метров — национальная гордость американцев. Этот памятник сложен из камня. Чтобы придать обелиску необходимую прочность и устойчивость, строителям пришлось выкладывать стены толщиной в $4\frac{1}{2}$ метра.

Инженеры подсчитали, что если бы строить Дворец советов тоже из каменных или кирпичных стен, их толщина достигла бы десяти метров.

Вряд ли можно было бы создать такое сооружение, наверно, легче было бы разобрать по камешкам Хеопсову пирамиду, перевезти ее в Москву и снова собрать. Здание было бы такое тяжелое, что земля под фундаментом стала бы прогибаться и стены, в конце концов, дали бы трещины, поползли.

Дворцу советов такая опасность не грозит. Стены Дворца будут очень тонкие, а между тем прочность здания рассчитана на тысячи лет.

30 сантиметров — вот вся ширина стен Дворца и наверху и в самом подножии. В обыкновенном каменном доме и то стены толще.

Но Дворец советов — дом не обыкновенный, и прочность его особенная. Ведь Дворец — каркасная постройка. Что это такое, мы сейчас объясним.

Лет 60 назад в Чикаго строилось удивительное здание. Каждый день чикагские газеты печатали хронiku об этой постройке. Толпы ротозеев с утра осаждали высокий забор, скрывавший строительство.

Те, кому посчастливилось заглянуть в щелку забора, рассказывали необычайные вещи: стены здания строились не так, как принято — снизу вверх, — а сразу во всех этажах. Внизу еще зияли дыры, а наверху уже стояли стены.

На чем же они держались? Очевидцы говорили, что стены в каждом этаже стояли как книги на книжных полках.

Значит, были полки? Да, был каркас из металлических колонн и балок (вроде этажерки из бамбуковых палочек), на котором здание вместе со всеми стенами как бы повисло.

В обыкновенном доме — чем он выше, тем стены толще. Ведь у стен две обязанности: первая обязанность — хранить тепло, оберегать жильцов от непогоды и уличного шума. Для этого от стены не требуется особенной толщины. Вторая обязанность посложнее: придать дому прочность и устойчивость.

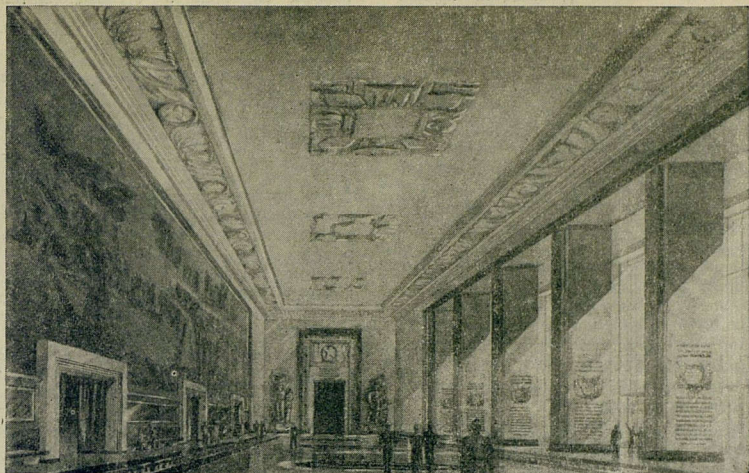
Нельзя ли разделить эти две обязанности? Этот вопрос задала себе инженеры только тогда, когда в больших городах началось строительство высоких домов-небоскребов.

Тут и появился каркас.

В каркасных домах произошло как бы разделение обязанностей. Если бы можно было подслушать воображаемый разговор между каркасом и стеной, он прозвучал бы примерно так:

Каркас. Я берусь за работу. Дом будет стоять, сколько понадобится. Я за это отвечаю. Дом наполнят люди, мебель — я выдержу и эту нагрузку. Снегопад зимой навалился на кровлю — я снегу и эту тяжесть. Ураган надавит на стены — я этого не боюсь: предохраните меня от ржавчины — и дом будет стоять веками.

Стена. Ну, если так, все остальное я беру на себя. Люди затопят печи — я сохраню тепло. На улице будут гудеть автомобили, звенеть трамваи — я обеспечу полную тишину в доме. Туман ляжет на

Таким будет боковое фойе Дворца советов.

город, но в доме будет сухо, как всегда. Нет ничего проще! При этом я могу быть втрое тоньше прежнего. Дом будет легче и дешевле, полезная площадь в доме увеличится. Транспорт при постройке сократится.

При сооружении каркасного дома инженеры уже не говорят о стенах: они говорят о стенозаполнителях.

В Америке многие небоскребы построены из «каменной ваты». Обыкновенный камень расплавляют в печах на заводе и продувают сильной струей воздуха. Получается рыхлая масса, она остывает, ее прессуют, распиливают на плитки и отправляют на строительную площадку.

Из «каменной ваты» можно строить тонкие стены, в шесть—семь раз тоньше чем из обыкновенного кирпича.

Встарину дома строились с очень толстыми стенами. Подойдите к окну в старинном доме — стены такие толстые, что на подоконнике можно улечься и вдоль и поперек. Встарину строители не очень беспокоились о весе дома, как не очень беспокоились о весе телеги или брички.

В самолете каждый винтик взвешен. Если конструктору удастся облегчить авиационный мотор на несколько граммов, самолет сможет лететь быстрее.

Точно так же стали теперь беспокоиться о весе и строители домов.

Раньше инженер рассмеялся бы, если б его спросили:

— Сколько весит ваш дом?

Теперь вес дома часто говорит о его техническом совершенстве. Легко — значит правильно, значит дешево и скоро.

Каркасный дом строится очень быстро. Это его второе преимущество.

Он даже и не строится, а собирается, монтируется, как машина или железно-дорожный мост.

На строительной площадке чистота и порядок, не видно завалов кирпича, глины, извести. Металлические колонны и фермы поступают в готовом виде с заводов. Здесь их устанавливают мостовые краны.

На постройке каркаса Дворца советов будет работать всего двенадцать кранов. Не пройдет и месяца после начала монтажа, как москвичи увидят из-за забора вознесенные стрелы кранов, точно хоботы огромных слонов, несущие металлические колонны.

Как только краны поставят первый ярус колонн Дворца, так сейчас же они переползут на него и начнут на нем собирать второй ярус.

Со второго яруса двенадцать кранов переползут на третий.

Над Москвой, над старинными кремлевскими башнями, отражаясь в Москве-реке, поднимется и станет день ото дня расти ажурная металлическая башня. По началу в ней нельзя будет угадать контуров будущего Дворца. Мы начнем его понемногу узнавать только через год, когда двенадцать слопоподобных кранов уже взберутся на страшную высоту.

Там, вверху, двенадцати кранам станет тесно работать. Тогда два крана отстанут от товарищей.

Но они не сползут на землю: они останутся на той высоте, до которой добрались, и будут перегружать и подавать вверх идущие с земли колонны.

Еще выше станет тесно и десяти кранам. И еще два отстанут от товарищей.

И чем выше будут подниматься краны, тем меньше их будет.

Крановые машинисты будут отборные ребята. Мы их, наверно, будем знать по фотографиям. Вся страна будет следить за их соревнованием там, на головокружильной высоте, в московском небе.

Чтобы строителям не спускаться по лестякам на землю, для них на каркасе будут построены столовые, красные уголки, комнаты, где погреться. Ведь обеденное путешествие — не шутка: полчаса туда да полчаса обратно.

Самый верхний барабан башни будут монтировать только два крана. Они будут работать и зимой — в свирепый мороз, и летом — в зной. И однажды наступит праздник: два машиниста со своими бригадами такелажников, клепальщиков и сварщиков закончат монтаж Дворца. В тот день все газеты мира облетит эта чудесная весть.

Обыкновенно скульптуру высекает резцом из камня ваятель. Но стацию Ильича над Дворцом соберут из тонких листов нержавеющей стали. Над произведением искусства здесь потрудятся не только скульпторы, но и инженеры.

Один-единственный кран соберет всю стацию до самой головы. А руку будут приставлять при помощи особого механизма. Это будет работа для отважных и смелых, для тех, у кого голова не кружится от высоты.

Тем временем на разных этажах Дворца начнут «одевать». На наших глазах здание перестанет быть прозрачным, ажурным, как вначале. Металлический

каркас скроется в стенозаполнителях. Затем его выложат гранитом.

А внутри между тем...

Внутри еще тысячи сказочно трудных задач — одна за другой — будут решаться строителями.

Как будто целый мир строится заново: тысячи разных «чем», «как» и «что».

★

Как натереть полы во Дворце, если для этого требуется 2500 полотеров?

Как окна мыть на высоте трехсот метров?

Сколько мусора наберется за день, и как его убрать?

Где людям сложить пальто и шапки, где калоши снять — уж не придется ли держать целую армию гардеробщиков?

Как сделать, чтобы узбекам не было холодно в залах Дворца, а якутам — жарко?

Во Дворце будет работать Верховный Совет СССР.

Для заседаний Совета, для партийных съездов, стахановских слетов, научных конгрессов во Дворце советов будет 2 зала: Большой и Малый.

Малый зал называется так лишь по сравнению с Большим. На самом деле он совсем не «малый»: в нем поместится 6 тысяч зрителей. В мире нет театров такой величины, как Малый зал Дворца советов.

О Большом зале надо, конечно, рассказать подробнее.

20 тысяч человек — это население целого города, но в Большом зале можно будет поместить больше: 21 тысячу человек.

Высота купола над партером — 100 метров, так что в Большом зале можно было бы поместить на выбор: московскую колокольню Ивана Великого, ленинградский Исаакиевский собор или двадцатиэтажный небоскреб.

В мире нет таких помещений, нет даже и вдвое и втрое меньших.

Театральные залы бывают прямоугольные, подковообразные, с двумя, тремя, а то и пятью этажами балконов и галерей. Ведь надо так рассадить публику, чтобы зрители даже в последних рядах видели и слышали все, что происходит на сцене. Чем больше зрителей вмещает театр, тем труднее найти самую лучшую форму зрительного зала.

Тут на помощь архитекторам Дворца советов пришла их наблюдательность.

Приходилось ли вам видеть собрание или митинг под открытым небом — в поле или на городской площади?

5 или 10 человек обступают оратора как попало: все равно всем слышно.

50 или 100 человек уже располагаются правильнее: они окружают оратора со всех сторон.

500 человек обязательно кольцом обложат трибуну так, что митинг сам собой примет форму правильного круга. При этом вот что интересно: трибуна окажется не в самом центре, как можно было предполагать, а ближе к одному из краев человеческого кольца.

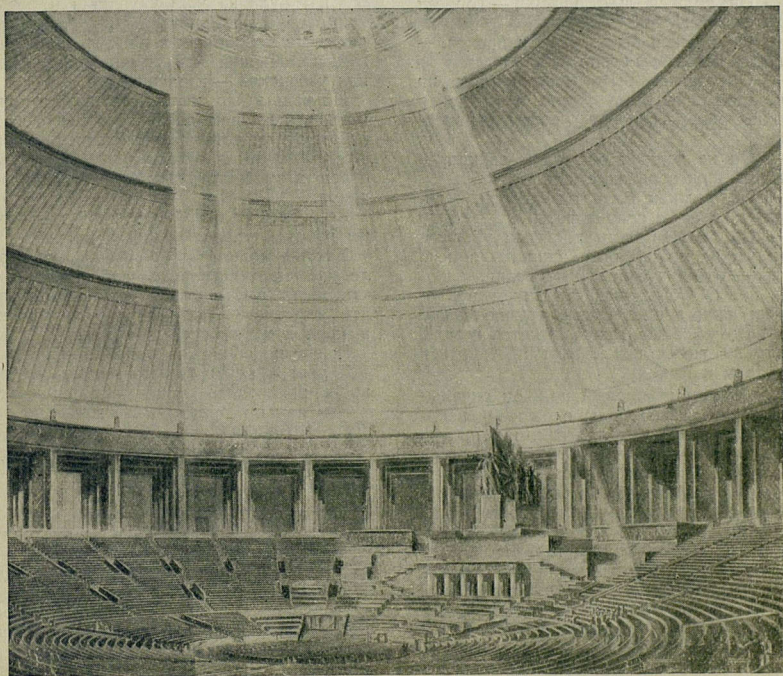
Вот эту естественную форму круга и выбрали архитекторы для Большого зала. Он будет круглый, а президиум и ора-

тор расположатся на мраморных террасах — не в середине зала, а в одном из его боковых секторов.

Огромный металлический купол Большого зала будет так сильно освещен, что у всех зрителей возникнет впечатление открытого солнечного неба над головой. Тяжелые своды не будут давить сверху и угнетать людей, как в темных, старинных соборах. Да и сам купол не будет покоиться на колоннах, окружающих зал.

Как люстра подвешена к потолку, так купол Большого зала будет подвешен к основному каркасу Дворца.

Самый страшный враг театральных строителей — эхо. Оно еще хуже старательного суфлера: тот громко шепчет, забегая вперед и мешая слушать актера, а эхо повторяет каждый звук, передразнивает.

*В мире нет таких помещений, каким будет Большой зал Дворца советов.
В нем можно будет поместить двадцать одну тысячу человек.*

Придя в новый театр, актеры всегда пробуют свой голос: как он звучит, нет ли эхо в помещении, хорош ли резонанс.

Чем больше зал, тем больше нужно опасаться эхо. В Большом зале Дворца голос оратора пролетит 100 метров до купола, и если отразится в стенах и вернется вниз, то опоздает по сравнению с прямыми, неотраженными звуками на целую секунду. Это и есть настоящее эхо. С ним надо бороться еще до того, как выстроены зал и купол.

Инженеры придумали несколько способов уничтожения эхо. Они устраивают в куполе как бы двойные стены со множеством мельчайших отверстий, чтобы звуки улавливались как мышь в мышеловку.

Подумайте, сколько возни с одним только куполом Большого зала!

— Он должен быть красив, — говорят архитекторы.

— Он должен быть легкий и прочен, — говорят инженеры-строители.

— Он должен быть залит светом, но так, чтобы не было видно лампочек и прожекторов, — говорят инженеры-электрики.

— Он не должен отражать звуков, — говорят инженеры-акустики.

— Он должен быть огнеупорен, — говорят пожарные специалисты.

— Он должен быть доступен уборщикам, чтобы можно было снимать с него пыль, — говорят санитарные врачи.

А полы? Обыкновенный паркет не годится: даже и представить трудно, какое оглушительное шарканье начнется в зале, когда 40 тысяч ног станут пробираться по рядам к выходу.

Тут нужен резиновый пол: он скрадывает звуки. Такие полы сделаны в некоторых американских театрах. Но против резиновых полов решительно выступили пожарные. Они уже сейчас наблюдают за Дворцом так, как будто бы он давно построен. Дело в том, что резиновые полы во время пожара могли бы отравить ядовитым газом весь Дворец так, что пожарные не смогли бы бороться с огнем. Резиновые полы были отвергнуты.

Есть предположение, что в Большом зале полы будут сложного устройства — на пружинах; публика войдет и выйдет совершенно бесшумно, как если бы вы смотрели на нее в немом фильме.

В Большом зале Дворца на заседаниях будут присутствовать представители всех

советских республик и областей. Тут соберутся русские, белорусы, грузины, татары, узбеки, азербайджанцы. Каждый захочет говорить с этой всенародной трибуны на своем родном языке, и каждый захочет понимать речь другого.

Как добиться, чтобы в Большом зале все понимали друг друга?

Инженеры придумали простой способ. Под трибуной оратора будут помещаться в закрытых кабинках, в особой комнате, переводчики: узбек, татарин, украинец. Каждый будет слушать в наушники речь оратора и тут же переводить ее и передавать на родном языке в свой микрофон.

Речь оратора на 16 разных волнах, на 16 разных языках, будет распространяться по радио в Большом зале.

На левой ручке вашего кресла маленький ультракоротковолновый приемник. Вы натянули на уши наушники и покрутили верньер. Шестнадцать голосов раздаются в коробочке; выберите понятный вам: грузинский или армянский, русский или узбекский — и слушайте.

Но ведь этого мало — слушать и понимать, что говорят другие. На с'езде люди работают, то есть просят слова, выступают, участвуют в голосовании, задают вопросы и требуют разъяснения от докладчиков.

Всей этой большой и важной для страны работой управляет президиум.

Как же можно будет разобраться в зале, где сидит население целого города, — кто хочет выступить, кто голосует «за», кто «против»? Разве можно разглядеть в море каждый грешбок волны?

И тут не обойдется без инженеров.

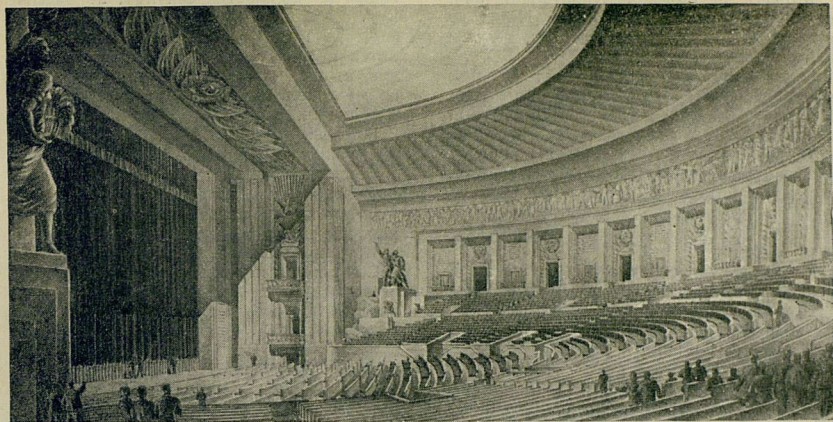
К правой ручке вашего кресла они решили прикрепить дощечку с кнопками. Вам не надо орать во все горло: «Прошу слова-а-а!»

Вам не надо пускать записку по плечам впереди сидящих товарищей.

Нет нужды стоять полчаса с поднятой рукой во время подсчета голосов.

В рабочих комнатах позади президиума на огромных щитах будет расположена под номерами двадцать одна тысяча лампочек. Как только вы нажмете кнопку «Прошу слова», — лампочка под вашим номером засветится на щите. Сигналист заглянет в список, найдет, кто сидит в кресле под номером таким-то, и сообщит через полмнуты в президиум: «Такой-то товарищ просит слова».

Для закрытого голосования в запертой

Малый зал — совсем не такой «малый»: в нем поместится шесть тысяч зрителей.

комнате будут стоять такие же щиты, только без номеров под лампочками.

А из президиума линия сигнализации протянется к трибуне оратора. Если вы заговорились и забыли о регламенте, вам напомнит об этом звонок из президиума или рядом с вами засветится лампочка.

После работы люди хотят отдохнуть и повеселиться. Для этого не будет лучше места в стране чем Большой зал Дворца советов.

Один из секретов Большого зала можно рассказать уже сейчас: в трюмах зала будут находиться 8 круглых сценических площадок, вернее сказать, 8 арен.

Тут будет арена, приспособленная для спортивных выступлений, — с турниками, шведской лестницей и баскетбольной площадкой. Тут будет настоящая цирковая арена, засыпанная опилками. Тут будет площадка с 4 огромными киноэкранами, чтобы из любой точки зала был виден один из экранов. Тут будет на одной из площадок искусственный ледяной каток; еще одна из площадок будет представлять собой водный бассейн с водяными дорожками для спортивных заплывов и вышками для прыжков.

А 4 площадки предназначены для спектаклей, чтобы можно было смотреть их без антрактов: только кончилось первое действие — «поднимай» второе.

В час, когда кончится заседание, публике из партера пересадят на другие места, и вся большая площадка партера — с рядами кресел, с проходами между рядами — неслышно опустится в трюм, а из трюма могучий подъемник также неслышно вынесет одну из 8 арен.

Вы отвлечетесь на минутку поговорить с соседом, нечаянно взглянете в партер, а там уже плещется вода в бассейне и судьи готовят секундомеры.

В вечер спектакля в трюмах Большого зала, под вашими ногами, будет своя интересная жизнь артистического городка. Две с половиной тысячи исполнителей примут участие в представлении: оркестр из 500 музыкантов, балет из 500 танцовров, хор из 500 певцов да еще несколько сот солистов.

★

Есть еще одна незаметная, но очень важная подробность Большого зала, кроме купола, мраморных террас, президиума, усовершенствованных кресел и удивительных арен.

Эта подробность — воздух.

Чистый воздух мы не замечаем, мы просто забываем о его существовании. Зато в помещении, где скопилось много людей, мы уже через час — другой начинаем стонать: «Душно! Дышать нечем!» — и ищем глазами вентилятор.

Можно ли будет вентиляторами очистить воздух в Большом зале? И так ли уж совершенны вентиляторы, чтобы искать в них спасение?

Вентилятор только освежает воздух: вместо испорченного воздуха помещения он подает воздух с улицы. При этом он страшно ревет и надоедает. Да и «чистый воздух», тот, что с улицы, на поверку оказывается совсем уже не таким чистым, особенно в большом городе: он несет в себе частицы дыма, асфальтовую пыль, он пропитан отработанным автомобильным газом.

Летом вентилятор несет с улицы зной, зимой — мороз, в туман — сырость.

Нет, вентилятор не годится для Дворца советов!

В триамах Большого зала будет работать «фабрика погоды».

Любой климат можно будет установить в Большом зале по желанию. «Фабрика погоды» сможет изготовить воздух соснового бора, воздух морского побережья, сухой воздух пустыни, душистый воздух яблоневых садов.

Но что самое важное, — «фабрика погоды» сможет изготовить безукоризненно чистый, профильтрованный воздух.

Все знают, как очистить воду: ее нужно для этого процедить сквозь вату, бумагу или песок. То же самое люди научились проделывать с воздухом.

Под большим давлением струю воздуха, то, что можно назвать ветром, продувают сквозь камеру, заполненную маленькими фарфоровыми кольцами. В лабиринте колец ветер мечется, вьется и кружит. А кольца смазаны маслом.

Тысячи раз сталкивается воздух с кольцами, пока не оставляет на масляной поверхности колец всю пыль, до последней ничтожной и почти невесомой частицы дыма: Это и есть масляный фильтр. Пыль увязает в нем, как муха на липкой бумаге.

Из первой камеры ветер попадает во вторую, наполненную искусственным туманом. Это камера орошения. Здесь воздух просто промывается; если в нем и осталось что-нибудь, вода все вымоет и унесет с собой.

В третьей камере воздушная струя, с силой ударяясь о лопасти сепараторов, оставляет на них всю влагу. Ведь нельзя же в зал пустить «мокрый» воздух точно морской ветер в бурю.

Путешествие воздуха по «фабрике по-

годы» продолжается секунду, но рассказать об этом коротко невозможно.

После того как в третьей камере удалится из воздуха лишняя влага, воздушную струю нагревают или охлаждают — по мере надобности — в четвертой камере.

Наконец, звуковой фильтр.

В узких трубах, по которым пойдет воздушная струя в Большой зал, будут расставлены особые звукопоглощающие экраны.

И вот, как вода по водопроводным кранам, неслышно потечет в Большой зал замечательный воздух.

Смешно было бы, если бы, добившись всего этого, инженеры пустили свою невидимую продукцию из одного отверстия, как из бочки: тут начались бы сквозняки, люди отсаживались бы по дальше, жаловались бы: «Дует! Сидеть нельзя!» Так можно было бы испортить всю репутацию «фабрики погоды».

Неслышными струйками воздух поступит в зал со спинок 20 тысяч кресел. В спинке каждого кресла, прямо перед сидящим за креслом человеком, — металлическая пластинка вроде мелкого сита. Пригнитесь к пластинке, вдохните — тут вы узнаете, что значит чистый воздух.

Большой зал будет обслуживать не 1, а 16 «фабрик погоды».

Это позволит, при желании, создать в Большом зале одновременно 16 разных климатических зон. Из всех концов нашей огромной родины: с севера и юга, из тайги и пустынь — с'едутся в Большой зал делегаты. Если они пожелают, «каждая республика» сможет дышать своим воздухом и жить в Большом зале в своей привычной температуре. Узбеку не будет холодно, якуту не будет жарко.

★

О Дворце советов можно рассказывать так долго, что уж и здание будет готово, а рассказ все не придет к концу.

Дворец советов — энциклопедия человеческих знаний. Весь опыт, накопленный инженерной наукой, собран на строительной площадке Дворца.

Советские республики шлют в Москву лучшие образцы мрамора и гранита. Художники садятся за работу. Заводы готовят лифты, подвижные дорожки, механические гардеробы; заводы оспаривают друг у друга честь — выполнять заказы для Дворца. Народ строит памятник Ленину.

Как читал Ленин

Сестра Владимира Ильича, Мария Ильичина Ульянова, в своих воспоминаниях рассказала о любви Ленина к чтению, которая сохранилась у него всю жизнь:

— Еще совсем юным, в старших классах гимназии (Владимир Ильич окончил гимназию 17 лет), он проводил все вечера за книгами... Он умел не только читать книги, он умел изучать их, он штудировал их, составляя конспекты, делал выписки... И в ссылке и за границей он пользовался всяким свободным моментом, всяким свободным часом, чтобы отправиться в библиотеку. У нас сохранилось много его тетрадок и выписок, и по ним можно судить, какое громадное количество литературы по всем отраслям знания успел за свою жизнь протудировать Владимир Ильич...

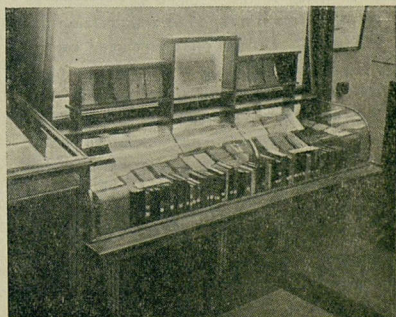
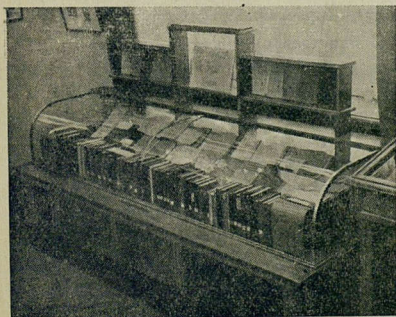
Уметь читать — большое искусство. Ленин прекрасно владел этим искусством. В стальных шкафах Института Маркса — Энгельса — Ленина хранятся десятки книг, прочитанных Лениным. Они испещрены многочисленными пометками, значками, подчеркиваниями. Ленин читал с карандашом или ручкой в руках. Он помогал своей памяти подчеркиваниями и пометками на полях.

Надежда Константиновна Крупская пишет:

— Ленин не полагался на свою память, хотя память у него была прекрасная. Он никогда не излагал фактов по памяти, «приблизительно», он излагал их с величайшей точностью, он просматривал горы материала (читал, как и писал, чрезвычайно быстро), но то, что хотел запомнить, выписывал себе в тетрадки. В его тетрадках сохранилась масса выписок. Както, просматривая мою брошюрку «Организация самообразования», он сказал, что я неправа, когда говорю, что надо записывать только самое необходимое, — у него другой опыт. Записанное он потом перечитывал не раз, о чем свидетельствуют пометки, подчеркивания и прочее.

Если книга принадлежала ему, то он ограничивался подчеркиванием, заметками на полях, а на обложке выписывал лишь страницу, подчеркивая ее одной или несколькими чертами, смотря по важности отмечаемого места...

Некоторые, особо важные для его работы книги Ленин читал несколько раз. Он дал такой совет студентам-коммунистам, когда рекомендовал им прочесть одну кни-

Эти фотографии сняты в Музее Ленина. В витринах лежат книги, которые прочел Ленин, чтобы написать свою работу «Империализм, как высшая стадия капитализма».

гу Энгельса: «Не следует смущаться, если это произведение по прочтении не будет понято сразу. Этого никогда почти не бывает ни с одним человеком. Но, возвращаясь к нему впоследствии, когда интерес пробудится, вы добьетесь того, что будете понимать его в преобладающей части, если не все целиком».

В стальных шкафах хранятся и десятки толстых тетрадей, в которых Ленин делал выписки, конспектировал, излагал содержание многих прочитанных им книг. Эти тетрадки очень интересны тем, что Ленин записывал в них свои мысли, когда он читал книги.

Когда Ленин занимался изучением какого-либо вопроса, он тщательно прочитывал всю литературу по этому вопросу, какую только мог достать. Для того, чтобы написать книгу «Развитие капитализма в России», Ленин прочел 475 книг на трех языках. Для книги «Империализм, как высшая стадия капитализма» он прочел 503 книги и 353 статьи в газетах и журналах.

Сохранилось около 300 писем Ленина к родным. Они писаны из тюрем, ссылки, из-за границы. И почти во всех письмах Ленин пишет о книгах, просит достать ему или советует прочесть ту или иную книгу.

Очень интересен один из первых сохранившихся конспектов Ленина, когда он читал редкую по тем временам книжку Энгельса и Маркса — «Святое семейство».

Сначала Ленин подробно выписывает название книги. Потом он описывает самую книгу: «Маленькая книжечка формата в восьмушку писчего листа, состоит из предисловия (подпись: Париж, октябрь 1844), оглавления и текста, разделенного на 9 глав...» Дальше Ленин записывает, какие главы писал Энгельс и какие — Маркс, и затем подробно, с выписками, излагает содержание всей книги, главу за главой, причем около самых важных выписок ставит одну — две черты.

Вот статья Деборина «Диалектический материализм», изданная в 1909 году. Простым черным карандашом Ленин подчер-

кивает фразы и мысли, с которыми он не согласен, и около них пишет на полях: «Неточно», «Вранье», «Верные истины изложены в дьявольски вычурном темном виде. Отчего Энгельс не писал таким тарбарским языком» и т. п.

Ленин читал не только серьезные научные книги. Он, как Маркс и Энгельс, любил читать и беллетристику, особенно классиков. В письме, написанном в 1913 году из Кракова матери Ленина, Н. К. Крупская писала:

— Без чего мы прямо тут голодаем — это без беллетристики. Володя чуть не наизусть выучил Надсона и Некрасова, разрозненный томик Анны Карениной перечитывается в сотый раз. Мы беллетристику нашу (ничтожную часть того, что было в Питере) оставили в Париже, а тут негде достать русской книжки. Иногда с завистью читаем объявления букинистов о 28 томах Успенского, 10 томах Пушкина и прочее и прочее. Володя что-то стал, как нарочно, большим «беллетристом»...

Ленин в письме своей сестре Марии Ильиничне, которая в 1901 году была арестована и сидела в тюрьме, советовал:

— Советую еще распределить правильные занятия по имеющимся книгам так, чтобы разнообразить их: я очень хорошо помню, что перемена чтения или работы — с перевода на чтение, с письма на гимнастику, с серьезного чтения на беллетристику — чрезвычайно много помогает...

Ленин говорил комсомольцам на III съезде комсомола, что учение Маркса могло овладеть миллионами и десятками миллионов сердец рабочих только потому, что Маркс опирался на прочный фундамент человеческого знания. Маркс переработал и подверг критике все то, что было создано до него человеческой мыслью.

Ленин подобно Марксу проделал такую же гигантскую работу. Критикуя и перерабатывая собранные в книгах человеческие знания, Ленин стал великим продолжателем дела Маркса, вождем и организатором сотен миллионов трудящихся всего мира.

Волк на бугре

Г. Замчалов

Рис. В. Цельмера

1

Вечером на берегу собрался народ. Маленькое озеро под селом превратилось сначала в бурную реку, потом в спокойное величавое море. Черный лес вдали стал низеньким и не по времени густым. В стороне от него, еще дальше, виднелось село Березовка с церковью и элеватором; казалось, что оно плавает в воде.

Как только вода успокоилась, по ней зашныряли лодки. Люди ставили вентери, привязывали их к одиноким деревьям, втыкали в воду длинные шесты.

На берегу было вроде воскресного гулянья: шутили, грызли семечки, рассказывали новости, вычисляли, как быстро подымается вода. Вспоминали, когда у кого залило баню, амбар, задний двор.

— Чудеса, ей богу! Ваня, тебе осенью призываться. Ты просись во флот: вас,

наверно, каждую весну будут присылать сюда на маневры. Смотри: чем тебе не море?

— Нет, ему в кавалерию надо. У них в роду все кавалеристы лихие.

Бойкий парень, сказавший это, почему-то болезненно охнул и почесал спину. Молодежь громко захохотала. Ваня смутился, у него даже испарина выступила на висках и на носу. А отец его, стоявший поодаль со стариками, вдруг закипятился:

— Эй, друг любезный! Ты что хулиганишь? Ты что ко мне вяжешься? Какая я тебе ровня? Да я тебе сейчас при всех уши оборву.

Ваня дергал отца за рукав, старики успокаивали: мальчишка, мол, чего с него взять, — но Димитрий Андреич ярился все больше. Он уже протягивал руки к бойкому парню. В это время к берегу

подехала лодка с вентерями и ворохом живой, прыгающей и сверкающей под солнцем рыбы на дне. Весь мокрый, но с радостной улыбкой на лице рыбак сказал:

— Эх, ребята, кого я встретил сейчас! Еду мимо бугра, а там волк. Матерущий — пуда на четыре будет. Как он застрял там, неизвестно. Вода прибывает, и ему податься некуда. Я на него крикнул и веслом помахал — как он шаркнет в кусты!

Молодежь загорелась:

— Ребята, едем утром! Ваня, у тебя порох есть?

— Порох-то есть, да дробь мелкая. Порох у меня боек соскакивает.

— Да что мы, ружей в селе не найдём? Я берусь пять штук принести. И пороху и дроби сколько угодно.

Охотников на волка нашлось двенадцать человек. Решили ехать на трех лодках. Сначала хотели выехать утром, как рассветет, но потом отложили до обеда: раньше не успеть, да и спешить незачем: все равно волку деваться некуда.

Димитрий Андреич успокоился. Он смотрел, как ребята возбужденно размахивают руками, заранее расплывая, кто что будет делать, и еле заметное усмехался. Когда они договорились обо всём, он покачал головой и крикнул:

— Ах, ребята, отчаянный вы народ, как я погляжу!

— А что?

— Да что — смелые чересчур, жизни своей не жалеете. Ведь это надо думать: волк один на маленьком бугорке, его заливают водой. А вас явится армия, двенадцать человек. Да ведь он со страху всех вас насмерть перекусаёт. Вы бы хоть о родителях подумали, если самих себя не жалко.

Димитрий Андреич поглядел бороду и пошел в гору, на улицу. Ребята растерянно смотрели ему вслед.

— Эй, наездник! — зло крикнул парень, которого Димитрий Андреич хотел драть за уши. — Вернись, поговорим!

Димитрий Андреич сделал вид, что не слышит. Он был уже наверху, на улице.

2

Поздно вечером Димитрий Андреич сидел у своего брата Ильи. В доме все

уже спали, поэтому они разговаривали шепотом.

— Ты погляди на Ваньку, — говорил Димитрий Андреич. — Ему осенью в армию, а он вахлак вахлаком. Всего стесняется, что ни скажи ему — так и согрится весь. Ну какой из него выйдет боец, защитник родины?

— Ты думаешь, он от этого?

— А то от чего же? Ведь все село знает и, чуть что, в нос тычет: «Отец-то у тебя — наездник...» А ну-ка, правда, он в кавалерию попадет? Тут уж сама служба каждый день напоминать будет. И вовсе пропадет парень.

— Видишь, я было завтра хотел погреб починить: крыша обваливается. А то начнется пахота, тогда некогда будет.

— Илья! — голос Димитрия Андреича стал торжественным и просительным, как в детстве. — Мы ведь братья родные. Я тебя тоже не раз выручал. Погреб я с Ванькой приду за час тебе сделаю.

— Да с чем мы поедем? Ванькино ружьишко куда-то не годится: у него боек соскакивает. Отлетит — ищешь, ищешь его...

— Мы без ружей. В том-то и штука, что без ружей, с одними веслами. Ну, еще нож возьмем. Неужели уж мы вдвоем его не осилим? А как раньше-то бывало: на медведя и то люди с одним ножом ходили. Обвяжут потолще левую руку, сунут ему в пасть, а правой под лопатку.

— Не вышло бы опять, как в тот раз.

— Зачем опять? Что он нам может сделать? В случае чего, сели в лодку, да и дело с концом. Кто нас там увидит?

Илья Андреич немного поколебался и дал согласие. Решили выехать до свету: пока ребята соберутся, они уже управятся. Чтобы волк не порвал, уговорились одеться как можно теплее: рукавицы, ватные пиджаки и поверх пиджаков шубы.

По уходе брата Ильи Андреич торопливо стал раздеваться. Только он успел снять сапоги, с печки свесился младший сын Фельдка:

— Тятя, я с вами поеду.

— Куда ты поедешь?

— На волка. Я слыхал, как вы угова-

ривались. Не возьмете—я утром всем расскажу!

Илья Андреич долго уговаривал и упрямил сына, обещал после половодки взять его с собой в город, на базар. Федька начал сдаваться. Он засопел носом, стал тереть глаза и уже совсем было лег спать, но вдруг вспомнил:

— Тятя, а за что нас кавалеристами дразнят? Я из-за этого уже пять раз дрался. Тогда нос-то мне разбили, помнишь? Это из-за этого. Они смеются, а что, не говорят.

— Ложись, сынок, спи. Так это, пустое. Делать нечего людям, вот они и болтают.

На этот раз отделаться от Федьки не удалось. Как ни вертелся Илья Андреич, как ни неприятна была ему вся эта история, а пришлось ее рассказать:

— Дело было простое, с каждым может случиться. Лет шесть тому назад дядя Митрий был овечьим пастухом. Папали-то больше Ванька с Митрохой, а он все лето в бригаде работал. Только раз в месяц заменял их, чтобы они погуляли в селе.

Вот раз, к осени уже, отпустил он их, а ночь выпала темная-претемная. Он это с вечера загнал овец в баз, сварил себе ужин, поел как следует быть, лег спать. Берданку рядом положил наготове, фонарь. Круг базу собака бегает. Все будто хорошо, тихо. Ну, сон никак не идет. Ворочается с боку на бок, а уснуть не может. Страшно ему чего-то. Темь. Кругом за пять километров человеческого запаха не услышишь. То почудится ему, будто овцы зашумели беспокойно. Выйдет с фонарем, посмотрит — ничего, все в порядке. То будто крик услышит, ровно кого мучают. То телега будто заремит, разговор послушается. Кабы кто из ребят остался, он бы хоть сопенье его послушал, все бы стало легче. А так, конечно, один...

Под утро стал засыпать. Только завел глаза, вдруг собака как зальется на кого-то. А он до того отяжелел: слышит все, а проснуться не может. «Так это она,— думает,— тоже во сне что-нибудь взбредилось». Немного погодя она опять залилась, да так отчаянно, будто ее щипцами железными в ящик ловят. Подбежала к шалашу, поцарапалась в стенку, снова куда-то унеслась. Потом, на полубрехе, сразу умолкла, будто поперх-

нулась. «Ой, нехорошо,— думает дядя Митька.— Не иначе, случилось что-нибудь». А сам все лежит, как будто его придавило к земле. И вдруг слышит: овцы на базу как затопочут да в стенку все разом, аж плетень затрещал. Тут весь сон сразу отлетел. Дядя Митька вскочил, никак фонарь не зажжет: руки трясутся. Ну, зажег, наконец. Схватил берданку, кинулся к базу. У ворот смотрит: собака лежит в черной луже, глотка вся вырвана. Отворил ворота, забежал в баз, поднял фонарь. Все стадо сбилось в комок у стенки, на середине штук семь овец зарезанных валяется. Над одной стоит волк. Огромный, с одним ухом. Он всему селу был известный. На него сколько раз облаву делали, ну не убили. Дядя Митька даже не испугался, а как-то одурел немного. Стоит и думает: «Зря болтали про него. Конечно, здоровый, ну до годовалого бычка ему далеко... А ухо-то ему, видно, в драке оторвали».

Тут собку откуда-то еще волчица выскочила. Одноухий поднял в зубах овцу и замателся по базу. Дядя Митька нет, чтобы поставить фонарь да из берданки в них. Он совсем потерялся, не знает, что делать. Одно помнит: сзади ворота открыты, как бы не выпустить их. Раствопырился весь, как чуело, будто курей дома ловит, и так стоит, в одной руке берданка вытянута, в другой — фонарь. А одноухий этот до чего обнаглед: порыскал-порыскал по базу, потом увидел растопыренные дынины ноги и — шмыг между них. И кто его знает, зацепился он, что ли: здоровый ведь? Или уж просто у дяди Митьки в этот момент затемнение мозгов случилось? Только он вдруг бросил фонарь, берданку, зажал одноухого коленями, да еще вцепился руками в спину возле хвоста и вместе с ним задом вылетел за ворота.

Дальше он не помнит, что было. Очнулся — у него сзади как огнем жжет, и боль нестерпима. Пошупал — мокро, все в кровичке, видно, искусано.

К утру у него все распухло, ни сесть, ни лечь нельзя. Конечно, радости мало. Но уж надо бы молчать. Приехала бы комиссия акт составлять, ну, рассказал бы: так, мол, и так, налетели волки, стрелял, не смог отбиться. А он, дурак, возьми да все начистоту и выложи, как было дело. Приехал в село и тут всем рассказывает. Он-то, видно, оправдаться

думал, да вышло наоборот. Людей медо не корми, только бы им посмеяться над чужой оплошностью. Потом, конечно, хозяевам, у которых овцы были порезаны, обидно; они рады во всем пастиху обвинить. Вот и пошли разносить всякие глупости: будто одноухий катаг дядю Митьку до самого утра, увез его в лес, в гости к себе, под утро прикатил обратно и для оправдания покусал немного. С отца перешли на детей, на родных всех. Панфиловы — кавалеристы, со страху и волка оседлают. То есть, значит, мы трусы все. А спроси каждого: ну-ка, довелось бы тебе так, ты бы что, ура стал кричать?

3

Федька проспал. Рано-рано утром, еще ни одна ворона не слетала с ветлы, отец его и дядя спустились к воде, отвязали лодку. Дядя хотел по-старинке перекреститься, но раздумал. Он сильно оттолкнул лодку, тяжело навалился коленом на нос, с трудом перебрался на скамейку. Движения его были скованы излишней одеждой, весло в рукавицах скользило и плохо слушалось.

Оба молчали. Над водой стоял туман. Было так тихо, что всплески воды под веслами гремели, как бельё при полоскании, — братья невольно оглядывались: не смотрит ли кто. Метрах в сорока от берега они увидели штук пять небольших льдинок.

— Значит, еще сильней прибывать начнет, — сказал Илья Андрейч. — Может, бугор-то уж залило?

Оба посмотрели вперед. Нет, бугор еще виднеется. С правой стороны его, внизу, торпоятся кусты. Димитрий снял рукавицы. Брат поглядел на него и тоже стал снимать. Руки его сильно дрожали.

— Ты что, ай боишься?

— Боюсь, Митька! Так, умом-то я не боюсь. На моем веку сроду еще такого случая не было, чтобы один волк зарыг трезвого человека. А вот так... Шут его знает... Он мне ночью привиделся, твой одноухий. Одна морда — с печь будто. И это самое ухо у него не сбоку, а посередке, ровно пика.

— Ну, пустое. Нынче бабы — и то не верят в сны.

Димитрий Андрейч засмеялся, но смех у него вышел какой-то деревянный.

Весла заработали чаще, лодка быстрее понеслась к бугру. Но — странное дело — по мере приближения он не становился выше и больше, как полагается, а, наоборот, словно с'езживался и терял вид. Только совсем вблизи можно было понять, как высоко поднялась вода.

Причалили сбоку, возле самых кустов, чтобы можно было привязать лодку. Димитрий вылез первым. Он оглядел раздутого одеждой брата и начал снимать шубу.

— Так мы ничего не сделаем, — сказал он шопотом. — Все равно уж. Если он... того, так и шуба не поможет.

Илья тоже начал снимать шубу. Лицо у него было серое, руки не двигались, шуба точно приросла и не хотела сниматься. Брат помог ему и сердито зашипел:

— Да что уж ты, Илья?! Других только смущаешь! Кабы знал, я бы лучше один поехал.

— Нет, я ничего. Пиджак толстый, ваты в рукава переложили... А то разве вернуться нам, пока никто не видел?

— Пошел ты!.. Вернись! Правда, что трус. Никогда с тобой больше не поеду!

Димитрий схватил весло и пошел вперед. Брат полпелся за ним. Направо было небольшое — шагов двадцать в длину и восемь в ширину — пространство, занятое красноватыми, еще не залитыми водой кустами; налево — верхушка, покрытая прошлогодней, серой травой. Кое-где проглядывала свежая зелень. Братья, не сговариваясь, свернули налево. Они обошли кругом до того места, где опять начинались кусты, и снова свернули. Поднялись наверх. С видом крайнего изумления поглядели друг на дружку, потом вниз, на свою лодку. Но Илья сделал слишком уж поспешное движение в ту сторону, и Димитрий опять свирепо зашипел:

— Что глазами-то хлопаешь? Будто не понимаешь, где он может быть!

Вернулись на ту сторону. У кустов передохнули, крепче ухватились за весла. Правая рука Димитрия сама потянулась ко лбу, но он так рванул ее в сторону, как будто хотел наотмашь убить невидимого врага.

В кустах еще лежал снег. Надо было осторожно ставить ногу, чтобы не закрипеть им, и в то же время вглядываться в каждый сучок. За вторым или

третьим кустом увидели ясные следы волка. Илья совсем ослабел, и Димитрий, как маленького, погладил его по плечу. Следов было много, шли они в разные стороны, искать по ним было нельзя да и незачем: все равно сквозь голые кусты все видно: направо — холм, вода — налево.

Волка нигде не было. Илья Андреич повеселел и грозно поднял зажатое в руке весло. Когда сквозь кусты показался противоположный берег и лодка у воды, он сказал:

— Надо бы нам разойтись пошире, а то ушмыгнет. Они ведь хит...

Он не договорил. Лицо его вдруг позеленело, плечи обвисли, весло упало, зарывшись лопастью в снег. Димитрий глянул на последний куст и сразу увидел волка. Это был одноухий. Теперь он был старый, худой и облезлый. Короткая рыжая шерсть его стояла торчком, ухо было прижато к затылку, пасть слегка оскалена. Из-за черных блестящих губ высывались желтые, совершенно стертые зубы. Даже клыки стерлись и едва возвышались над остальными. Впалые бока от волнения подымались и опускались.

Да, он был очень стар и тем не менее страшен. Страшен не ростом своим, действительно громадным, а чудовищной злобной напряженностью каждого мускула, каждого волоска.

Сначала Димитрий Андреич не в состоянии был ни соображать, ни шевелиться.

Он забыл и брата, и ванькину службу в армии, и все на свете. Он не мог оторвать взгляда от широкого волчьего лба, еще более широких светлых щек, черного носа, косых желто-коричневых, глубоко запавших глаз, горевших ненавистью.

Это продолжалось долго, минуты две. Должно быть, из-за того, что они стояли смирно, не шевелясь, волк на секунду перестал шериться. Он сомкнул черные губы и чуть-чуть приподнял ухо. Тогда Димитрий Андреич схватил братово весло и кинулся назад. Брат побежал за ним. Им обоим показалось, что волк преследует их и сейчас начнет рвать.

Вывавшись из кустов, они тяжело покакали по отлогому берегу вдоль воды. Земля тут была мягкая и влажная, пучки прошлогодней травы скользкие, как шолк. Димитрий Андреич упал. Он хотел крикнуть караул и издал звук, похожий на храп испуганной лошади. Илья от этого звука шарахнулся в сторону и еле сам удержался на ногах.

4

— Как говорил: вернемся, пока никто нас не видит! Ну, какие мы с тобой вояки? Да разве нам осилить такого быка? У него пасть-то вон какая: один раз хватит — и дух вон.

Бледные, взмокшие от пота, они сидели за бугром, у самой воды. Димитрий

Шагах в пяти от берега покачивалась лодка, а в ней стоял одноухий старый волк.

не отвечал: он стал какой-то вялый и ко всему безучастный.

— Ну что же? — сказал он, наконец. — Тогда надо ехать. Придется Ваньке самому отгрызаться, отец ему, видно, — не помощник.

Они взяли весла, обошли кругом и опять увидели волка. Он стоял возле куста, совершенно открыто, шагах в пяти от лодки.

— Да что же это такое?! — Илья в ужасе вытаращил глаза и широко открыл рот. — Митя, уж это нам не во сне ли бредится?

Димитрий издали взмахнул на волка веслом:

— Пошел вон! Пошел!

Волк ошетинился, весь подобрался, оскалил пасть и коротко рывкнул «Ар-р-р-р», но с места не двинулся.

— Придется, видно, ждать, когда ребята придут, — сказал Димитрий Андреев.

— Уйдем отсюда, ну его, — попросил Илья. — Кто его знает, что еще взбредет ему в голову.

Долго сидели на другой стороне. Оба молчали. Один раз Илья начал было причитать: «Стыд-то какой, придут ребята, сразу догадаются, в чем дело». Но Димитрий грубо оборвал его:

— Стыдно, так надо идти драться с волком, а скулить тут нечего! Что ж теперь поделаешь? Стало быть, так тому и быть.

Верхушка бугра была очень полого, вся не выше человеческого роста. Ее заливало быстро. Вода прибывала на глаза. За это время братьям пришлось два раза отодвигаться все выше и выше. Сначала они не обращали на это внимания: отодвинутся и снова терпеливо ждут. Потом Илья осторожно выполз посмотреть на лодку, и тут он впервые понял новую опасность.

— Митя, — спросил он зловещим шопотом, — ведь мы лодку давеча всю на берег вытащили?

— Ну, что же, всю.

— А теперь она вся в воде. И куст залило и другие кусты. Пропадем мы тут, Митя, захлебнемся вместе с волком.

— Знаю, — отрезал Димитрий. — До обеда не зальет, а в обед ребята придут. Он-то там еще?

— Не видел. Я до того места не высывался. Ну его, боюсь я.

Просидели еще часа три. На мутном облачном небе высоко обозначилось солнце. Было, наверно, часов одиннадцать. На гладкой поверхности не показывалось ни одной лодки. По воде обычно звуки разносятся далеко, но сейчас на бугре была такая же тишина, как утром. Знают, из села никто не выехал или выехал, да совсем в другую сторону.

Вода все прибывала. От бугра осталась небольшая площадка, меньше двора. Димитрий Андреев встал:

— Пойдем. Надо его отгонять. Ребята, видно, не придут.

Они прошли немного поверху и остановились в изумлении: шагах в пяти от берега на воде покачивалась лодка, в середине ее стоял одноухий старый волк. Илья, когда пришел в себя, даже обрадовался:

— Оно так-то лучше: оттуда, с воды, ему не достать нас!

— Чего ты орешь? — Димитрий вышел из себя. — Так и лопочет, как маленький! Ну, где у тебя голова? А сам-то ты вплавать будешь выбирать отсюда?

— Да нет, я к тому... ребята-то придут ведь. Неужели уж они вовсе забыли?..

— Забыли, забыли. Пойди вот теперь, сунься к нему... Садись, чего стоишь? Только беспокоишь его.

Они сели на самой верхушке и просидели еще часа полтора. Солнце перестало подыматься. Залитая водой окрестность была вся как на ладони. Ни одной живой души на ней все еще не показывалось. Вода упорно заливала последний клочок земли. Она блестела на всем пространстве кустов, темная кромка ее лизала уже голую верхушку.

Лодка повернулась боком к берегу. Волк стоял поперек нее, лицом к братьям. Он точно окаменел: ни один волосок на нем не шевелился. Если бы не горящие ненавистью глаза, можно было бы подумать, что это — чучело.

Вдруг по воде донесся слабый, едва различимый удар колокола на пожарной каланче. Ударили один раз. Может быть, это была половинка, может быть, час, а может быть, было несколько ударов, но сюда донесся только один. Димитрий Андреев решительно встал. Волк сделал чуть заметное движение и опять замер.

От этого крика волк быстро повернулся к берегу

Димитрий Андреич вынул из-за голенища столовый нож, заточенный с обеих сторон и похожий на маленький кинжал.

— Ну вот. Ты заходи оттуда, с носа. В воде не развяжешь веревку, так ты обрежь ее,— он говорил спокойным, ровным голосом, стараясь не раздражать волка.— А я пока буду держать сзади, за корму. Если обрежешь, заходи тоже назад. Да тихоно, не суетись!

Илья взял нож. Они подтянули сапоги и полезли в воду в разные стороны. Волк сначала оцетинился. Когда Димитрий взялся руками за корму, волк опять коротко рявкнул. Димитрий превратился в камень. В это время Илья подошел к кусту. Он нагнулся, опустил руки с ножом в воду, нащупал веревку и начал пилить ее. Волк повернулся в его сторону, издал такое же рычанье. Илья на минуту замер, но потом осторожно стал продолжать.

Волк больше не рычал. Когда веревка отвалилась, нос лодки стало относить от бугра. Илья медленно, затаив дыхание и стараясь не всплеснуть воду, подошел тоже к корме. Волк задом перебрался на самый нос. Он не спускал горящего взгляда с врагов. Пасть его все время была оскалена. Враги минут десять стояли неподвижно, как мертвые. Потом оба они одновременно и еле заметно стали конить грудью к корме и подымать ноги: один — правую, другой — левую. Волк тихо, совсем по-собачьему заворчал. Они застыли с поднятыми ногами. Минут через пять новое рычанье — и они снова

застыли, но уже зацепившись грудью и ногами за борт лодки.

Посадка длилась с полчаса. Каждое движение братьев сопровождалось рычаньем волка. Конечно, никто из них не говорил ни слова. Все внимание, все силы их были направлены на то, чтобы сделаться как можно меньше, неподвижнее. незаметнее.

Вот, наконец, оба они рядышком сидят на задней скамейке, в двух метрах от волка. Лодку медленно относит от бугра. Теперь еще остается спустить в воду весла и — самое главное — начать грести. Ведь это сколько движений! Когда Димитрий Андреич первый раз шевельнул веслом, волк почти совсем бросился на него. Он так бешено рявкнул, что оба брата едва не попадали с лодки. Им после этого пришлось минут сорок не шевелиться.

Но вот и грести приноровились. Редко и плавно, с поразительной точностью, словно от одного мотора, а не от разных человеческих рук, оба весла поднимаются и опускаются в воду. Большая лодка бесшумно скользит по гладкой поверхности. Волк, весь собранный в напряженный ком, следит за людьми. Но уже раз случилось так, что он оглянулся назад. Там показался берег. Хорошо видна была пожарная каланча, красные и соломенные крыши.

Братья, тоже в первый раз, сделали ненужное движение: они повернули головы, поглядели друг на дружку и робко улыбулись.

На берегу опять было много народа: новостей прибавилось, потому что за утро вода подвалила еще новых хлопот. Залило не только огороды, бани, амбары, но в Горетом переулке затопило даже четыре нижних избы. Несчастные хозяева на лодках перевозили на сушу и складывали в кучу свои пожитки, пряча вниз что похуже и выставляя на вид такие вещи, как самовар, швейная машина, зеркало, велосипед. Полураздетые и уже босяе ребятишки в восторге кричали:

— А у нас поросенок сам выплыл!

— Эх, а я на столе ехал, вот ловко! Его привязали к лодке вверх ногами, а я сел. Чуть в воду не сквырнулся!

Были на берегу и вчерашние ребята. Они так и не собрались на волка. У Ваньки куда-то отец пропал с самого утра и лодку угнал. Другие все утро были заняты спасением имущества от воды. Третьи совсем отказались ехать: Дмитрий Андреич своей насмешкой отбил у них охоту.

В половине третьего кто-то увидел на воде лодку. Начали гадать. Лодок ушло много, но все в другую сторону, вентери ставить. Спросили Ваньку, не отец ли его. Ванька взгляделся и отрицательно покачал головой:

— Нет, этих двое. Потом они с вещами: вон на носу что-то лежит.

— Уселись-то рядышком, как жених и невеста. Да это не вещи у них. Смотри: собака, ей богу, собака! Наверно, охотники.

— Это не наши. Должно быть, из Березовки. Они и выгребают как-то чудно: как балуются.

Лодка становилась больше, виднее. Она подходила немного наискосок к берегу. На носу ее уже отчетливо выделялась большая серая собака. Самые глазастые узнали седоков:

— Да дядя же Митька! Ну да, он. А второй с ним — Илья Андреич. Зачем это они собаку взяли?

— Какая собака? — упорствовал Ванька. — Наша дома, а у дяди Ильи совсем никакой нет.

Вдруг кто-то вскрикнул:

— Волк! С места не сойти, волк!

На берегу все смолкли и стали напряженно глядеться. Минут через пять уже трудно было сомневаться: на носу

лодки действительно стоял живой волк. Удивление, зависть, восхищение охватили толпу:

— Боляк взяли живьем! Вот так старички!

— А их еще казаками дразнили! Как они вам нос-то утерли, ребята, а? Вас двенадцать человек не могли раскататься, а они вдвоем!

— Так еще бы! Сам же он отговорил вчера. Хитрый тоже!

— Батюшки, да у них и ружья нет! Ты гляди, что делают люди! Дядя Митька! Да вы что, приворожили его, что ли?!

От этого крика волк быстро повернулся к берегу. Шерсть его встала дыбом, пасть оскалилась, глаза яростно горели. Теперь все увидели, что у него одно ухо. Оно было прижато к затылку. Люди на берегу опять затихли, потом загалдели все сразу. Ребятишки захлопали в ладоши. Братьев издали закидали вопросами, но они не отвечали. Они странно кивали и помахивали головами, улыбались, делали руками какие-то знаки, как немые, но не произносили ни одного слова.

Волк стоял на самом носу и бешено озирался. Вдруг он сделал прыжок и плюхнулся в воду. Толпа на берегу ахнула, потом закричала в один голос. На лодке вскочил Дмитрий Андреич. Он одним взмахом распахнул пиджак, оборвав пуговицы, сбросил его и нырнул с лодки головой вниз. Илья Андреич, как обезьяна, в точности повторил все его движения: вскочил, распахнул, сбросил, прыгнул. Пустая лодка волчком завертелась на воде.

Вся толпа с воем и улюлюканьем бросилась наперерез волку. Он ходко плыл, забирая влево, стараясь обогнать людей. За ним, шагах в пятнадцати, сажонками махал Дмитрий Андреич. Еще дальше отфыркивался Илья Андреич. По быстроте и энергии их движений казалось, что они моментально догонят волка, у которого торчали над водой лишь неподвижная голова, шея и плечи. Но на самом деле расстояние между ними заметно увеличивалось.

Зато по берегу люди быстро обогнали зверя. Он заметил это и резко повернул назад, к тому месту, где теперь никого не осталось. Народ тоже повернул. Вся история повторилась сначала. Но теперь волк был намного впереди, до берега оставалось не больше пяти шагов. Еще немного, и он был бы на суше.

Но тут его настиг Дмитрий Андреич. Старика нельзя было узнать. Теперь это был самый отчаянный человек на свете. Он ни о чем не думал и ничего не видел, кроме торчащей впереди серой головы с одним ухом. Рука его, как только смогла дотянуться, смело цапнула зверя за шерсть. Волк протяжно взвизгнул и ментально повернул к нему разинутую пасть. Дмитрий Андреич, прежде чем сообразить что-нибудь, ударил его кулаком сверху, около уха. Голова зверя скрылась под водой. В этот момент Дмитрий Андреич испытал остреее чувство счастья: ноги его стали на хорошую, твердую землю. Вода была по грудь ему, значит, волку будет гораздо выше головы.

В следующий момент, когда волк вынырнул, он опять размахнулся и ударил. Но что-то произошло: он почувствовал горячую вспышку в левой руке, пониже локтя. Не помня себя, он правой схватил волка за загривок, изо всей силы потянул вниз, под воду. Руке стало легче, но волк под водой сейчас же вырвался и резко подался к берегу. Дмитрий Андреич кинулся за ним и второпях споткнулся. Падая в воду, он нечаянно поймал волка за задние ноги. Зверь сразу стал беспомощным. Чтобы не захлебнуться, он должен был судорожно барахтаться передними ногами.

Ребята на берегу схватили кто весло, кто кол из плетня, кто шубу — накинуть зверю на голову.

— Держи, держи, дядя Митька! Сейчас мы его...

Ощущение безопасности быстро отрез-

вило Дмитрия Андреича. Пока ребята бежали к нему на помощь, он спокойно оглядел народ и в самый последний момент опять удивил всех: вдруг выпустил волка, сам подтолкнул его к берегу да еще заорал страшным голосом:

— Ты! Агу его! Держи!

Толпа на берегу расступилась. Волк бросился наверх, пересек улицу и исчез в прилуке. Ребята недовольно уставились на Дмитрия Андреича:

— Да ты что, спятил? Мы бы его живым взяли. Вот чудак! Сам привез и сам же выпустил!

— Ничего, мы и там его возьмем, в лесу. А то в воде-то вроде неловко. В полулю воду сами звери и то не трогают друг друга.

Братья вылезли из воды. С них текло. Тут же, на берегу, их переодели в теплое. У Дмитрия Андреича был сильный укус на руке, и его повели прямо к фельдшеру делать перевязку. Народ толпой провожал его. Ему задавали тысячи вопросов, особенно молодежь. Дмитрий Андреич устал улыбался. Он не знал, что отвечать, и твердил одно:

— Пойдите, ребята! После расскажу, постле.

Ваньке надоело это, и он вдруг закричал:

— Да отстаньте вы, ну вас! Ну что пристали? Не видите, человек утомился!

Отец хитро поглядел на него и засмеялся:

— Так, сынок, правильно! Чего на них смотреть? Тебе осенью в кавалерию. Эх, жалко мы не казаки! Сам бы тебе коня справил.

Как человек стал великаном

М. Ильин и Е. Сегал

Рис. Л. Ройтера

Первые выделившиеся из животного царства люди были во всем существенном так же несвободны, как сами животные; но каждый шаг вперед на пути культуры был шагом к свободе.

ФР. ЭНГЕЛЬС „Анти-Дюринг“

Есть на земле великан.

У него такие руки, что он без труда поднимает паровоз, как поднимают щенка за шиворот.

У него такие ноги, что он может в день пробежать тысячи километров.

У него такие крылья, что он может летать над облаками выше всех птиц.

У него такие плавники, что он может плавать и по воде и под водой лучше всех рыб.

У него такие глаза, которые видят невидимое, и такие уши, которые слышат, что говорят на другом материке.

Он так силен, что пробивает насквозь горы и останавливает на всем ходу водопады.

По своей воле он перестраивает землю, насаждает леса, соединяет моря, орошает пустыни.

Кто же этот великан?

Этот великан — человек.

Как же это случилось, что человек стал великаном, стал хозяином земли?

Об этом мы и хотим рассказать в нашей книге.

Человек в клетке

1. О невидимых цепях и невидимых клетках

Было время, когда человек был не великаном, а карликом, не хозяином природы, а ее послушным рабом.

У него было так же мало власти над природой, так же мало свободы, как у любого зверя в лесу, у любой птицы в воздухе.

Но разве звери и птицы не свободны? Разве какая-нибудь белка, которой ничего не стоит перемахнуть с дерева на дерево, живет в лесу не на свободе, а в клетке? Разве дятел, который с таким увлечением выстукивает облубованную им березу, привязан к этой березе цепью?

Да, именно так оно и есть: белка живет в лесу не на воле, а в клетке, а дятел сидит на цепи.

Но что же это за клетка, и кто видел когда-нибудь, чтобы дятел сидел в лесу на цепи?

Никто не видел и видеть не мог, потому что это невидимая клетка и невидимая цепь.

В такой невидимой клетке на невидимой цепи сидел когда-то и человек.

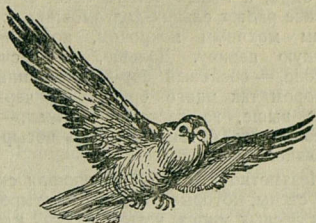
И если мы хотим знать, как человеку удалось порвать цепь и выбраться из клетки, нам надо отправиться в лес и посмотреть, как там живут подневольные его обитатели.

Эту книгу о человеке нам придется начать с прогулки по лесу и с разговора о зверях и птицах.

2. О вольных птицах

Есть такое выражение: «Волен как птица».

Но разве можно назвать вольным дятла?

Ястреб так и не может спуститься со своего чердака.

Если бы дятел был вольной птицей, он мог бы лететь куда вздумается и жить где угодно. А это совсем не так. Попробуйте дятла переселить в степь. Он неминуемо погибнет в степи, потому что он может жить только там, где есть деревья.

Дятел словно привязан к дереву невидимой цепью, которой он не может порвать.

Или вот другая птица, клест-еловик.

Клест-еловик, как и дятел, может жить только в лесу. Но у него еще меньше свободы чем у дятла. Он может жить не во всяком лесу, а только в еловом.

А ближайший родственник клеста-еловика — клест-сосновик — может жить только в сосновом лесу и нигде больше.

Еловый лес, в котором живет клест-еловик, как будто накрыт невидимой клеткой, и эта клетка не выпускает его из леса.

А клест-сосновик ни за что не расстанется с сосновым бором, словно этот бор окружен со всех сторон невидимой стеной.

3. Прогулка по лесу

Когда вы бродите по лесу, вы то и дело проходите сквозь такие невидимые стены. А когда вы лазаете по деревьям, вы пробиваете головой невидимые потолки. Весь лес как зоологический сад разделен на клетки и клеточки, хотя вы их и не видите.

Правда, гуляя по лесу, вы замечаете, что лес меняется: что еловый лес сменяется сосновым, что сосны делаются то выше, то ниже, что в одном месте под ногами шуршит белый олений мох, в дру-

Крот — пленник лесного «подвала».

гом — растет высокая трава, а в третьем — под ногами опять мох, но уже не белый, а зеленый.

Для дачника все это лес. Но спросите лесовода, и он скажет вам, что здесь не один, а целых четыре леса. В сырой низине растет ельник-долгомошник с толстым моховым покровом, похожим на мягкую перину. Дальше, на песчаном склоне, — сосновый бор-зеленомошник, в котором так много брусники и черники. Еще выше, на песчаных холмах, — бор-беломошник. А там, где опять посырее, — травяной бор.

Незаметно для себя вы прошли сквозь три стены, которые разделяют четыре разных лесных мирка, четыре разных клетки. И в каждой клетке свои пленники.

Если бы в лесу как в зоологическом саду висели дощечки с названиями животных, то на опушке елового леса вы увидели бы на деревьях дощечки с такими надписями: «Клест-еловик», «Чиж», «Снегирь», «Синица-московка», «Дятел-трехпалый», «Королек», «Белка», «Лесная куница», «Лесная мышь». На опушке бора-беломошника вы прочли бы почти сплошь другие названия. Вы нашли бы там козодоя, овсянку, большого пестрого дятла, мухоловку, пеночку-желтобровку, дрозда-дерябу. В березовом лесу опять-таки оказались бы свои пленники — такие, каких не встретишь ни в еловом лесу, ни в сосновом. Вот, например, тетерев-березовик. У этой птицы адрес в самой фамилии. По своей фамилии видно, что тетерев-березовик может жить только в березовом, в лиственном лесу.

Каждый лес словно клетка. Но эта клетка опять-таки делится на клетки и клеточки. Начать хотя бы с того, что весь лес как громадный дом разделен на этажи. Есть леса двухэтажные, трехэтажные и даже семизэтажные.

В сосновом лесу два, а иногда и три этажа: первый этаж — мох или трава;

Желец первого этажа — еж.

Невидимая цепь привязывает дятла к лесу.

второй этаж — кустарник; третий этаж — сосна.

В дубовом лесу целых семь этажей.

Верхний, седьмой этаж уходит в небо вершинами дубов, ясеней, лип и кленов. Их кудрявые кроны образуют над лесом крышу: летом — зеленую, осенью — пеструю, разноцветную.

Ниже — по пояс дубам — поднимаются вершины рябин, диких яблонь и груш — это шестой этаж.

Еще ниже — в пятом этаже — переплелись ветвями и листьями кустарники: орешник, боярышник, бересклет.

Под кустарниками растут травы и цветы. Но и они располагаются в несколько этажей. Выше всех поднимаются колокольчики — это четвертый этаж леса. В третьем этаже среди папоротников цветут ландыши, цветет «Иван да Марья». Во втором этаже обитают фиалки и земляника. В первом, по самой земле, стелются лиственные мхи.

А под первым этажом — под землей — есть еще подвал, куда уходят корни лесных трав и деревьев.

В каждом этаже свои жильцы — звери и птицы.

Где-нибудь на седьмом этаже, среди ветвей, живет в своем гнезде ястреб. Немного пониже поселился в дупле дерева

дятел. В пятом этаже, в кустарниках, — самые шумные жильцы, которые наполняют лес свистом и пением, — это славки, синицы, крапивники, горихвостки. По земле бродит житель первого этажа — вальдшнеп. Под землей, в подвале, роют свои ходы и каморки лесные мыши.

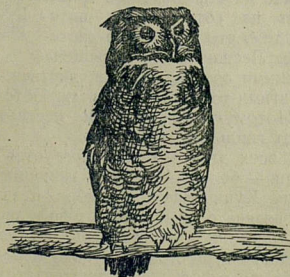
Квартиры в этом громадном здании самые разнообразные. В верхних этажах тепло, сухо, светло, в нижних — темно, сыро, прохладно. В доме есть холодные квартиры, в которых можно жить только летом. Есть и теплые, в которых можно жить круглый год. Нора, вырытая в земле, — это зимняя квартира. Попробовали измерить температуру в норе зимой на глубине в полтора метра. Оказалось, что при морозе в восемнадцать градусов температура в норе была на восемь градусов выше нуля. И это без всякого парового отопления!

В дупле гораздо холоднее. Зимой в дупле можно замерзнуть. Зато летом там благодать, особенно для сов и летучих мышей, которые вылетают из дому в «ночную смену», а днем предпочитают дремать где-нибудь в темном уголке, подальше от солнца.

Люди часто меняются квартирами, переезжают из дома в дом, с этажа на этаж. А вот в лесу жилец одного этажа не может поменяться квартирой с жильцом другого этажа: ведь в лесу не жильцы, а пленники, не квартиры, а клетки.

Вальдшнеп, который всегда живет в первом этаже, не может променять своего сырого и темного помещения на сухой и солнечный чердак.

А обитатель чердака — ястреб — не смог бы жить в первом этаже, даже если бы ему пришла в голову такая сумасбродная фантазия.

Сова днем дремлет где-нибудь в темном уголке.

Летучая мышь вылетает из дому только в «ночную смену».

В чем же дело? Что это за невидимые стены и потолки, которые делают лес на клетки и клеточки? Что делает несвободными зверей и птиц, живущих на свободе? Что удерживает клеста-еловика в еловом лесу, клеста-сосновика — в сосновом, вальдшнепа — в первом этаже, а дятла или ястреба — под самой крышей?

4. В гостях у клеста-еловика

Давайте побываем у клеста-еловика в гостях и посмотрим, как он живет и что поделяется. Лучше всего будет, если мы застанем его за завтраком или за обедом. Впрочем, трудно сказать, где у клеста кончается завтрак и где начинается обед: он тратит на еду гораздо больше времени чем каждый из нас.

За обедом клест не употребляет ни ножа, ни вилки. Весь его столовый прибор составляют щипцы, которыми он с большой ловкостью вскрывает еловые шишки, вылушывая из них семена. Со своим столовым прибором клест никогда не расстается — даже когда спит — по той простой причине, что столовым прибором ему служит его собственный клюв.

Клюв этот так же приспособлен к еловой шишке, как ореховые щипцы к ореху или пробочник к пробке.

Разница только в том, что ореховые щипцы приспособил к ореху человек, а клест-еловик сам приспособился в течение тысячелетий к еловому лесу, к добычанию семян ели. Так приспособился, что теперь и ель нужна клесту и клест нужен ели. Разбрасывая за обедом семена ели, он тем самым сеет их, создает запасы еды для будущих клестов. Это-то и делает «союз» клеста и ели таким прочным. Вот почему клест-еловик даже со своим ближайшим родственником клестом-сосновиком не мог бы поменяться жильем. Клюв — инструмент для вскрывания еловых шишек — недостаточно крепок, чтобы вскрывать жесткие шишки сосны. Вылушивать семена из сосновых шишек — специальность сосновика.

Это-то и держит клеста-сосновика в сосновом лесу, а клеста-еловика — в еловом.

Не по прихоти, а по необходимости стал клест-еловик пленником и союзником елового леса. Шишек в еловом лесу сколько угодно и зимой и летом. Потому-то клест даже на зиму не покидает своих елок. Он и зимой может прокормиться еловыми семенами.

5. Лесные пленники

Если бы мы свели такое же близкое знакомство и с другими лесными пленниками, мы увидели бы, что каждый из них привязан к своему лесу и к своему этажу в лесу цепью, которую не так-то легко разорвать.

Вальдшнеп, например, потому живет в первом этаже, что его еда находится в «погребке». Его длинный клюв приспособлен для добывания из-под земли земляных червей. На дереве вальдшнепу делать нечего. Потому-то вы и не увидите никогда вальдшнепа на верхушке дерева. А вот дятлу нечего делать на земле. Целые дни вертится он вокруг ствола какой-нибудь ели или березы.

Что он выстукивает там, что он ищет на коре или под корой?

Если мы сдерем с первой попавшейся елки кору, мы увидим под корой извилистые ходы. Эти ходы прогрыз постоянный жилец и нахлебник ели — еловый короед. Каждый ход кончается колыбелькой, и в этой колыбельке личинка короледа превращается в куколку, а потом — в жучку. Короед приспособился к ели. А дятел приспособился к короледу. У дятла такой длинный и гибкий язык, что языком этим дятел без труда достает, вылизывает личинку короледа из самых потаенных ходов и переходов.

Тут уж тройная цепь: ель — еловый короед — дятел.

Ученые называют такие цепи «цепями питания». Все пленники леса связаны между собой цепями питания.

Взять, например, лесную куницу. Почему она лесная? Потому что она охотится на другого лесного зверька — белку. А почему живет в лесу белка? Белка живет в лесу потому, что только в лесу она может найти свою еду. Как-то вскрыли желудки у нескольких белок, убитых в тайге на охоте. Сделали это,

Клесты живут только в хвойном лесу.

чтобы в точности узнать меню «лесного ресторана». Меню оказалось такое: грибы и еловые семена.

Значит, получается цепь: куница — белка — грибы и еловые семена.

Но эту цепь можно продолжить и дальше. Мы знаем, почему живут в лесу куницы и белки. А почему растут в лесу грибы?

Каждому из нас приходилось собирать грибы. Но не всякий задавал себе вопрос: почему грибы растут в лесу, а не в поле или, скажем, на морском берегу?

Грибы растут в лесу опять-таки по необходимости, потому что лес их кормит. Ведь грибы живут на готовеньком: питаются тем, что накоплено растениями. Лесная почва насыщена гниющими остатками трав, листьев, мхов. Вот этим-то остатками и питаются грибы. Потому-то в грибном месте всегда пахнет гнилью и прелью.

Из всех этих звеньев образуется цепь: куница — белка — грибы — гниющие растения. Куница не ест грибов, и все-таки она связана с ними одной цепью питания. Цепь питания — это та цепь, по которой от одного существа к другому передается солнечная энергия, передаются атомы вещества, собранные, пойманные растениями.

Но лесных пленников держат в лесу не только цепи питания: есть и другие цепи.

Калифорнийского дятла привязывают к лесу две цепи: одна цепь ведет к дубу, который щедро снабжает дятла жолудями; другая цепь ведет к желтой сосне. Дятел не ест сосновых шишек. Сосна нужна ему совсем для другого: она служит ему кладовой. В каждое углубление на стволе сосны дятел засовывает жолуди — на черный день, про запас.

6. Вход воспрещен!

Лесной мирок — это один из многих мирков, которые составляют мир.

На земном шаре есть не только леса, но и степи, и пустыни, и горы, и тундры, и моря, и озера. В каждой степи, как и в лесу, свои невидимые стены, отделяющие один степной мирок от другого. Каждое море разделено на множество подводных этажей.

У берегов Черного моря таких этажей восемь. Только тут этажи идут не снизу вверх, а сверху вниз. Первый этаж — у самых береговых скал, где обитают актинии, крабы, усонogie рачки. Ниже, во втором этаже, бродят по песку раки-отшельники, зарываются в песок рыбы-султанки. Еще ниже, в четвертом этаже, живут устрицы. Самый нижний этаж пустует, потому что он заражен ядовитым газом — сероводородом. Но даже и там есть существа, которые приспособились к жизни в условиях химического нападения: сероводородные бактерии. То, что для других существ — яд, для них — источник жизни.

В мире больше миллиона разных животных. И каждое живет в своем мирке, к которому оно приспособилось. Одни живут в воде, другие на суше. Одни не переносят света, другие не любят темноты. Есть животные, которые зарываются в сухой горячий песок, и есть другие, которые чувствуют себя хорошо только в болоте.

Там, где для одних написано «Вход воспрещен», там для других надпись «Добро пожаловать».

Где под страхом смерти воспрещается жить рыбам, там приволье птицам. Место, занятое сплошь деревьями, свободно для мхов, потому что деревьям нужен свет, а мхам — тень.

На земле нет пустых уголков, нет таких пор, в которые не пробралась бы жизнь: там, где не может жить одно существо, может жить другое.

На полюсе и на экваторе, на вершинах гор и в глубинах морей — везде есть живые существа, для которых дом там и больше нигде.

Попробуйте белого медведя переселить в тропический лес. Он задохнется на тропиках как в бане: ведь у него такая шуба, которую невозможно снять. А обитатель тропиков — слон — замерзнет в снегах Арктики: он ведь, как и полагается в бане, ходит голый.

Есть только одно место на земле, где белый медведь встречается со слоном, где можно увидеть животных всех широт, где в двух шагах от лесных зверей живут степные, а рядом со степными — обитатели гор. Это место — зоологический сад.

В зоологическом саду Южная Африка расположена рядом с Австралией, а Австралия — в двух шагах от Северной Америки. Звери собрались в зоологический сад со всего света. Но они собрались туда не сами: их собрал вместе человек.

Зато и хлопот сколько у человека со всей этой живой коллекцией! Ведь каждый зверь привык жить в своем, особом мирке. Надо окружить его обстановкой, которая была бы похожа на этот мирок: для одного надо создать океан в бассейне, для другого — песчаную пустыню на площади в двадцать квадратных метров; надо позаботиться о том, чтобы звери были сыты и в то же время не поедали друг друга, чтобы у белого медведя была холодная вода для купанья, чтобы обезьянам было тепло, чтобы лев получал вовремя порцию сырого мяса, чтобы орлу было, где расправить крылья.

Искусственно собрав вместе степных, лесных, горных, равнинных и всяких прочих животных, человек должен был окружить их искусственной природой, чтобы они не погибли.

Ну, а какое животное — сам человек: степное, лесное, горное?

Можно ли назвать человека, живущего в лесу, «лесным человеком», а человека, живущего на болоте, — «болотным»?

Конечно, нельзя.

Ведь человек, живущий в лесу, может жить и в степи. А человек, живущий на болоте, будет только рад переселиться на сухое местечко.

Человек живет везде. Для него на земле почти не осталось мест, куда бы он не мог проникнуть, где было бы написано: «Вход людям воспрещен». Папанинцы девять месяцев прожили на пловучей льдине. Но если бы им нужно было совершить путешествие в самую жаркую из пустынь, они сделали бы это с не меньшим успехом.

Человек проник всюду: на вершины гор и в глубины морей, в пустыни Сахары и в снежные просторы Арктики, в недра земли и в высоты стратосферы.

Но не так было тогда, когда человек еще не был таким свободным и сильным.

7. Встреча с предками

Миллионы лет тому назад на месте теперешних дубовых, ясеневых, буковых рощ были совсем другие леса — с другими деревьями, другими животными, другими травами.

Если наш лес можно сравнить с домом, то этот древний лес был не просто дом, а настоящий небоскреб. Наши дубы были бы по колено тем деревьям-великанам, которые росли в древнем лесу. Их густые вершины закрывали небо, так что нижним этажам почти не доставалось света. Мрачно и темно было у подножья деревьев. Не видно было цветов на земле, не слышно птиц. Если бы вы вздумали собирать цветы в этом лесу, вам пришлось бы взобраться на самую его крышу. Там, на крыше леса и в его верхних этажах, было светло и шумно. Среди громадных ярких цветов носились с криками крылатые пестрые цветы — птицы. Качались на ветках и прыжками переносились с дерева на дерево обезьяны.

Вот одно обезьянье стадо пронеслось по ветвям как по мосту. Матери, прижав к груди детенышей, засовывают им в рот жеванные плоды и орехи. Детвора постарше хватает матерей за ноги. Старый косматый вожак ловко взбегаеt вверх по стволу, и все стадо кидается за ним.

Что это за порода обезьян?

Охотник на белок — куница.

Белка за обедом в «лесном ресторане».

Такой обезьяны не увидишь теперь ни в одном зоологическом саду мира.

И не потому, что эта обезьяна вымерла, а потому, что в течение тысячелетий потомки ее постепенно превращались в людей. Мы встретились с нашими лесными древесными праородителями.

Наш предок так же, как какой-нибудь дятел, был обитателем верхнего этажа леса. Как по мостам, галереям и балконам, странствовали будущие люди по лесу на высоте в несколько десятков метров. Лес был их домом. На ночь они устраивали себе гнезда из веток в развилинах стволов. Лес был их крепостью. На верхних этажах леса они прятались от длинных, как кинжалы, клыков своего заклятого врага — тигра-махайрода. Лес был их кладовой. Там, наверху, среди ветвей, были запасы еды — плодов и орехов.

Но для того, чтобы жить под самой крышей леса, надо было так приладиться к нему, чтобы без труда цепляться за ветки, бегать по стволам, прыгать с дерева на дерево, хватать и рвать плоды, грызть орехи. Нужны были цепкие пальцы, нужно было острое зрение, нужны были крепкие зубы.

Не одной, а, по крайней мере, тремя цепями был прикован наш предок к лесу, и не просто к лесу, а к его верхним этажам. Как же это случилось, что человек порвал эти цепи? Как лесное животное отважилось выбраться из своей клетки — выйти за пределы леса?

Человек выходит из клетки

1. О бабушке и о двоюродных братьях нашего героя

Когда писатель в прежние времена принался, не торопясь, за рассказ о жизни и приключениях человека, он обычно в первых же главах сообщал читателю самые подробные сведения обо всех родственниках героя.

Просмотрев несколько страниц, читатель узнавал, в каких нарядах щеголяла бабушка героя, когда еще была молода, и какой сон видела его матушка в ночь накануне свадьбы. Затем следовал подробный рассказ о первых зубах героя, о первых словах, которые он сказал, о первых его шагах и первых шалостях. Примерно через десять глав герой поступал в школу, к концу второго тома влюблялся, в третьем томе, преодолев все препятствия, вступал в брак, и роман заканчивался эпилогом, в котором герой и его супруга, уже убежденные сединами, любуются первыми неуверенными шагами своего краснощекого внука.

В этой книге мы тоже хотим рассказать о жизни и приключениях человека. Следуя примеру почтенных романистов старого времени, мы хотим рассказать и об отдаленных предках нашего героя и о его ближайших родственниках, о том, где он появился на свет, о том, как он учился ходить, говорить, думать, о его жизненной борьбе, о его горестях и радостях, победах и поражениях.

И тут, надо сознаться, мы с самого же начала наталкиваемся на большие трудности.

Как описать бабушку героя, ту самую бабушку — обезьяну, от которой мы ведем свой род, когда ее давно уже нет на свете? Портрета ее у нас не сохранилось, потому что, как известно, обезьяны рисовать не умеют. Та встреча с предками, о которой шла речь в предыдущей главе, могла бы произойти только в музее. Но даже в музее было бы нелегко увидеть нашу бабушку целиком, потому что от нее осталось всего только две пригоршни зубов, найденных в разных местах Африки, Азии и Европы.

Обыкновенно бабушки остаются без зубов, тут зубы остались без бабушки.

Лучше обстоит дело с другими род-

ственниками нашего героя — с его двоюродными братьями и сестрами.

В то время как человек давно уже вышел из тропических лесов и стал на ноги, во всех смыслах этого слова, его ближайшие родичи, среди животных — шимпанзе и оранги — так и остались нищими и голыми лесными жителями. Человек не всегда любит вспоминать о своих бедных родственниках. Он даже пытается иной раз с негодованием отрицать свое родство с ними. Есть люди, которые считают клеветой всякий намек на то обстоятельство, что и у человека и у шимпанзе одна и та же бабушка.

Не так давно в Америке дело дошло даже до суда. Судили школьного учителя за то, что он осмелился сообщить детям о родстве человека с обезьяной. В зале суда собралось много народу. Некоторые почтенные граждане явились с повязкой на рукаве, на которой было написано:

«Мы не обезьяны и не дадим превратить себя в обезьян».

Бедный школьный учитель, который и не собирался превращать этих ослов в обезьян, был ошеломлен градом посыпавшихся на него обвинений. Отвечая на прозные вопросы судьи, он, должно быть, думал: «А не сошел ли судья с ума? Ведь этак можно осудить и за таблицу умножения».

Судебное заседание велось по всем правилам судопроизводства: допрашивались свидетели; подсудимому было предложено последнее слово, и, наконец, судья огласил приговор:

1. Считать, что человек и обезьяна в родстве не состоят.

2. Школьного учителя оштрафовать на сто долларов.

Так американский судья отменил целую науку о происхождении человека, созданную Дарвиным и другими глубочайшими мыслителями и исследователями.

Но истина — упрямая вещь, ее нельзя отменить судебным постановлением.

Если бы на заседание суда были приглашены ученые, они снятыми фактов доказали бы, что школьный учитель прав и что не всякий судья может быть судьей, когда дело касается науки.

Мы могли бы заполнить всю нашу книгу доказательствами родства человека и

обезьяны. Но даже и без всяких ученых рассуждений и доказательств фамилное сходство человека с обезьяной бросается в глаза каждому, кто провел хоть час в обществе шимпанзе и orangов.

2. Наши родственники — Роза и Рафаэль

Несколько лет тому назад в Колтуши, в лабораторию великого ученого Ивана Петровича Павлова, привезли двух шимпанзе — Рафаэля и Розу.

Обыкновенно люди встречают своих бедных лесных родственников не очень гостеприимно: сажают их сразу же за решетку. Но на этот раз гостей из лесов Африки ждал самый радушный прием. В их распоряжение предоставили целую квартиру: спальню, столовую, ванную, комнату для игр и занятий. В спальне поставили удобные кровати, а около кроватей — ночные столики. В столовой накрыли белой скатертью стол и наполнили провизией и посудой полки в буфете.

Ничто в этой уютной квартирке не напоминало о том, что ее обитатели не люди, а обезьяны. За обедом на стол ставили тарелки и клали ложки. На ночь стелили постели в спальне, тщательно взбивали подушки. Правда, иной раз гости принимались вести себя совсем не так, как надо: за обедом, отложив ложки в сторону, начинали попросту сосать компот из тарелки, а перед сном вместо того чтобы положить голову на подушку, клали подушку на голову.

И все-таки Роза и Рафаэль вели себя если не как люди, то почти как люди.

Роза, например, не хуже любой хозяйки справлялась со связкой ключей от буфета. Ключи эти находились обычно в кармане у сторожа. Подкравшись к сторожу сзади, Роза незаметно запускала руку к нему в карман. Еще мгновение — и она уже в столовой, около буфета. Взобравшись на стул, она осторожно всовывает ключ в замочную скважину. За стеклянными дверцами буфета соблазнительно желтеют в вазе абрикосы, прикрытые кистями винограда.

Поворот ключа — и кисть винограда уже в руках у Розы.

А Рафаэль! Посмотрели бы вы на него во время занятий. Учебными пособиями ему служат: ведро с абрикосами и кубики разной величины. Эти кубики во много раз больше тех, которыми обыкновенно играют дети. Самый большой из них вы-

сотой с табуретку, а самый маленький не ниже скамеечки для ног. Ведро с абрикосами подвешивается высоко над полом, и задача в том, чтобы их достать и съесть.

На первых порах Рафаэлю никак не удавалось решить задачу.

Шимпанзе,— быть может, самый близкий наш родственник.

У себя дома, в лесу, ему часто приходилось карабкаться на деревья для того, чтобы срывать плоды. Но тут плоды висели не на ветке, а в воздухе. Кроме кубиков здесь не было ничего такого, на что можно было бы влезть. Но, даже взобравшись на самый большой кубик, невозможно было дотянуться до абрикосов.

Вертя кубики так и сяк, Рафаэль нечаянно сделал открытие: если поставить кубик на кубик, то до абрикосов будет уже не так далеко. Понемногу Рафаэль дошел до пирамиды из трех, из четырех, из пяти кубиков. Это было для него нелегким делом. Ведь кубики надо было ставить не как попало, а в определенном порядке: сначала большие, потом все меньше и меньше.

Сколько раз случилось, что по ошибке Рафаэль пытался громоздить большие кубики на маленькие. Из-за этого все сооружение начинало угрожающе раскачиваться.

Казалось, еще мгновение — и пирамида обрушится вместе с Рафаэлем. Но до этого дело не доходило: ведь Рафаэль был «ловок как обезьяна»!

И вот, наконец, задача решена. Рафаэль поставил все семь кубиков в порядке их величины, как будто прочел написанные на них номера.

Дотянувшись до ведерка, он тут же, на верхушке качающейся пирамиды, с большим удовольствием поедает честно заработанные абрикосы.

Какое другое животное могло бы вести себя так по-человечески? Можно ли представить себе собаку за постройкой пирамиды из кубиков? А ведь собака — понятливое животное.

Когда смотришь, как работает Рафаэль, это сходство с человеком просто поражает. Вот он взял кубик, положил его на плечо и, поддерживая рукой, несет к пирамиде. Но кубик не подошел. Поставив его опять на землю, Рафаэль усаживается на кубик, как будто в раздумье. Отдохнув, он опять принимается за дело: исправляет сделанную ошибку.

3. Можно ли превратить шимпанзе в человека?

Но если так, то нельзя ли превратить шимпанзе в человека, научить его ходить по-человечески, говорить, думать, работать?

Такие попытки делались не раз. Знаменитый дрессировщик Дуров немало поработал, стараясь превратить в человека своего любимца Мимуса. Мимус оказался понятливым учеником: он научился пользоваться ложкой, подвязывать салфетку, сидеть на стуле, есть, не проливая на скатерть, и даже кататься с горы на санках.

И все-таки человека из него не вышло.

Да это и понятно. Ведь шимпанзе устроен совсем не так, как человек. У него и руки не такие, и ноги не такие, и мозг не такой, и язык не такой.

Попробуйте заглянуть шимпанзе в рот. Только будьте при этом осторожны: шимпанзе больно кусаются. Вы увидите, что во рту у шимпанзе довольно-таки тесновато, так что языку в этом жилище негде и шевельнуться. А тут еще и без того маленькое помещение загромождают большие зубы.

Но если языку негде или почти негде повернуться, то уж хотя бы поэтому шимпанзе нельзя научить говорить.

Ведь человеческому языку приходится во время разговора проделывать весьма сложную гимнастику: то выгибаться дугой и дрожать мелкой дрожью, то прижи-

маться к небу, то отходить назад, чтобы не мешать голосу вылетать из гортани, то, наоборот, вылезать вперед, упираясь в зубы.

Для всякой гимнастики нужно свободное место. А места во рту у шимпанзе очень мало.

Работать по-человечески руками шимпанзе тоже никак не мог бы. Ведь у него рука устроена совсем не так, как у человека. Большой палец руки у шимпанзе меньше мизинца и не отставлен так далеко в сторону, как у нас. А ведь большой палец — это самый нужный из пальцев, самый главный в той бригаде из пяти рабочих, которая называется рукой. Он может работать в паре с каждым из остальных четырех и со всеми вместе. Поэтому наша рука и орудует так ловко самыми разнообразными орудиями.

Рука шимпанзе скорее напоминает ногу человека, а нога напоминает человеческую руку. Когда шимпанзе хочет сорвать с ветки плод, он нередко держится руками за ветку, а хватает ногой. При ходьбе по стволу дерева он обхватывает ствол пальцами ног и опирается на согнутые пальцы рук. Значит, он очень часто ногами пользуется как руками, а руками — как ногами.

Если бы у человека руки и ноги поменялись местами, много ли бы он мог наработать?

Но, кроме устройства языка, ног и рук, есть еще одна, очень важная вещь, о которой забывают дрессировщики, пытающиеся превратить шимпанзе в человека. Они забывают, что мозг у шимпанзе гораздо меньше по объему и не так сложно устроен, как мозг человека. Нужны были сотни тысяч лет для того, чтобы обезьяна могла стать человеком. Уж по одной этой причине шимпанзе нельзя научить рассуждать по-человечески.

Иван Петрович Павлов, который много лет изучал работу человеческого мозга, с большим интересом наблюдал, как ведут себя его гости — Роза и Рафаэль. Нам рассказывали, что он иногда подолгу оставался в обезьяннике, изучая их поведение. А поведение у них было самое беспорядочное, беспорядочное. Не успев взяться за одно дело, они принимались за другое.

Вот Рафаэль с серьезным видом строит свою пирамиду. И вдруг, заметив мяч, он бросает кубики и начинает хлопать по мячу длинной волосатой рукой. Через мгно-

вене и мяч забыт: внимание Рафаэля уже поглощено мухой, которая ползет по полу.

Как-то раз, глядя на беспорядочную суетню шимпанзе, Иван Петрович проговорил, очевидно, думая вслух:

— Хаос, хаос!

В хаотических движениях обезьян ясно отражалась и хаотическая работа их мозга, совсем не похожая на упорядоченную и сосредоточенную работу мозга человека.

И все-таки обезьяна достаточно понятлива и достаточно хорошо устроена для жизни у себя дома, в лесу, в том мирке, к которому она приспособилась в течение миллионов лет.

Однажды на квартиру к Розе и Рафаэлю явился кинорежиссер, для того чтобы их заснять. По сценарию, составленному им, обезьян надо было выпустить ненадолго на волю. И вот как только обезьяны оказались на воле, они немедленно вскарабкались на ближайшее же дерево и принялись в восторге раскачиваться, ухватившись руками за ветку. На дереве они почувствовали себя гораздо больше дома чем в своей уютной, хорошо обставленной квартире.

У себя в Африке шимпанзе живет в верхнем этаже леса. На ветках дерева он устраивает себе гнездо. На дерево он взбирается, чтобы спастись от врага. На дереве он находит себе еду — плоды и орехи.

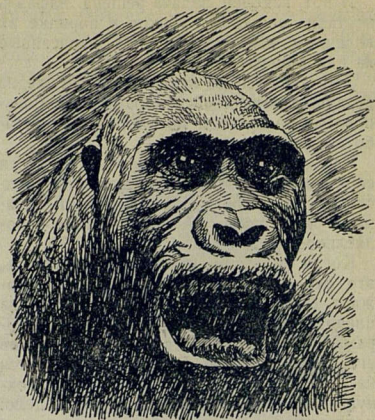
Он так приспособился к дереву, что ходит по отвесному стволу гораздо лучше чем по ровной земле. Там, где нет леса, — там вы не найдете и шимпанзе.

Как-то один ученый отправился в Африку, в Камерун, чтобы понаблюдать, как шимпанзе живет у себя на родине.

Поймав десяток шимпанзе, ученый поселил их около своей фермы, в лесу, чтобы они чувствовали себя как дома. А для того чтобы они не убежали, он устроил для них невидимую клетку. Эту клетку соорудили с помощью только двух инструментов — топора и пилы.

По распоряжению ученого лесорубы вырубали все деревья вокруг небольшого участка леса, так что этот участок оказался лесным островком среди открытого поля. И вот на этом-то островке ученый и поселил своих обезьян.

Расчет ученого был верен: обезьяна — лесное животное. Значит, по доброй воле она из лесу не уйдет. Поселиться на открытом месте обезьяне так же невозмож-

Так выглядит наш «двоюродный брат» — горилла.

но, как невозможно белому медведю поселиться в пустыне.

Но если шимпанзе не может выйти из лесу, то как же смог выйти из лесу его родственник — человек?

4. Наш герой учится ходить

Наш лесной предок выбрался из своей лесной клетки не в один день и не в один год. Многие сотни тысяч лет прошли прежде, чем он стал настолько свободным, что смог выйти из лесов в степи, в безлесные равнины.

Для того, чтобы древесное животное могло порвать цепь, которая приковывала его к лесу, ему надо было прежде всего спуститься с дерева и научиться ходить по земле.

Научиться ходить не легко человеку даже в наше время. Каждый, кто бывал в яслях, знает, что там есть особая группа ребят: ползунки. Ползунки — это такие дети, которые уже не хотят оставаться на месте, но еще не умеют ходить. Проходит не один месяц, пока ползунки не превращаются, наконец, в ходунки. Шутка ли, ходить по земле, не опираясь о нее руками и не хватаясь за окружающие предметы! Это гораздо труднее, чем взрослому научиться ездить на велосипеде!

Но если ребенку нужны месяцы для того, чтобы из ползунка превратиться в хо-

дунка, то нашему предку для этого понадобились не месяцы, а тысячелетия.

Правда, еще в те времена, когда наш предок жил на деревьях, ему случалось на короткое время спускаться на землю. Возможно, что при этом он не всегда опирался руками о землю, а пробегал два-три шага на задних лапах, как это делает иногда шимпанзе.

Но одно дело два-три шага, а другое дело — пятьдесят или сто.

Тут требовалось долгое и упорное упорноение.

Конечно, наш предок мог бы так и остаться ползунком — чевероногим животным. Но тогда он не стал бы человеком. Опираясь при ходьбе на руки нашему предку было совсем невыгодно, потому что руки нужны были ему для другого.

5. Как ноги освободили руки для работы

Еще в те времена, когда наш лесной предок жил на деревьях, он научился пользоваться руками не так, как ногами. Руками он срывал плоды и орехи, руками строил гнезда в развилинах стволов.

Но та же самая рука, которая могла схватить орех, могла схватить и камень или палку. А камень в руке или палка — это та же рука, но только ставшая длиннее и сильнее.

Камнем можно было разбить орех с твердой скорлупой, которого не могли раскусить зубы. Палкой можно было выкопать из земли съедобный корень.

И вот понемногу к своей обычной еде наш предок стал добавлять чужую еду — еду птиц, землероек, кротов и мышей. На первых порах он делал это только в голодные времена, когда весь лес вокруг был уже опустошен обезьянскими стаями. Потом, приохотившись к чужой еде, он все чаще и чаще стал спускаться за ней на землю. Роясь в земле, он выкапывал из нее палкой клубни и коренья. Долбя и кроша камнем старые дни, добывал из них личинки насекомых.

Но для того, чтобы руками можно было работать, надо было освободить их от другого занятия, от ходьбы. Чем больше были заняты руки работой, тем чаще приходилось ногам самим справляться с ходьбой.

Так рука заставила ноги ходить, а ноги освободили руку для работы.

В лесу появилось новое, невиданное ра-

нее существо, которое передвигалось на задних лапах и работало передними.

С виду это существо было еще очень похоже на животное. Но если бы вы могли посмотреть, как оно орудовало палкой или камнем, вы бы сразу сказали: это такое животное, которое уже начало превращаться в человека.

Ведь в самом деле, только человек умеет пользоваться орудиями. У животных орудий нет.

Когда землеройка или крот роют землю, они делают это не лопатой, а собственными лапами. Когда мышь режет и точит дерево, она режет его не ножом, а зубами. А дятел, когда он долбит кору, долбит ее не долотом, а клювом.

У нашего предка не было ни клюва-долота, ни лапы-лопаты, ни резцов, острых, как нож.

Но у него было то, что лучше всяких резцов и клыков. У него была рука, а рукой можно было подобрать с земли и клыки из камня и когти из дерева.

6. Наш герой спускается на землю

Пока происходили все эти события, климат в тех местах, где жил наш лесной предок, понемногу менялся. Все чаще становилось по ночам свежо, все прохладнее делались зимы. Климат был еще теплым, но жарким его уже назвать нельзя было.

На северных склонах холмов вечнозеленые пальмы, магнолии, лавры уступили место дубам и липам, которые умеют бороться с зимой, сбрасывая на зиму листья. Дерево уступает зиме и на время замирает, чтобы весной возродиться к жизни. До сих пор в прибрежных отложениях находят отпечатки древних дубовых и липовых листьев, которые когда-то были снесены в реки дождевыми потоками.

Прячась от холодного ветра, уходили в ложбины и на южные склоны смоковницы и виноградники. Все дальше, к югу, отступала граница тропических лесов. А вместе с этими лесами отступали к югу и их обитатели: ушел предок слона, мастодонт, все реже и реже стал встречаться саблезубый тигр-махайрод. Там, где когда-то были сплошные заросли, деревья расступались, образуя светлые поляны, на которых паслись гигантские олени и носороги. Из обезьян одни ушли, другие вымерли. И только те обезьяны, которые уже становились людьми, сумели приспособиться к жизни в новых лесах.

Клювы «рыболовов»
и «вегетарианцев».

А приспособиться было не так-то легко. Ведь в лесу все меньше и меньше оставалось еды, годной для обезьян. Меньше оставалось винограда, труднее стало разыскивать смоковницу или фиговое дерево. Путешествовать по лесу тоже стало нелегким делом. Ведь лес поредел, от одной группы деревьев до другой надо было перебегать по земле. А по земле древесному жителю не так-то просто передвигаться: того и гляди, угодишь в зубы какому-нибудь более проворному зверюхищнику.

И все-таки делать было нечего. Голод гнал нашего предка с дерева. Все чаще и чаще приходилось человеческим или, вернее, обезьяно-человечьим стаям спускаться с деревьев и бродить по земле в поисках такой еды, которой раньше ни одна честная обезьяна и в рот не взяла бы.

Но что это значит для зверя выйти из привычной ему клетки, из мирка, к которому он приспособился?

Это значит нарушить лесные правила, порвать цепи, которые приковывают его к месту в природе.

Представьте себе белку, которая вздумала бы променять лес на степь. В степи ей пришлось бы питаться не еловыми семенами и не грибами, а травой. А для этого ей нужны были бы другие зубы. В степи ей пришлось бы научиться рыть норы, чтобы прятаться от хищников. А для этого ей нужны были бы другие когти. Ее замечательный хвост, который так необходим ей в лесу для затяжных прыжков с дерева на дерево, оказался бы лишним и даже вредным в степи, на открытом месте. Как развевающийся огненный флаг, этот хвост выдал бы белку ее врагам.

Значит, белка прежде чем отправиться в степь, должна была бы расстаться со

своим хвостом-парашютом, приобрести когти и зубы землеройки, или полевой мыши, — одним словом, перестать быть белкой.

Или вспомним опять клеста-еловика. Может ли клест-еловик переселиться в дубовый лес и начать питаться жолудями? Его клюв, такой удобный для вскрытия шишек, совсем не годится для разгрызания жолудей.

Чтобы переселиться в чужой лес и начать есть чужую еду, клест должен был бы сначала переделать свой клюв.

Конечно, звери и птицы меняются. Ничто в мире не остается неизменным. Но не так-то легко и просто им измениться. Для этого нужны миллионы лет. Ведь каждый детеныш очень мало отличается от родителей. Нужны тысячи и тысячи поколений, чтобы могла образоваться новая порода, не похожая на прежнюю.

Ну, а наш предок?

Если бы наш предок не успел еще изменить все свои навыки и привычки, он вынужден был бы уйти на юг вместе с другими обезьянами. Но от всех обезьян он к этому времени уже отличался тем, что научился находить еду там, где ни одна обезьяна не нашла бы ее, научился добывать себе еду с помощью каменных клыков и когтей. В случае нужды он мог обойтись и без сочных южных плодов, которых все меньше оставалось в лесах. То, что леса поредело, тоже было ему нестрашно. Ведь он уже умел ходить по земле и не боялся открытых, безлесных пространств. А если навстречу попадался враг, вся стая «полулюдей» принималась обороняться так, как не умеют обороняться обезьяны, — с помощью камней и палок.

Суровые времена, которые настали, не погубили нашего обезьяноподобного предка и не заставили его отступить вместе с отступающими южными лесами, а только ускорили его превращение в человека.

А что стало с нашими родичами — обезьянами?

Отступив вместе с южными лесами, они так и остались лесными жителями. А не отступить они не могли. Ведь по своему развитию они отстали от наших предков, не дошли до употребления орудий. Самые ловкие из них, продолжая жить в верхнем этаже леса, еще лучше научились карабкаться по деревьям, цепляясь за ветки.

Вместо того чтобы стать людьми, научиться работать руками и ходить ногами,

они, наоборот, стали еще больше обезьянами, еще больше приспособились к жизни на деревьях. Они научились хвататься за ветки не только руками, но и ногами, и ходить по стволу, опираясь на руки, как это делают и теперь шимпанзе. Уж хотя бы поэтому из них не могли образоваться люди. Ведь у людей руки должны быть свободны для работы.

Другая судьба была у тех обезьян, которые были менее ловкими и не могли так хорошо приспособиться к жизни на деревьях. Из них могли выжить только самые большие, самые сильные. Но чем тяжелее и больше было животное, тем труднее ему было оставаться жить в верхнем этаже лесного дома. Волей-неволей этим громадным обезьянам пришлось спуститься с дерева на землю. Гориллы, например, и сейчас живут на земле, в первом этаже леса. Но спустились они на землю совсем не по той причине, по какой спустился с дерева наш предок, а просто потому, что ветки ломались под их тяжестью. И обороняются они на земле от врагов не камнями и не палками, а громадными клыками, которыми вооружены их мощные челюсти.

Так разошлись пути трех братьев — человека, шимпанзе и гориллы.

Дальше всех пошел человек. Не даром же он научился ходить и научился работать.

7. Пропавшее звено

Человек научился ходить не сразу. На первых порах он ходил, вероятно, неуклюжей и неустойчивой походкой.

Как выглядел тогда человек, или, вернее, обезьяно-человек?

В живом виде обезьяно-человек не сохранился нигде, потому что давно уже превратился в человека. Но не сохранились ли где-нибудь в земле его кости?

Найти эти кости значило бы окончательно доказать, что человек происходит от обезьяны. Ведь обезьяно-человек — это промежуточное звено той цепи, которая ведет от обезьяны к человеку. И это звено бесследно затерялось в толщах глины и песков, в пластах речных отложений.

Рыться в земле археологи умеют. Но, прежде чем начать рыть землю, надо решить, где ее рыть, где искать это пропавшее звено. Земной шар не так-то просто обшарить. Найти в земле кости древнего человека, пожалуй, еще труднее, чем отыскать в песке пропавшую иголку.

В конце прошлого века знаменитый ученый Геккель высказал предположение: не найдутся ли кости обезьяно-человека — или на языке науки — питекантропа в Южной Азии? И он даже точнее указал на карте место, где, по его мнению, могли сохраниться кости питекантропа, — Зондские острова.

Мысль Геккеля многим показалась мало обоснованной. Но она не пропала даром: нашелся один человек, который так в нее уверовал, что решил бросить все свои дела и отправиться на Зондские острова искать предполагаемые кости предполагаемого питекантропа.

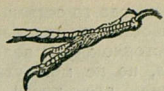
Это был доктор Евгений Дюбуа, который читал лекции по анатомии в Амстердамском университете.

Многие его сослуживцы — профессора университета, — покачивая головами, решили, что человек с нормальными умственными способностями так никогда не поступил бы. Сами-то они были люди степенные, и единственное путешествие, которое они привыкли совершать, было ежедневное путешествие с зонтиком в руках по спокойным амстердамским улицам — из дому в университет и обратно.

Чтобы осуществить свою смелую затею, Дюбуа бросил университет, поступил на военную службу и в качестве военного врача колониальных голландских войск отправился из Амстердама за тридевять земель — на остров Суматру.

Прибыв на Суматру, Дюбуа сразу же с рвением принялся за поиски. По его указаниям землекопы вскопали и перерыли целые горы земли. Прошел месяц, другой, третий, но кости питекантропа не попадались.

Когда человек ищет то, что он потерял, он знает, по крайней мере, что потерянная

Лапы птиц: древолазов, хищников, пловцов и пешеходов.

вещь где-то есть и что она при усердных поисках должна найтись. У Дюбуа дело обстояло хуже: ведь он только предполагал, но не мог утверждать с уверенностью, что кости питекантропа существуют. И все-таки он продолжал свои поиски с непоколебимым упорством. Прошел год, прошло два года, три года. А «пропавшее звено» так и не находилось.

Но Дюбуа был не такой человек, чтобы отказать от задуманного дела.

Не найдя питекантропа на Суматре, он решил попытать счастья на другом острове Зондского архипелага — на Яве.

И здесь ему, наконец, посчастливилось: меньше чем через год он нашел то, что искал.

В русле реки Бенгавана, у подножья холмов Кенденг, он нашел черепную крышку, два зуба и бедро питекантропа.

Черепная крышка, два зуба и бедро — это совсем немного. И все-таки, изучая их, Дюбуа удалось многое восстановить. Рассматривая бедро и еле заметные отпечатки мускулов на нем, Дюбуа пришел к заключению, что питекантроп умел уже кое-как ходить на двух ногах, но еще не разучился лазать.

И Дюбуа легко представил себе своего предка: вот он бредет по лесной поляне, сгорбившись, согнув в коленях ноги и опустив длинные руки; его глаза под нависшими бровями смотрят вниз: не найдется ли чего поесть.

Это уже не обезьяна, но еще и не человек. Дюбуа решил дать имя своему найденышу и окрестил его «Питекантропом прямоходящим». Ведь по сравнению с обезьяной он, конечно, ходил прямо.

Казалось бы, цель была достигнута: питекантроп был найден. Но тут-то и начались для Дюбуа самые тяжелые дни и годы: Легче было прокопать толщу земли, чем пробить толщу человеческих суеверий и предрассудков.

Открытие Дюбуа было встречено громом возражений со стороны всех тех, кто упорно не хотел признать происхождение человека от обезьяны. Археологи в расхах и археологи в сюртуках принялись доказывать, что череп, найденный Дюбуа, принадлежит обезьяне-гиббону, а бедро — современному человеку.

Отвечая противникам, Дюбуа заявил, что череп питекантропа не мог принадлежать гиббону: у гиббона нет лобных пазух, а у питекантропа они есть. Но для того чтобы окончательно разбить все воз-

ражения, надо было отыскать полный скелет питекантропа.

Годы шли, а питекантроп все еще оставался под сомнением.

И вдруг ученым удалось отыскать следующее звено цепи: то, которое должно было существовать между питекантропом и человеком.

Лет сорок тому назад один ученый, бродя по улицам Бейпина, зашел в аптеку посмотреть на китайские лекарства.

Там, на прилавке, были разложены самые странные вещи: целебный корень жень-шень, похожий на человеческую фигуру, кости и зубы животных, всевозможные амулеты.

Среди костей ученый нашел зуб, который нельзя было назвать звериным, но который в то же время заметно отличался от зубов теперешнего человека.

Ученый купил этот зуб и отправил его в один из европейских музеев. Там эту находку занесли в каталог под осторожным названием: «Китайский зуб».

Прошло два с лишним десятка лет, и вдруг совершенно неожиданно по близости от Бейпина, в пещере Чжоу-Коу-Тянь, удалось отыскать еще два таких зуба, а потом и их владельца, которого ученые назвали «синантропом».

Собственно, нашли его не целиком, а в виде собрания самых разнородных костей: тут было полсотни зубов, три черепа, одиннадцать челюстей, кусок бедра, позвонок, ключица, запястье, кусок ступни. Это не значит, конечно, что у обитателя пещеры было три головы и одна нога. Дело объясняется проще: в пещере жил не один человек, а целое человеческое стадо. За сотни тысяч лет многие кости куда-то затерялись, быть может, их растащили дикие звери. Но и того, что осталось, достаточно для того, чтобы представить себе, как выглядели обитатели пещеры: ученому дай только палец, и он вытащит человека целиком.

Как же выглядел наш герой — человек — в ту отдаленную пору его жизни?

Надо сказать, что он тогда совсем не отличался красотой.

Встретившись с ним лицом к лицу, вы, вероятно, отшатнулись бы от него в ужасе: настолько этот человек с вытянутым вперед лицом и длинными косматыми руками был еще похож на обезьяну. Но, предположив на минуто, что это обезьяна,

вы сразу же отказались бы от своего предположения: разве у обезьяны бывает такая прямая человеческая походка, разве обезьянья морда может в такой степени походить на человеческое лицо?

И ваши сомнения окончательно рассеялись бы, если бы вы попробовали потихоньку пойти за синантропом до самой его пещеры.

Вот он бредет вдоль берега реки, неуклюже ковляясь на своих кривых ногах. Вдруг он садится на песок: его внимание привлекает большой камень. Он берет камень, осматривает его, бьет им о другой камень. Потом, поднявшись, отправляется дальше, унося с собой находку. Следуя за ним, вы взбираетесь на высокий берег. Там, у входа в пещеру, собрались все ее обитатели. Они сгрудились в кучу. Бородатый, косматый старик каменным орудием вспарывает тушу антилопы. Рядом с ним женщины рвут мясо руками. Дети выпрашивают себе куски. И на всю эту сцену бросает ответ огонь костра, который горит в глубине пещеры.

Тут уж всякие сомнения у вас исчезают: разве обезьяна могла бы развести костер и сделать каменное орудие?

Но читатель вправе спросить: откуда же известно, что синантроп умел изготовлять орудия и знал употребление огня?

На этот вопрос отвечает нам самая пещера Чжоу-Коу-Тянь. При раскопках в ней нашли не только кости, но и много чего другого: толстый слой золы и кучу грубых каменных орудий.

Орудий нашли больше двух тысяч, а толщина слоя золы оказалась равной семи метрам.

Видно, люди жили в пещере очень долго и поддерживали огонь в течение многих лет.

По всей вероятности, они еще не добывали огня, а собирали его так же, как собирали съедобные корни для еды и камень для орудий.

Огонь можно было найти где-нибудь на лесном пожарище. Подобрав тлеющую головешку, человек бережно уносил ее домой и там хранил и берег как драгоценность в пещере, защищенной от дождя и ветра.

8. Человек нарушает правила

Человек взял в руку орудие — камень или палку. А это сразу сделало его сильнее и свободнее. Теперь уж ему не так важно было, есть ли поблизости подходящее плодое или ореховое дерево. Он мог дальше уходить от родных мест в поисках еды, переходя из одного лесного мира в другой, подолгу оставаясь на открытых местах, нарушая все правила, отнимая у других зверей еду, которой ему и пробовать-то не полагалось.

Так в самом же начале своей жизни, полной приключений, человек становится нарушителем правил, существующих в природе.

В самом деле, древесный зверь спускается с дерева и принимается бродить по земле! Да еще поднимается на задние лапы и начинает ходить не так, как ему это на роду написано. И к тому же еще и ест не то, что полагается, и еду добывает не так, как водится.

Но самая большая дерзость: этот нарушитель правил рвет «цепь поедания»: он не только начинает есть чужую еду, но и сам отказывается быть едой для всяких саблезубых тигров-махайродов, которые ели его предков в течение сотен тысяч лет.

Как же это он так осмелел?

Как же это он решился спуститься с дерева на землю, где его поджидали острые зубы хищников? Ведь это все равно, что кошке слезть с дерева, когда внизу ее стережет злая собака.

Смелость человеку дала его собственная рука. Тот же самый камень, взятый в руку, та же палка, которая годилась для добывания еды, годилась и для защиты. Первое же орудие человека стало и его оружием.

К тому же человек никогда не бродил по лесам один.

Отпор хищнику давала вся стая, которая теперь уже не была безоружна.

Кошка, если бы она была не одна да еще вооружена палкой, тоже, вероятно, не побоялась бы спуститься с дерева и напасть на самую страшную собаку.

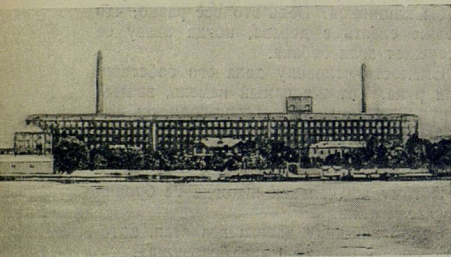
А кроме того не надо забывать и об огне. С помощью огня человек мог напугать и отогнать самого страшного зверя.

(Продолжение в следующем номере)

По Ленинским местам

В этом доме по Большому Казачьему переулку (теперь он называется переулок Ильича) жил Владимир Ильич Ленин в 1894—1895 годах. В квартире Ленина теперь музей. Все здесь так, как было 45 лет назад. У окна маленькой комнатки белый некрещеный стол, потертый диван, на котором проводил Ильич немногие минуты отдыха. Ниченька, солдатского типа, крашеная зеленой краской кровать покрыта солдатским же, серым одеялом. Комната и ее обстановка очень скромны и просты.

На Петербургской стороне, вдоль Невы, вытянулись длинные корпуса текстильной фабрики. До революции эта фабрика принадлежала английским капиталистам — фирме «Торнтон». Они безжалостно эксплуатировали рабочих, выколачивая миллионные барыши.

5 ноября 1895 года на фабрике разразилась забастовка. В этой забастовке «Союз борьбы» принял деятельное участие. Ленин написал текст прокламации, которую размножили на тектографе и разбросали по фабрике. Таась от мастеров и надсмотрщиков, рабочие читали горячие ленинские слова.

Есть на широких проспектах Ленинграда несколько домов, перед которыми невольно останавливаются прохожие, глядят на них и думают:

«Здесь жил Владимир Ильич Ленин, здесь выступал он, здесь руководил рабочими кружками».

Эти дома—безмолвные свидетели грандиозных исторических событий.

Эти дома—страницы бессмертной книги жизни нашего вождя, нашего учителя, нашего отца—Владимира Ильича Ленина.

Осенью 1893 года Владимир Ильич приехал в Петербург. Ему тогда было только 23 года, но он сразу же стал во главе петербургских революционеров-марксистов. Всех, кто встречался с Ильичем, поражали его необыкновенно глубокое знание Маркса, горячая и несокрушимая вера в торжество рабочего дела, блестящие организационные способности.

В студенческой фуражке, в рыженьком потертом пальто, под кличкой «Николай Петрович» приходил Владимир Ильич к рабочим Нового адмиралтейства, на Черную речку, за Невскую заставу. Он руководил одновременно четырьмя кружками, без усталости обучая петроградских рабочих понимать, кто их враги и как с ними бороться.

Владимир Ильич объединил все рабочие кружки Петербурга в единый «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Когда на какой-либо фабрике или заводе вспыхивала забастовка, «Союз борьбы» печатал листовки и распространял их среди бастующих. В этих листовках рабочим объяснялось, как надо бороться с капиталистами и правительством. Листовки звали рабочих объединяться и действовать совместно, объясняя, чего хотят социалисты.

Царские шпионы выследили Ленина, и в ночь с 20 на 21 декабря 1895 года его арестовали.

По набережной Фонтанки ехала черная карета без фонарей. В ней, между двух жандармов с обнаженными саблями, сидел Владимир Ильич Ленин.

Карета в'ехала в ворота дома предварительного заключения на Шпалерной улице. Это была одна из самых страшных царских тюрем. «Мрачный, сырой, огромный склеп», — как писал один заключенный.

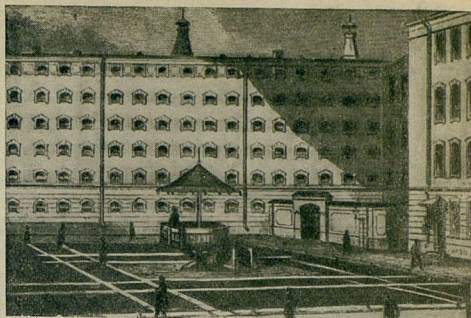
Но ни стальные двери камеры, ни железные решетки на окна не могли оторвать Ильича от «воли», от товарищей, от борьбы.

Сидя в тюрьме, он помогал «Союзу борьбы» своими советами и указаниями, пересылал из тюрьмы брошюры и листовки. Он писал их молоком между строк тех книг, которые посылались ему для чтения. Когда написанное молоком прогрели над огнем, буквы становились видимыми. Чернильницы Владимир Ильич делал из хлеба и в них наливал молоко. Когда Ильич писал, он садился спиной к двери и, как только тюремный надзиратель входил в камеру, проглатывал чернильницу. «Сегодня с'ел шесть чернильниц», — писал он в одном письме.

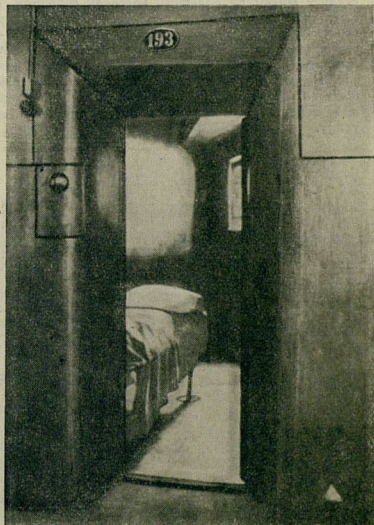
В тюрьме на Шпалерной написал Ильич между строк какой-то медицинской книги проект программы партии. В тюрьме, в каменном мешке камеры, негибачей революционер писал первомайскую листовку, выводя молоком пророческие слова: «И поднимется наша мускулистая рука и падут позорные цепи неволи, поднимется на Руси рабочий народ и затрепещут сердца капиталистов и правительства, которое всегда им усердно служит и помогает».

*

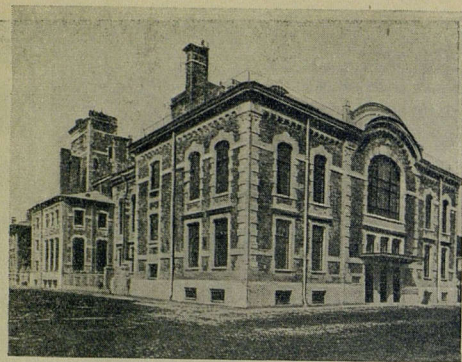
Второй период жизни Ильича в Петербурге связан с революцией 1905 года. Когда началась революция, Ильич жил за границей: царское правительство изгнало его из России.

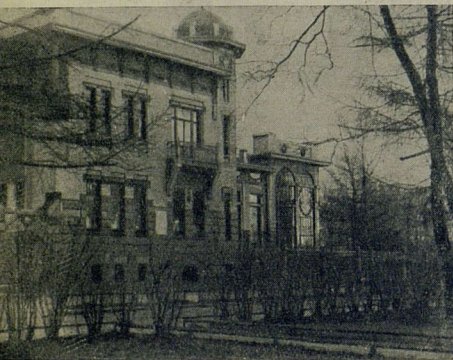
Дом предварительного заключения на Шпалерной улице, в одной из камер которого был заключен Владимир Ильич Ленин.

Камера № 193. Железная койка, железный стол и железный стул, привинченные к полу, — вот и вся ее обстановка. В этой камере Ильич просидел два года, два месяца и двадцать дней.

Народный дом Паниной, в котором под фамилией Карпова выступал 22 мая 1906 года Владимир Ильич Ленин. Председатель собрания долго думал: дать ли слово Карпову, кто такой Карпов? Ему дали понять, что это видный руководитель большевиков. И вот на трибуну поднялся Ленин. Он заметно волнуется. Первый раз в России выступает Ильич на большом, массовом собрании. И вдруг раздались бурные рукоплескания. Это партии узнали Ильича. «Кто это, кто это?» — спрашивали рабочие, но им не отвечали: нельзя. Ленин начал говорить, и вот уже рукоплещет весь зал. Революционный энтузиазм охватил всех слушателей. Красные рубахи превратили в знамена и с пением революционных песен высыпали на улицу.

Дом Кшесинской. Здесь в 1917 году помещался штаб большевиков. С этого балкона выступал Ленин в день приезда в Петроград.

Но душой, сердцем, мыслями Ильич был в России, и осенью 1905 года несмотря на опасность быть арестованным Ильич приехал в Петербург. Он жил под чужим паспортом, все время меняя квартиры, меняя фамилии. Если бы кто вздумал осмотреть все места в Петербурге, где жил Ленин в 1905—1906 годах, ему пришлось бы объездить весь город: Ильич ночевал у друзей, у знакомых, чуть ли не каждый день меняя местожительство.

Но это не мешало Ильичу развить энергичную революционную деятельность. В каждом номере большевистской газеты «Новая жизнь» печатались его статьи. Он встречался с десятками товарищей, ин-структировал, раз'яснял, убеждал.

На массовых собраниях Ильичу приходилось выступать редко: это было опасно. Однажды он выступил на митинге в Народном доме Паниной (там теперь помещается филиал Театра оперы и балета имени Кирова). Ильич назвался Карповым для того, чтобы полиция не могла его поймать.

Свободно выступить перед народом Владимир Ильич смог только в 1917 году. Это был замечательный день — день приезда Ильича в Петербург. Рабочие на руках вынесли его из вагона, понесли на привокзальную площадь и поставили на броневик. С площадки броневика, освещаемый прожекторами, произнес Ильич свою первую в революционной России речь. Он закончил ее боевым, зовущим вперед лозунгом: «Да здравствует социалистическая революция!»

На броневике проехал Ильич с Выборгской стороны на Петроградскую, к дому Кшесинской, где помещался тогда штаб большевистской партии. На всех улицах толпы народа приветствовали Ильича. Перед домом Кшесинской собрались тысячи пролетариев. Ильич вышел на балкон и снова произнес горячую, боевую речь

С 17 (4) апреля по 17 (4) июля 1917 года Владимир Ильич жил на Широкой улице, в квартире своей сестры А. И. Елизаровой. Теперь в этой квартире музей. Десятки посетителей приходят сюда каждый день. Они подолгу стоят на пороге комнаты, в которой жил Ильич. Над кроватью Ильича висит выведенный детской рукой лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Его написал к приезду Ленина 10-летний Гора, сын Анны Ильиничны.

В домовой книге дома № 489 по Широкой улице сохранилась запись о прописке Владимира Ильича. В графе «куда выбыл» там значится: «Выбыл неизвестно куда».

В начале июля контрреволюция перешла в наступление. Юнкера разгромили «Правду», искали Ленина. Тов. Свердлов пришел к Ильичу, надел на него свое непромокаемое пальто и увел в безопасное место.

Три дня жил Ильич в квартире рабочего Аллилуева. Вечером 24 (11) июля товарищ Сталин вывел Ильича через черный ход на улицу и проводил на Приморский вокзал. Товарищи спрятали Ильича в окрестностях Петрограда.

Он вернулся в Петроград 7 октября, чтобы взять в свои руки руководство восстанием. В ночь накануне восстания, надев парик, черную кепку, подвязав щеку, отправился Ильич в Смольный. Здесь он и остался жить. Здесь писал он первые исторические декреты советской власти. Отсюда он руководил революцией, которая волной разливалась по всей России.

Смольный—последнее местожительство Ильича в Петрограде. Весной 1918 года советское правительство во главе с Владимиром Ильичем переехало в Москву. Ленин поселился в Кремле.

Вечером 15 апреля 1917 года почтальон вошел в ворота этого дома. В его кожаной сумке лежала телеграмма: «Ульяновой Широкая 48/9 кв. 24 Петроград Приезжаем повелезник ночью 11 Сообщите Правде Ульянов». Подъезжая к Петрограду, Владимир Ильич просил, чтобы о его приезде известили в первую очередь товарища Сталина, который работал тогда в «Правде».

Комната в квартире рабочего Аллилуева, в которой жил Ленин, скрываясь от ищек Временного правительства. В этой же комнате жил до Октября товарищ Сталин.

Василиса Прекрасная

Русская сказка

Пересказал Сергей Григорьев

Рис. Ю. Кискачи

В некотором государстве жил-был крестьянин с женой и была у них единственная дочка Василиса. Мать захворала. Видя, что смерть приходит, позвала дочку, достает из-под одеяла махонькую куколку и говорит:

— Слушай, Васенушка! Я помираю. Помни мои последние слова. Оставляю тебе родительское благословение да вот эту куколку; береги ее, никому не показывай. Когда тебе какое горе приключится, дай ей покушать да скажи: «На, куколка, покушай, горя моего послушай. Да

скажи, как мне жить, чтоб не тужить». Покушает куколка и беду твою развяжет.

Взяла Василиса куколку, спрятала за пазуху, заплакала: мать жалко. Поцеловала мать дочку и померла. Шел в ту пору Василисе восьмой годок.

Потужил отец Василисы по жене сколько надо и вздумал жениться на второй: приглянулась ему вдова, женщина в летах, у ней самой две дочки, Василисе почти ровесницы. «Хозяйка справная, дочки у ней ухоженные,— думал отец,—

и Василисе она будет не злой мачехой, а вместо родной матери». Женился — да ошибся. Вдовушка-то мотовка была. Стала и сама рядиться и дочерей рядить, на гулянки ходить, ничего не хочет по дому делать, всю работу на Василису свалила. А где девчонке в дому одной управиться?! Пошатнулся дом у крестьянина — глаза бы не глядели! Уехал отец, сказал, на заработки, а в самом деле с горя: и в жене ошибся, да и дочку жалко. Уехал и пропал. Год прошел — нет его. Два — слуху нет. Три — никакой весточки. Тем временем мачеха и остальное хозяйство промотала. А дочери растут — всего им больше надо: и пить и есть, да и платья длинные. Невесты растут, приданое надо готовить, а где взять? До того дошло, что и есть скоро нечего. Пришлось и мотовкам, названным Василисы сестрицам, за работу садиться. Одна села кружево плести на продажу, другая — чулки вязать. Василиса — по дому. А мачеха свое — продолжает веселиться.

Какжись бы, всякая на такой работе, как Василисе пришлось, совсем зачухла. А Василиса — на зло мачехе и сестрицам названным — растет да все краше становится. В поле ее посылают, чтобы она от ветру и солнца почернела, а она вернется бела-белешенька, румяна-румянешенька. В зимнюю выюгу за дровами в лес пошлют, чтобы она руки там отморозила, а она и дров принесет и пальчиков не отморозит.

От злости и зависти к Василисе мачеха с дочками худеть стали, почернели, не глядя на то, что сложа руки сидят, едят сладко, спят мягко. А Василису об'едками кормят, почти голодом морят, на голлом полу в холодном чулане спать кладут, а она все не худеет, вышла девушкой статной, и стали ее звать Василисой Прекрасной.

Как же это могло быть? А вот как. Василисе ее куколка помогала. Девушка сама не с'ест, а куколке припасет самый лакомый кусочек. Вечером, когда все улягутся, Василиса запрется в своем чуланчике, достанет куколку и уговаривает ее:

— На, куколка, покушай, горя моего послушай. Да скажи, как мне жить, чтоб не тужить.

Куколка покушает, горя послушает, голдовкой закачает, Василисе и легче, что и

поплачут вместе. А работать? Куколка говорит: «Давай взпуски!» Как примется за дело, даром, что маленькая, Василисе за ней не поспеть. Глядишь, у них все и готово!

Хороша собой Василиса, на нее парни заглядываться начали. Да и матери сыновьям говорят: мало что красота да и хозяйки, такой работницы в дому, как Василиси, не сыскать: лучше невесты не надо.

Начали к Василисе женихи свататься наперебой, а на мачехиных дочерей и смотреть не хотят. Они с матерью пуще злятся и надумали совсем Василису со свету сжить. А как? Они придумают! Только самим им руки в крови замарать не хочется: неповинную кровь не отмоешь!

Вот и придумали. Осень пришла. Раз вечернею порой мачеха задала всем трем девушкам уроки: старшей своей — кружево плести, меньшей — чулки вязать, а Василисе — прясть. Погасила огонь во всем доме, даже жар в печке водой залила, оставила только одну свечу в горнице, где девушки работали, а сама легла спать. Сидят девицы, работают. Свечка догорела: сальная была. Старшая взяла «с'емью», чтобы снять нагар со свечки, да нарочно — «Ах!» — и отхватила светильню вместе с огнем. Свеча погасла. Так у них с матерью уговорено было. Что делать? Огня во всем доме нет, а уроки надо кончать. Кому же и куда идти за огнем? Старшая для виду коклюшками стучит, перебирает, будто кружево плетет.

— Мне, — говорит, — огня не надо — мне от булавок светло!

Булавками у ней на подушке узор наколол. Вторая говорит тоже:

— Мне от спиц светло! — и спицей о спицу побрякивает.

Выходит так, что Василисе за огнем идти: веретено у нее деревянное, блеску не дает. А время уж позднее, ночное. В деревне везде огни погашены. Спят все давным-давно. Да и жила-то Василиса с сестрами в стороне от деревни, на отшибе, на самой опушке глухого леса. Куда тут пойдешь!

— Да где же мне огня добыть? — спрашивает Василиса.

Названные сестрицы засмеялись.

— А поди, — говорят, — к бабе-яге, у нее

огня сколько хочешь. Больше некуда идти!

В том лесу жила баба-яга. Кто ей попадетса — беда: с'ест. Мачехины дочки к тому и вели дело, чтобы баба-яга Василису с'ела. Затем и посылали.

Вытолкали они Василису вон из дому, затворились. На дворе темень — хоть глаз выколи. Лес, кругом. Далеко ли, близко ли живет баба-яга, Василисе неизвестно. Что делать? Достала Василиса из-за пазухи свою куколку. Начала было свое присловье: «На, куколка, покушай!» — а дать-то куколке нечего. Как быть? Постучалась в дом.

— Чего тебе?

— Да ведь вы меня далеко послали, а у меня и хлеба нет.

Засмеялись сестрицы, и сует одна из них, чуть дверь приоткрыв, в руку Василисы маленькую маковку — насмех, конечно: маковой ли, хоть она и сладка, сыт не будешь. А Василиса обрадовалась, угостила куколку. Та ей говорит:

— Уж и вкусная маковка! Спасибо. Не робей, милая подружка, идем. Я тебе дорогу буду показывать глазами...

И загорелись у куколки глаза, как два светлячка. Только огонь этот холодный, синий: свечи от него не зажег.

Идет Василиса, куда куколка глазами светит, сама дрожит: на дорогу лесную вышли. Вдруг слышит: ветви зашелестели. Посторонилась Василиса, и проскакал мимо всадник на белом коне и сам в белом весь — и стало на дворе светать. Дальше идет — опять пронесся по лесу шест, и проскакал мимо всадник на красном коне и в красном уборе. Солнышко взошло. Все видно. А лесу конца-краю нет. Шла Василиса весь день и никого больше не встретила. Стало смеркаться. Скачет на вороном коне всадник в широкой черной епанче. Как проскакал он, стало совсем темно. Хотела Василиса назад воротиться да закружилась и не знает, куда идти. А куколка молчит и угостить ее нечем. Надо бы Василисе отломить раньше половинку маковки, а она сразу всю скормила куколке. Заплакала Василиса, а идти надо. Идет и вдруг что-то впереди блеснуло. Обрадовалась Василиса, пошла туда и обомлела. Видит: полянка. Посреди полянки избушка стоит. Забор вокруг избушки из человеческих

костей. На заборе черепа людские, и у всех глаза горят. Вместо дверей у ворот костяные ноги человеечи, вместо запора руки, а замок челюсти зубастые стиснул. Светло на полянке, как днем.

Стоит Василиса столбом. Бежать бы — ноги от страха к земле приросли. Вдруг засвистал и пронесся по лесу вихорь. Деревья гнутся, трещат, сучья валяются, листья посыпались. Выхала из лесу на полянку баба-яга. В ступе едет, пестом погоняет, метлой след заметает. Василиса только успела за куст спрятаться. Под'ехала баба-яга к избе, остановилась, носом повела, закричала:

— Фу-фу-фу! Русским духом пахнет. Кто здесь, — выходи!

Василиса ни жива, ни мертва, однако справилась, вышла из-за куста, поклонилась бабе-яге и сказала:

— Здравствуй, бабушка! Это я, Василиса. Прислала меня названные сестрицы к тебе за огнем.

— Слыхала! — отвечает баба-яга. — Хорошо, поживи у меня денька три, поработай, тогда тебе и огня дам. А не справишься с делом — с'ем!

Поворотилась баба-яга к избушке и закричала:

— Запоры мои крепкие, отпритесь, замки, отомкните, ворота широкие, отворитесь!

У замка разжались челюсти, костяные руки разошлись, ворота отворились. Баба-яга в'ехала во двор. За ней вошла Василиса. Ворота позади затворились. Вылезла баба-яга из ступы, махнула рукой, ступа ускакала.

— Иди за мной в избу! — приказала баба-яга. — Зажги огонь. Давай ужинать!

Взяла Василиса Прекрасная лучинку, сунула в глаз мертвой головы, лучина загорелась. Вставила ее Василиса в светец и начала из печи кушанья доставать. Полна печка горшков, жарех, сковородок. Наготовлено человек на десять. А баба-яга все слопала.

— Нет ли чего еще? Все?

Смотрит на Василису, облизывается, зубами щелкает.

— Ну, ладно! — говорит. — Я спать лягу, а ты всю посуду перемой к утру. Я уеду рано, а вернусь поздно. Приготовь мне ужин. Двор вымети. Избу вымети. Белье выстирай, высуши, выглади. Да

Посреди полянки избушка стоит. Забор вокруг избушки из человеческих костей.

сходи в амбар, насыпь из закрома мешок пшеницы и всю чернушку из нее начисто выбери. Смотри, если не все сделаешь,— с'ем!

Не успела договорить баба-яга, повалилась и захрапела. Василиса выбрала что получше из старухиных об'едков, поставила перед куколкой, сама слезами обливается:

— На, куколка, покушай, горя моего послушай: задала мне баба-яга такой урок, что и ты, пожалуй, не справишься!

— Не тужи, Василиса Прекрасная,— отвечает куколка,— все будет сделано, ужинай, ложись спать: утро вечера мудренее!

Проснулась Василиса рано, а баба-яга уж встала. У черепов глаза потухли. Белый всадник промчался. Баба-яга вышла на двор, свистнула. Откуда ни возьмись— ступа явилась. Села баба-яга в ступу, ударила по ней пестом и ускакала. Осталась в ягином дому одна Василиса с куколкой. Взались они за дело, так и кипит все у них: одна перед другой стараются. Проворна Василиса, да куколка еще проворней: скоро и дом убрали, и двор подметен, и ужин сварен. Осталось одно— насыпать из закрома мешок пшеницы да из нее чернушку выбрать. А пшеница сорная: больше чернушки чем зерна. Начали выбирать; глядят: и осьмью части пшеницы не перебрали, а уж дело к вечеру— скоро всадник черный поскачет, ночь, и баба-яга домой воротится. Видит Василиса, что урока не сделать, заплакала:

— С'ест меня баба-яга с косточками!

— Не кручинься, Василиса Прекрасная,— говорит ей куколка,— все будет сделано. Давай полог, волокн мешок на двор.

Василиса делает все, что ей куколка велит. Расстилает по двору полог большой, рассыпает на нем пшеницу. А куколка закричала звонким голосом:

— Летите ко мне, вольные птицы! Вызовьте из беды красную девицу. Чернушку клевайте, пшеницу не замайте!

Вдруг налетела громадная стая скворцов, на полог сели, щебечут, чернушку клюют, пшеницу не трогают. Мигом все сделал, испорхнули все разом и улетели. Василиса вбродовалась и ссыпала пшеницу в мешок.

Мелькнул черный всадник. Вихорь поднялся. Едет баба-яга, домой возвращаясь. Василиса ее поклоном встречает.

— Все ли сделано?

— Изволь сама, бабушка, посмотреть!

Смотрит баба-яга: все исправно, в избе, на дворе порядок. Досадно ей.

— Ну, хорошо! А пшеницу перебрала?

Баба-яга запустила руку в мешок, с персти в персть пшеницу пересыпает, хочет хоть одно черное зернышко найти— не находит! Плюнула от злости, что нельзя ей Василису с'есть.

— Давай ужинать!

Собрала Василиса на стол. Настряпала баба-яге девушка вторе против вчерашнего, пива, меду из погребка принесла, думала, что старуха не с'ест. А баба-яга все опять дочиста сожрала и на Василису зубами щелкает. И задает ей на завтра урок еще трудней. Вдобавок ко всему велела целую бочку кедровых орехов вылущить.

Заснула баба-яга наевшись, а Василисе не то что самой поужинать— и куколку-то нечем угостить. Соскребла ошкурки картошки:

— Больше мне тебя, куколка, потчевать нечем!

Куколка и тем довольна:

— Не горюй, Василиса, и с этим уроком справимся!

Так оно и вышло. Когда дело до самого трудного, до кедровых орешков, дошло, куколка закричала звонким голосом:

— Серые, бурые белки— скакуньи, по деревьям попрыгуньи, скорей сюда, к нам, спешите, беде нашей пособите! Орехи щелкайте, ядра не замайте!

Скачут со всех концов леса серые, бурые белки, хвосты распустя, на двор слетают. Не успела Василиса оглянуться— полна бочка кедровых ядрышек, а шелуха отдельно кучей собрана. Сделали свое дело белки и пропали.

Вернулась баба-яга и пуше вчерашнего удивилась, что со всем управилась Василиса, а больше всего тому, что орехи вылушены. Опять ей с'есть Василису не за что. И хоть наготовила Василиса еды еще больше, все, дочиста, поела баба-яга, показывает, что не сыта еще, обливается на Василису и задает ей по-

Пришла Василиса домой ночью. Мачеха и названные сестрицы обрадовались.

следний урок, самый трудный: помимо всего прочего велит взять из амбара пятипудовый мешок маку, перебрать его по зернышку.

— А то кто-то,— говорит яга,— по злобе в мак земли намешал.

Повалилась баба-яга и захрапела. Во сне зубами скрипит, видно, снится ей: уж такой теперь урок задала Василисе трудный, что не сделать никак! И уж с'ест завтра девушку наверно. Василиса плачет. И куколку ей совсем нечем угостить. Все с'ела баба-яга, даже сковородки своим поганым языком вылизала. Посадила Василиса куколку за стол. Куколка молчит, ждет угощения. Поглядела под стол Василиса, обрадовалась: насорила баба-яга под стол крошек. Ползают по полу муракуши-муравьи, крошки тащат, хло-

почут. Хотела Василиса муракушей прогнать да пожалела, махнула рукой:

— Пускай хоть муракуши будут сыты, а мне все равно пропадать!

А куколка молчит, только улыбается Василисе. И что бы вы думали! Наутро баба-яга на своей ступе куда-то по своим делам ускакала. Куколка и не евши во всем Василисе попрежнему помогает. Все сделали, дошел черед до мака. И хоть слабым голосом (потому что отошала) куколка кричит:

— Муракуши лесные, полевые, всем войском к нам ползите, нашей беде помогите: по зернышку мак переберите!

И наполнило во двор бабы-яги муракушей со всех сторон великое множество, начали они мак по зернышку перебирать, каждую соринку, каждую песчинку в сторону оттаскивают.

— Видишь,— говорит куколка Василисе,— хорошо, что ты вечером у муракушей крошек не отняла: они тебе теперь спасибо говорят! Кроме них такую работу кто бы сделал?!

Вычистили муракуши целый мешок маку и ушли. Вернулась ночью баба-яга и поверить не хочет. С персти в персть мак сыплет, сама на него дует, хоть пылинку хочет из маку ответить — ни пылинки, ни соринки, ни поршинки земли в маке нет. Вздывовалась баба-яга.

— Премудрая ты,— говорит,— Василиса! Садись со мной ужинать!

До чего баба-яга довольна: уж не то чтоб девушку с'есть, начали ей угощать! Всякие сласти ей предлагает. Поблагодарила ее Василиса, поужинала с ней и говорит:

— Пусти меня домой. Там у меня родные без свету сидят.

— Иди! — баба-яга отвечает.— Возьми с тына одну мертвую голову — вот тебе и огонь.

Простилась Василиса с бабой-ягой. Наклала старуха ей на дорогу полную сумку всяких сластей: коврижек, орехов, на меду вареных, маковок, коржиков — всего не перечесть. Сняла с тына баба-яга одну голову, надела на палку и дала Василисе. Пошла Василиса домой. Голова ей глазами так светит вперед, что все видно. За пазухой у Василисы куколка пригрелась, спит.

Пришла Василиса домой ночью. В дому свету все еще нет. Вошла Василиса — весь дом осветился. Мачеха и названные сестрицы обрадовались. Сколько уж дней и ночей без огня сидят: ни пищи сварить, ни свет зажечь. Сами огня никак выжечь не могли: огниво искр не дает, трут отсырел что-то, не разгорается. Принесли из деревни жару в горшке, до дому донести не могут: придут домой — от углей в горшке одна зола осталась!

— У нас новости, дочка! — говорит мачеха Василисе.— Появился в ближнем городе славный витязь Еруслан Лазаревич, ищет себе невесту, жениться хочет. И чтоб была красавица да мастерица! Все девушки с ума по нем походили. Сидят ногами, глаз не смыкая: прядут, ткут, вяжут, кружево плетут, шьют, вышивают. А у нас и свету не было. Садитесь, дочки, скорей за работу. Теперь у нас светло.

Сели все три девушки за работу: мачехины дочки — одна — кружево плести, другая — вязать, а Василиса — прясть. Вместо лучины на свете голову наткнула. Светит голова глазами ярко до того, что глаза слепит. У кружевницы от свету головки булабочные сверкают: узор спутала и не знает девушка, за какую коклюшку браться. У вязальщицы спицы словно раскаленные сверкают: петли спускает и не замечает. А Василиса покормила тайком куколку, та ей помогает. И выходит у Василисы нитка ровная и тонкая как паутинка.

К утру мачехины дочери от яркого свету чуть не ослепли. А все же надо идти, Еруслану Лазаревичу работу показывать — срок вышел. Много собралось к витязю девушек со своим мастерством. Над мачехиними дочерьми он только посмеялся: у кружевницы весь узор спутан, а у вязальщицы потянул за нитку — чулок распустился. Дошел черед до Василисиной пряжи. Подивился витязь, до чего пряжа ровна и тонка, попробовал разорвать — не оборвалась нитка, только пальцы ему до крови обрезала. Еруслан Лазаревич говорит с досадой:

— Хороша пряжа, и пряжа хороша, да найдется ль ткачиха, чтобы из такой тонкой пряжи холст соткать мне на сорочку! Да и стана с таким частым бердом¹ для этой пряжи никто не сделает!

И пошли все девушки от жениха ни с чем. Мачехины дочери злорадствуют, над Василисой смеются. А куколка ей говорит:

— Не тужи, милая! Ложись спать: утро вечера мудренее! Достань мне только какое-нибудь старое бердо, конской гривы и ниток.

Василиса все нашла, что куколка просила, и легла спать.

Проснувшись утром и ахнула: стоят в горнице красны² заправлены, основа сквозь берды из конского волоса пробрана, шупульки для утка пряжей наполнены. Начала Василиса ткать и наткала из своей пряжки тонкого-претонкого полотна, да такого ровного, ни одной заборины, ни узелка, ни недосеки³, словно не на краснах, а на английской машине полотно тка-

¹ Гребень, сквозь который пробирается основа.

² Ткацкий станок.

³ Разные недостатки ткани.

Но. Понесла Василиса показать свою работу Еруслану Лазаревичу. Тот ахнул, вздвигивался, взял Василису за белые руки и сказал:

— Будешь ты, мастерица, моею милою женой! А много ль у тебя приданого?

Василиса отвечает:

— Приданого у меня только материнское благословение да вот махонькая куколка!

— Ничего, красавица, ты мне со своими золотыми руками и без приданого хороша!

И велел свадьбу играть...

Мачеха с дочками тут же стояли — ждали, что Василиса осрамится, — и пошли домой опечаленные. Пришли в дом. На них со светца мертвая голова огненными глазами смотрит... Старшая мачехина дочь, кружевница, рассердилась, кричит:

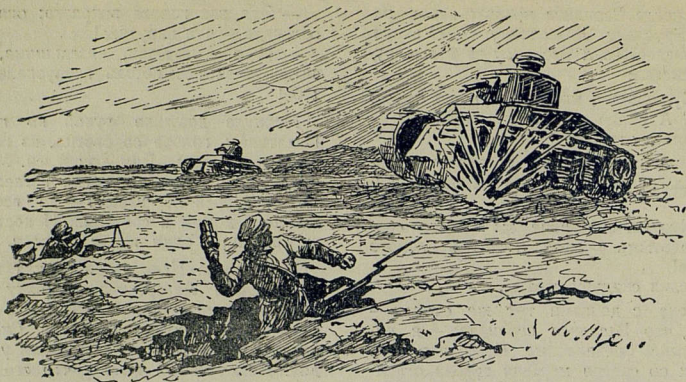
— Это все голова виновата: она меня ослепила — я и напутала!

— И я, — младшая, вязальщица, кричит, — из-за нее петель напускала! Вот тебе!

Махнула девушка рукой по голове. Покатилась голова со светца, из глаз ее угли посыпались. Дом загорелся. Мачеха с дочерьми заметалась, огня погасить не могут, дверей не найдут — да все три вместе с домом и сгорели... И костей их не собрали — один пепел остался.

А Василиса Прекрасная вышла замуж за Еруслана Лазаревича. Куколку свою берегла, а когда у ней первенькая выросла, подарила куколку дочери. Скоро и отец Василисы воротился, старый уж, седой. Не очень он жалел, что его жена с падчерицами сгубла: внуками старик утешился. И жили они все долго и счастливо.

„Нарманная артиллерия“

М. Занегин

Оружие ближнего боя

В апреле 1938 года в Испании, на арагонском фронте, республиканский батальон очень смелого молодого командира Герреро ночью получил приказ: «Немедленно занять «Вертице Рей». Это была довольно высокая гора с крутыми склонами, поросшими густым кустарником. По данным разведки, эта гора фашистами еще не была занята.

Батальон выступил тремя колоннами. Незадолго до рассвета бойцы, преодолев крутые подъемы, бесшумно подходили к вершине горы. Неожиданно командир батальона заметил на ней большую группу людей. «Фашисты», — решил он. Думать о маневре было некогда. Нужно было действовать быстро. Герреро командовал:

— Гранаты к бою, за мной!

И батальон республиканцев ринулся вперед за своим храбрым командиром. Вершина «Вертице Рей» осветилась вспышками разрывов нескольких сотен ручных гранат. Через несколько минут бой закончился. «Вертице Рей» была целиком в руках республиканцев. Утром выяснилось, что гору занимали не какие-нибудь фалангисты, а «цвет» армии мятежников — две роты итальянцев дивизии Литорио. С помощью ручных гранат две роты итальянской пехоты были почти полностью уничтожены, и республиканцы, кроме пленных, захватили изрядное количество винтовок и боеприпасов.

Этот случай показывает, как велико значение ручной гранаты в современном бою. Но, конечно, она не заменяет целиком артиллерию, бомбардировочную авиацию, танки и ружейно-пулеметный огонь. В наши дни на войне сражения начинаются с дальних расстояний, когда рядовые бойцы, идущие в бой, еще не видят вражеских войск.

На подступах к фронту, за 50—60 километров от места, где будет бой, действует бомбардировочная и штурмовая авиация; она старается бомбами и пулеметным огнем рассеять и уничтожить войска противника.

Кроме ручных гранат есть и ружейные. Боец с ружейным гранатометом.

За 10—15 километров до места боя войска начинают страдать от действия артиллерийского огня. Разрывы тысяч снарядов затрудняют наступающим движение вперед даже по путям, которые не видны со стороны противника, и наносят вред тем, кто укрылся в глубоких окопах или за толстыми стенами каменных зданий.

В 2—3 километрах от места боя и ближе к огню авиации и артиллерии присоединяются огонь тяжелых пулеметов, затем легких, ручных пулеметов и, наконец, огонь винтовок. Под непрерывным и все более сильным комбинированным огнем, используя каждую складку местности — бугорок, лошину — как укрытие от осколков и пули, двигаются наступающие.

И, наконец, в бою наступает момент, когда бойцы сходятся грудь с грудью и в рукопашной схватке решают исход сражения. Но в рукопашной схватке, когда бойцы сошлись почти в упор, артиллерия и авиация не могут вмешиваться в ход боя. Во время рукопашной схватки разрывы артиллерийских снарядов и авиационных бомб несли бы гибель не только врагу, но и своим войскам. Тогда на смену артиллерийскому снаряду, посылаемому с дальних расстояний, на смену бомбам «летающей артиллерии» (так иной раз называют боевые самолеты), вступает винтовочной пуле, штыку и прикладу вступает в бой ручная граната.

Боец приносит ручную гранату на поле боя с собой в гранатной сумке, подвязанной к поясу, в кармане одежды. В руках хорошо обученного бойца ручная граната — грозное и незаменимое оружие ближнего боя. Действие ручной гранаты подобно взрыву артиллерийского снаряда или авиационной бомбы. Осколки ручной гранаты поражают бойцов противника, а сила взрыва достаточно, чтобы повредить пулемет, артиллерийское орудие, танк, броневомобиль.

Подобно артиллерийскому снаряду ручная граната может попасть в глубокий окоп, перелететь через стенку и, разорвавшись там, поразить всех укрывшихся от пули и штыкового удара.

Неспроста народный комиссар обороны СССР тов. Ворошилов сказал, что ручная граната — это карманная, притом мощная артиллерия бойца. Меткая характеристика наркома целиком оправдалась в боях у озера Хасан, когда бойцы Красной Армии с успехом применяли ручные гранаты в борьбе с японскими налетчиками.

Две тысячи осколков

Как устроена ручная граната, в чем сила ее действия, кто и когда изобрел ее?

Любая ручная граната — это пустотелый металлический снаряд, наполненный взрывчатым веществом. Взрывчатое вещество в гранате воспламеняется и сгорает за тысячные доли секунды. За эти тысячные доли секунды выделяется огромное количество упругих раскаленных газов.

Газы, запертые в тесной металлической оболочке, расширяются, разбивают металл на куски и с большой силой разбрасывают осколки оболочки в разные стороны. Больше того, сами раскаленные газы, стремительно расширяясь уже после разрыва оболочки, могут на небольшом расстоянии от места взрыва повредить оружие, разметать проволочные заграждения, сломать козырек (навес) окопа, обжечь и убить человека.

История не сохранила имени первого изобретателя ручной гранаты. Они появились впервые около 400 лет тому назад, в начале XVI века. Это были небольшие пустые шары из железа, чугуна или меди. Они наполнялись порохом. Порох воспламенялся через деревянную запальную трубку, а трубка вставлялась в специальное отверстие гранаты. Деревянная запальная трубка наполнялась медленно горящим составом, его поджигали тлеющим фитилем. Когда горящий состав в запальной трубке

Доставание гранаты на бегу

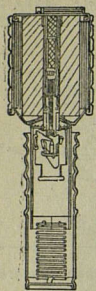
Стоя

С колена

Лежа

Разрез ручной гранаты образца 1933 года

А. Привинчивание рукоятки к корпусу

Б. и В. Заряжание гранаты

Г. Положение гранаты в руке перед броском

прогорал до дна, воспламенялся порох, происходил взрыв — и оболочка гранаты разлеталась на 15—20 осколков.

В те времена метали гранаты специально обученные бойцы, отобранные из наиболее храбрых и сметливых солдат. Их называли гренадерами (от названия гранаты). Бывало, что гренадер не рассчитает и граната разрывается у него в руках. Такими гранаты оставались до начала XX века.

Но в наше время ручная граната стала много сильнее и устроена более удобно. Современные ручные гранаты гранатометчику неопасны. Они наполняются веществом, которое взрывается только от действия специального запала, вставляемого в гранату перед боем. До боя запалы хранятся отдельно от гранаты. Запал, вставленный в гранату, воспламеняется только после того, как метальщик бросил гранату. Граната взрывается через 3,5—4 секунды после того, как гранатометчик выпустил ее из рук. За эти секунды граната пролетит 30—40 метров и упадет на землю.

Взрыв разрывает гранаты (в зависимости от образца) на 1000—3000 осколков. Эти осколки поражают человека, который находится от места взрыва в 25 метрах, а у некоторых образцов гранат даже в 200 метрах.

На вооружение Рабоче-Крестьянской Красной Армии приняты разные типы ручных гранат. Одни из них бросают при наступлении (во время атаки), когда гранатометчики не прикрыты укрытиями. Поэтому наступательные гранаты устроены так, чтобы их взрыв и осколки не могли нанести вред самим наступающим гранатометчикам. Осколки наступательной гранаты разлетаются на 25 метров и поражают врага на 5 метров вокруг места взрыва.

В обороне применяют гранаты с оборонительным чехлом, более сильные чем наступательные. При взрыве такой гранаты осколков получается больше и поражают они врага на расстоянии до 25 метров от места взрыва, а осколки гранаты марки «Ф-1» — даже до 200 метров. Осколки их нестрашны гранатометчикам, потому что они укрыты в окопах.

На вооружении Красной Армии состоит ручная граната образца 1933 года наступательно-оборонительного действия. У этой гранаты жестяной корпус, в котором помещается заряд. Через корпус гранаты проходит центральная трубка, в которую вставляется запал, укрепляемый на месте задвижкой. Запал состоит из капсуля-воспламенителя, загорающегося от укола или удара, порохового состава, передающего огонь от капсуля, и детонатора. Детонатор — это небольшой заряд сильно взрывчатого вещества. Пороховой состав горит от 3,5 до 4 секунд. После этого взрывается детонатор и вызывает взрыв разрывного заряда.

Чтобы вызвать действие капсуля-воспламенителя, в гранате есть ударник. Это металлический заостренный стержень в рукоятке гранаты. Рукоятка гранаты навинчивается на центральную трубку перед боем, и жало ударника становится против капсуля-воспламенителя. Рукоятка гранаты устроена так, что ее внешняя оболочка — наружная трубка — может скользить вверх и вниз по внутренней трубке, неподвижно соединенной с корпусом гранаты. Наружная трубка соединяется с внутренней при помощи боевой пружины. Ударник прикреплен не к внутренней, а к наружной трубке. Когда ее оттягивают, ударник отойдет от капсуля-воспламенителя.

Как же действует механизм этой гранаты?

Боец изготовив гранату к бою — вставив запал и открыв предохранительную чеку гранаты, — обхватывает наружную трубку рукоятки и взмахивает рукой. От сильного взмаха корпус гранаты вместе с внутренней трубкой по инерции стремится выйти из наружной трубки рукоятки и растягивает боевую пружину. Одновременно ударник также отойдет от капсуля-воспламенителя. Но как только гранатометчик вы-

пустит гранату из руки, боевая пружина, стремительно сжавшись, притянет наружную трубку рукоятки к корпусу гранаты и ударник наколет капсулю-воспламенитель. Так (без упоминания всех деталей и подробностей) действует механизм ручной гранаты образца 1933 года.

Если ручной гранатой образца 1933 года пользуются для обороны против наступающего противника, то ее силу можно еще увеличить. Для этого надевают на жестяной корпус гранаты стальной оборонительный чехол. Взрыв гранаты с оборонительным чехлом дает примерно 2200 осколков, поражающих в радиусе 25 метров. Гранату с оборонительным чехлом на ходу бросать опасно: ее осколки могут попасть в гранатометчика. Ее метают только из-за укрытия.

Ручная граната образца 1933 года не очень тяжелая (500—750 граммов), и поэтому бойцы бросают ее на 30—40 метров. При взрыве эта граната с оборонительным чехлом разлетается примерно на 2 тысячи осколков; они поражают все живое в радиусе 25 метров от места взрыва. Атакующие бойцы метают на ходу наступательную гранату без оборонительного чехла, которая поражает в радиусе 5 метров, и бегут вслед за ней без риска, что в них попадут осколки своей же гранаты.

В Красной Армии есть на вооружении и другие гранаты. Ручная граната образца 1914—1930 года похожа на бутылку и применяется так же, как граната образца 1933 года. Гранаты марки «Ф-1» применяются исключительно в оборонительном бою.

Ручная граната не может заменить артиллерийского снаряда, когда нужно поражать противника, который находится далеко. Артиллерийский снаряд не может заменить ручную гранату в рукопашной схватке. Ручная граната и артиллерийский снаряд вместе помогают успешно вести бой с его завязки и до конца, венчаемого атакой.

Как используется ручная граната в бою

Рукопашный бой бывает в самых разнообразных условиях: на открытой, равнинной местности и на местности, пересеченной оврагами, холмами, в лесу и в населенном пункте, днем и ночью, в наступательном бою, при обороне и т. д.

И ручные гранаты могут быть использованы по-разному. Бросание гранат сразу, перед ударом в стыки, обессиливает противника, и он плохо сопротивляется. Так, в бою у озера Хасан 4 августа 1938 года рота красноармейцев, заняв высоту, залегла. Впереди нее, в ложбинке, засел взвод японцев. Чтобы двигаться дальше без больших потерь, нужно было убрать японцев, спрятавшихся в ложбинке. Тогда политрук роты Ушаков с десятком красноармейцев пошел в обход. Зайдя во фланг (сбоку) японцам, группа Ушакова внезапно забросала ложбинку гранатами и с хода, не боясь «набежать» на осколки своих гранат, бросилась в стыки. Часть японцев была уничтожена, оставшиеся бежали.

Но гранаты приносят пользу не только перед стыковым ударом. В самом рукопашном бою гранаты могут оказать неоценимую помощь. Комсомолец Бамбуров, увлекшись боем, удалился в сторону от своих бойцов. Японцы окружили его. Расстреляв все патроны из своего ручного пулемета, Бамбуров начал крушить японцев прикладом винтовки. Приклад сломался. Японцы наседали. Тогда герой-комсомолец с возгласом «За родину!» бросил две гранаты и, пользуясь замешательством врага, прорвался из окружения и благополучно скрылся в ночной темноте.

Гранаты помогают выкуривать врага из его глубоких, сильно укрепленных гнезд, вырытых в земле. Так, красноармейцы, подобрившись к японскому укреплению, забросали его бойницы гранатами и вывели из строя все вражеские пулеметы. Укрепление было быстро взято; а его защитники уничтожены.

ПРИМЕНЕНИЕ РУЧНЫХ ГРАНАТ:

В окопы — перед последним броском атакующего

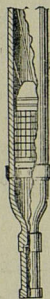
В окно дома

Для очистки захваченного окопа

Ружейный
гранатомет

Разрез ружейной
мортирки, кото-
рая надевается на
винтовку. В нее
вставлена ружей-
ная граната

Так стреляют из
ружейного грана-
томета на 150—
800 метров

Граната своей большой разрушительной силой выводит из строя не только бойцов врага, но и его технику. Красноармеец Петров был ранен в бою. Он отполз в тыл и вдруг заметил японский пулемет, который бил во фланг нашим наступающим войскам.

Петров незаметно подполз к вражескому пулемету и, не поднимаясь с земли, метко бросил гранату. Японский пулеметчик и его пулемет были уничтожены взрывом.

И не только против полевых укреплений, но и в боях на городских улицах, где каждый дом становится крепостью, ручная граната оказывает большую помощь в борьбе с врагом. В испанском селении Бельчите засели фашисты и мешали продвижению испанских республиканских войск. Дома были превращены фашистами в хорошо укрепленные очаги сопротивления. Тесные и кривые улицы мешали артиллерии разгромить фашистские гнезда. Ружейно-пулеметный огонь не мог преодолеть прочных каменных стен. Осталось одно — прибегнуть к «карманной артиллерии» пехотинца. Республиканцы брали штурмом один дом за другим, забрасывая ручными гранатами через окна и выбитые двери его комнаты. В конце концов Бельчите было взято.

Граната — лучшее оружие ближнего боя. Но правильно использовать гранату в разнообразных условиях современного боя — большое искусство. Кроме отличного знания устройства и свойств ручных гранат нужно уметь бросать гранату далеко и метко стоя, с колена и лежа, на бегу и из-за укрытия. Тот боец, который не научился еще в мирное время метко бросать гранату с любых положений, окажется наполовину обезоруженным в самый острый момент рукопашной схватки.

Как метать гранату?

Казачата станицы Константиновской задумали стать юными гранатометчиками. В своем кружке они добились замечательных результатов. В письме в газету «Пионерская правда» Вася Булаткин, руководитель кружка юных гранатометчиков станицы Константиновской, пишет: «Наш кружок гранатометчиков растет изо дня в день. Ребята стали бросать гранату далеко и метко. Павел Писаренко первый раз метнул гранату на 50 метров, а теперь же он бросает ее на 58. Коля Яхно бросил на 37 метров, а сейчас — на 46, Володя Казинцев с 37 метров довел свой результат до 47 метров».

В другом письме группа членов кружка юных гранатометчиков пишет: «Мы так увлеклись этим, что почти все свободное время тренировались в метании гранаты стоя, лежа, с колена и сидя на лошади. Мы советуем всем ребятам Советского Союза последовать нашему примеру».

Призыв константиновских пионеров нашел горячий отклик среди пионеров и школьников. Во многих пионерских отрядах и школах уже созданы кружки юных гранатометчиков.

Для начинающих гранатометчиков мы даем несколько необходимых советов. Для обучения метанию гранат употребляются облегченные болванки (модели) спортивного образца, сделанные из алюминия. Если такой спортивной «гранаты» найти не удалось, то нетрудно сделать ее самому из дерева. Болванка должна походить на бутылочную гранату. Общая длина ее — 22 сантиметра, длина утолщенной части (корпус) — 12 сантиметров при диаметре в 5 сантиметров, длина рукоятки — 10 сантиметров при диаметре в 3 сантиметра. Вес болванки должен быть для ребят до 13 лет 500 граммов, а для ребят постарше — 700 граммов.

Каждый гранатометчик должен сам найти наиболее удобные положения и способы метания гранаты. Но в начале обучения все же лучше

придерживаться некоторых основных и простейших правил гранатометания. Так, бросок гранаты нужно научиться делать только одной рукой, другая рука в момент броска должна оставаться спокойной: в ней во время боя будет винтовка или револьвер.

Держать гранату нужно мягко, не напрягая кисти руки, и бросать через плечо (не сбоку) так, чтобы в момент броска локоть был впереди кисти.

Выпускать гранату из руки нужно тогда, когда кисть руки будет в наиболее высоком положении, над плечом.

Вначале следует учиться метать гранату стоя — по вертикальному щиту с расстояния в 15—20 метров. Затем переходите к метанию гранаты через веревочку, протянутую на высоте 2—2½ метров над землей и на расстоянии 2 метров от гранатометчика. Метание через веревочку, на дальность, приучает использовать полную силу замаха.

Всегда нужно следить, чтобы граната отклонялась в сторону от установленного направления броска не более чем на 2 метра, а для этого на земле прочерчивают две параллельных линии, образующих контрольный коридор.

Достигнув искусного метания гранаты с места, переходите к метанию ее в движении. Наконец, научитесь метать ручную гранату с колена и лежа, в окоп, в снежной крепости, в снежный окоп, на лыжах с ходу и т. д.

Во всех случаях следует добиваться дальности броска в 35—40 метров с точностью до 5 метров по фронту, считая от центра цели.

На маневрах. Боец бросает связку учебных гранат в гусеницу танка.

Клятва в зале для игры в мяч.

Картина Я. Л. Давида.

Клятва в зале для игры в мяч

К картине Ж. Л. Давида

— Трава уже выросла, ешьте ее...

Эти слова были сказаны на самом деле. Так ответили во второй половине 18-го века французские дворяне крестьянам, умолявшим спасти их от голодной смерти.

Тяжелое это было время для Франции. Крестьян давила такая отчаянная нищета, что в пору было и в самом деле есть траву. Полные рабы помещиков-феодалов, они работали до изнеможения. Налог за налогом ложился на их плечи. Крестьяне рады были бы есть несоленую пищу, так велик был налог на соль, но за отказ покупать ее грозил большой штраф. Не лучше жили ремесленники и рабочие в городах.

Король Людовик XVI, толстый, приземистый неумный человек, был полновластным монархом. Он мог послать тысячи солдат на войну, не спрашивая ни у кого совета. Мог тратить сколько угодно денег из государственной казны, как будто это был его собственный карман. И в этом он нисколько не стеснялся. Небольшая кучка бездельников: король, дворянство и духовенство — владела всей страной. Дворянство и духовенство назывались первыми двумя сословиями, и им принадлежала вся власть. А остальное население Франции, то есть, по существу, почти вся страна, называлось третьим сословием и было совершенно бесправно. В третье сословие входили и рабочие, и крестьяне, и молодая крещущая буржуазия. Буржуазия, сильной и энергичной, не позволяла развернуться старые порядки, и она была готова к яростной борьбе. В то время она была еще передовым классом и представляла интересы всего народа. Эти старые порядки мешали росту страны, как мешали бы выросшему дереву обручи, натянутые на его ствол, когда оно было еще молодым и тонким. Однако совсем остановить рост никакие порядки не в силах. Во Франции неудержимо росла промышленность, развивалась наука, старые «обручи» — порядки — трещали по всем швам от их напора.

К 1789 году король своими безумными тратами довел страну до того, что в государственной казне ничего, кроме долгов, не оказалось. Испытанным средством достать деньги у Людовика были новые на-

логи, но он понимал, что с крестьян больше ничего не возьмешь: не может человек отдать две головы, если у него лишь одна! Король решил наложить небольшой налог на дворян, но он боялся их сопротивления: они ведь привыкли только брать с государства. Поэтому он придумал созвать для введения налога генеральные штаты — собрание депутатов ото всех трех сословий. А штаты эти не собирались уже 175 лет.

Когда представители с'ехались, король и дворянство постарались всячески унижить третье сословие. Король ввел форму для депутатов, причем депутаты дворянства и духовенства являлись на заседания в шолке и бархате; сверкая золотом и драгоценностями, проходили в зал они через широко распахнутые парадные двери, а депутаты третьего сословия должны были протискиваться через узкую боковую дверь и носить простую черную одежду. Даже скамьи для них были нарочно устроены ниже. Чтобы еще резче подчеркнуть разницу между сословиями, сословия по королевскому указу, должны были собираться отдельно.

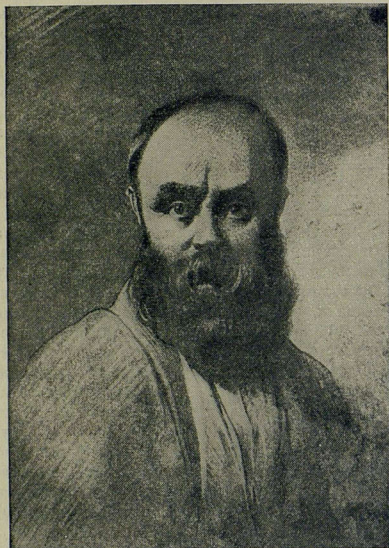
Однако третье сословие теперь было совсем не таким, как 175 лет тому назад. Оно выросло, оно осознало свою силу и права. Представители третьего сословия предложили собраться всем генеральным штатам вместе для проверки документов. Попы и дворяне отказались. Тогда 18 июля 1789 года депутаты третьего сословия, собравшись одни, назвали себя Национальным собранием.

В ответ на это король приказал запретить зал заседаний. Но, торжествующие, возбужденные, чувствуя себя, наконец-то, полноправными гражданами, депутаты захватили зал, где придворные обычно играли в мяч. И здесь принесли торжественную клятву: «Не расходиться и собираться повсюду, где потребуют обстоятельства, до тех пор, пока конституция не будет утверждена на незыблемых основах».

Клятва в зале для игры в мяч была первым громовым ударом французской буржуазной революции 1789 года. Не даром это событие выбрал для своей картины художник и революционер Давид.

Тарас Шевченко

(1814—1861)

Т. Г. Шевченко. Автопортрет.

9 марта исполнится 125 лет со дня рождения великого украинского поэта и художника Тараса Григорьевича Шевченко.

Он жил в царствование Николая I, а это был один из самых мрачных периодов в истории нашей родины. Шевченко сам был крепостным и прекрасно знал тяжелую жизнь простого трудового народа. Горячей любовью к нему полны стихи Шевченко.

Любимый образ Шевченко — это образ народного певца-кобзаря, что бродит со своей кобзой по родной Украине, видит все горе, угнетение и неправду, все складывает в песню, песней утешает, песней зовет на борьбу, песней же и поминает тех, кто погиб от злой неволи. Шевченко чувствовал себя таким вот народным певцом. Сборник своих стихов он так и назвал: «Кобзарь».

Стихи Шевченко, вздумчивые, правдивые, певучие, напоминают прекрасные народные песни, и многие из них давно уже стали любимыми песнями народа.

Напечатанные здесь стихи перевела Елена Благинина.

Доля

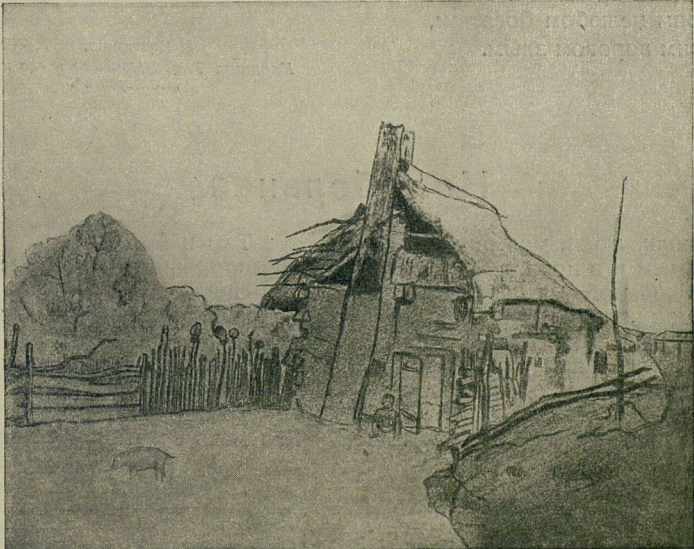
Ты не лукавила со мною,
Ты другом, братом и сестрою
Давно мне стала. Ты взяла
Меня за слабенькую руку
И к пьяному дьяку в науку
Меня, мальчонку, отвела.
— Учися, милый мой, авось,
Мы в люди выйдем! — ты
шепнула,
И мне учиться довелось...

А ты? Ты просто обманула.
Да разве люди мы сейчас?
Мы не лукавили с тобою,
Мы прямо шли. И нет у нас
Зерна неправды за собою.
Пойдем же, доленька моя,
Мой друг простой и нелукавый!
Пойдем, пойдем! Там дальше
слава,
А слава — заповедь моя!

* * *

Три широкие дороги
Шли да и сошлись.
На чужбину с Украины
Братья разошлись.
И один жену оставил,
А другой — сестрицу,
Самый младшенький —
последний —
Красную девицу,
А все вместе — мать седую,
Горькую вдовицу.
Три ясеня посадила
Мать седая рядом.
А невестка посадила
Тополя за садом.
Три явора посадила
Сестра у долины.

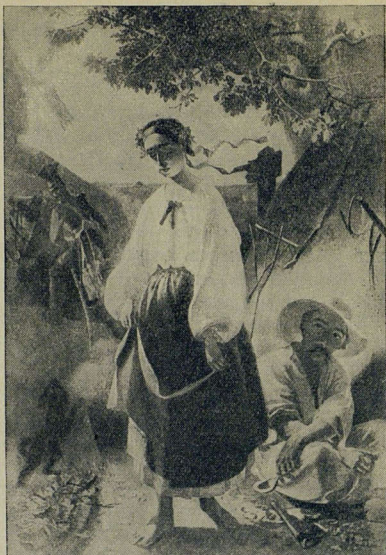
А дэвица-сиротина —
Красную калину.
Три ясеня облетели,
Тополей не стало,
Три явора пожелтели,
Калина завяла.
Не идут домой три брата...
Плачет мать седая,
Плачет в хате с ребятами
Жена молодая,
И сестра по братьям плачет,
Слезы проливает.
А дэвицу на погосте
Попы отпевают.
Не идут домой три брата:
По свету гуляют.
Три широкие дороги
Травой зарастают.

Вдовый дом.

Рис. Т. Г. Шевченко

И богата я,
 И красива я,
 Только друга не найду я —
 Несчастливая.
 Тяжело на свете жить —
 Никого не любить,
 Шелка-бархата жупаны
 Одинокой носить.
 Повстречалась бы я,
 Обвенчалась бы я
 С чернобровым сиротою,
 Только воля не моя.
 Батка, матка не спят,
 Все глядят — сторожат,
 Не пускают молодую
 Даже в сад погулять.
 А хоть пустят, так с ним,
 С окаянным, седым,
 С моим нелюбом богатым,
 С моим ворогом злым.

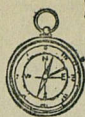
Катерина.
 Картина Т. Г. Шевченко к его поэме
 „Катерина“.

Нолыбелъная

Ой люли, люли, моя кручина
 Днем и в ноци.
 Пойдешь, мой сыне, по Украине,
 Нас клянучи.
 Сыне мой, сыне, отца родного
 Ты не вини.
 Меня, прокляту, ой виновату,
 Меня кляни!
 Когда на свете меня не будет,
 Ты в лес уйди.
 Лес не обидит и не осудит,

Там и броди.
 Ой, припади ты к моей калине,
 Найди ее!
 Я так любила ее, мой сыне,
 Дитя мое!
 Коль ненароком на люди
 выйдешь,
 То не журись.
 Как мать счастливу с детьми
 увидишь,
 То отвернись.

Приоткрыта одна из тайн Арктики

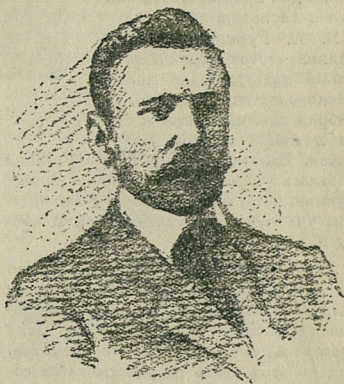
Н. А. Солдцев

Северный морской путь был пройден первый раз в 1878 году Норденшельдом. Ему понадобилось два года, чтобы провести «Вегу» из Баренцева моря в Берингово. Прошло много лет, прежде чем нашелся человек, пожелавший снова осуществить подобный поход. Таким человеком был молодой и энергичный русский геолог В. А. Рusanов.

Русанов родился в 1875 году. У него с детства проявилась любовь к наблюдениям над жизнью природы. Когда Русанов учился в Киевском политехническом институте, он участвовал с другими студентами института в революционном движении, был арестован, сидел в тюрьме и затем выслан на Север. После двух лет ссылки ему разрешили уехать за границу. Тогда Русанов перебирается во Францию и поступает в знаменитый Сорбоннский университет. После окончания университета молодой ученый был приглашен участвовать во французской экспедиции на Новую Землю. Маленькое суденышко «Жак Картье» в 1908 году доставило Русанова на холодный и почти совершенно пустынный в то время остров. Суровая и дикая красота Севера поразила Русанова. Вернувшись из этой экспедиции, он решил свою жизнь посвятить исследованию русского крайнего Севера.

После того он еще три раза участвует в разных экспедициях на Новую Землю, приобретая большой опыт в полярных путешествиях.

Во время своих полярных экспедиций В. А. Русанов не раз думал о по-

В. А. Русанов.

ходе Норденшельда вдоль северных берегов Сибири. Он был уверен, что Северный морской путь вполнеходим для судов и что поход «Веги» не случайно окончился благополучно. Русанову казалось, что нужно совершить еще несколько таких походов, как следует изучить условия плавания на этом пути, выбрать наиболее благоприятное время для плавания и затем начать постепенно его осваивать.

Как мы теперь видим, все рассуждения Русанова были правильны. Северный морской путь существует, но, чтобы его освоить, надо затратить много сил и средств, что было не под силу царскому правительству. Русанов чувствовал, что он не встретит поддержки

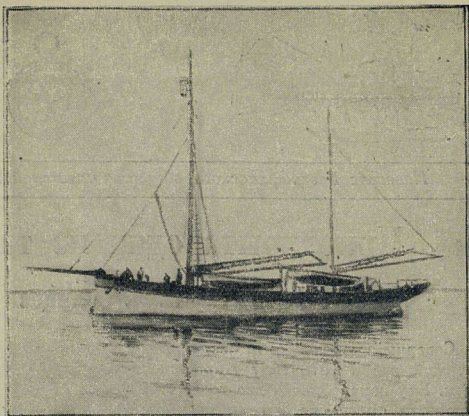
у правительства, и потому решил единолично осуществить грандиозное предприятие — еще раз пройти вдоль берегов Сибири из Баренцева в Берингово море. Свой план он никому не сообщил, но стал поджидать удобного случая. В то время ему предложили руководить экспедицией на Шпицберген. В распоряжение Русанова предоставлялась небольшая моторная шхуна «Геркулес». Это было очень удобно. Шхуна была построена норвежцами специально для промыслового плавания во льдах.

В. А. Русанов деятельно принялся готовиться к походу. Были подготовлены запасы продовольствия и одежды, подобран опытный экипаж судна и состав научных работников. Капитаном «Геркулеса» Русанов пригласил известного полярного моряка Кучина, который еще вместе с Амундсеном участвовал в экспедиции к Южному полюсу.

Летом 1912 года «Геркулес» вышел из Архангельска в море. Сначала пошли на Шпицберген. Здесь Русанов занялся поисками каменного угля. Угля оказалось много и хорошего качества. Теперь этот уголь разрабатывается советскими горняками и обслуживает наш Северный флот. Русанов оставил на острове двух ученых, а сам вместе с остальными членами экспедиции пошел на «Геркулесе» к Новой Земле. Здесь, в поморской избе, он оставил такую записку:

«Телеграмма начальника экспедиции 1912 года В. А. Русанова, оставленная на Новой Земле, в самодской колонии Маточкин шар, 11 августа, с просьбой отправить ее, когда представится возможность, по следующему назначению: Петербург, Ждановка, 9, Стюнель».

Юг Шпицбергена, остров Надежды окружены льдами, занимались гидрографией, штормом отнесены южнее Маточкина шара. Иду к северо-западной оконечности Новой Земли, отсюда — на восток. Если погибнет судно, направлюсь к ближайшим по пути островам: Уединения, Новосибирским, Врангеля. Запазов на год, все здоровы. Русанов».

Моторная шхуна «Геркулес».

Только из этой записки стало известно, что Русанов решил не возвращаться домой, в Архангельск, а идти дальше, в опасный и неизвестный путь на восток. Но это и все, что было известно. Никаких сообщений о задуманном походе Русанов никому не делал. Эта же телеграмма оказалась и последней. С тех пор «Геркулес» исчез бесследно. Никаких сообщений ни от кого из людей, оставшихся на нем, до сих пор не получено.

Ровно двадцать два года вообще ничего не было известно о том, куда исчез «Геркулес», выйдя из Поморской губы. Ни поиски, ни самые остроумные догадки ни к чему не приводили. Одни думали, что еще в Баренцевом море судно погибло от шторма, другие допускали, что оно проникло в Карское море и затем было раздавлено льдами, третьи считали, что из Карского моря льды унесли «Геркулес» в Центральный полярный бассейн, так же как и «Анну» Брусилова. Было твердо известно только одно: «Геркулес» вместе со всеми находившимися на нем людьми погиб.

В 1934 году в Карском море в числе многих советских судов плавал маленький моторный бот «Сталинец». Он за-

нимался научными исследованиями и имел на своем борту топографов, которые снимали на карту многочисленные острова и берега материка к востоку от острова Диксон.

30 августа на один из таких островков был высажен топограф Гусев. Во время работы он увидел врытый в землю столб, на котором была вырезана короткая надпись: «Геркулес, 1913 год». Это было первое достоверное указание о том, что «Геркулес» был в Карском море и дошел до района, лежащего к востоку от устья реки Енисей.

Через несколько дней были обнаружены еще новые следы злополучной экспедиции. Другой топограф «Сталинца», М. И. Цыганюк, на одном из островков шхер Минина наткнулся на остатки чьей-то одежды, а когда он стал ее разглядывать, то тут же оказались и другие предметы: ржавый скелет фотоаппарата, геологический компас, две кружки и ложки, охотничий нож, парусный наперсток и т. д. Среди слипшихся комков мокрой бумаги Цыганюк нашел документы, которые заставили его вскрикнуть от неожиданности.

Документы принадлежали Попову и Чукчину, которые были членами экипажа «Геркулеса». На острове также были найдены остатки шалаша, старые патроны, выпуска 1912 года, разбитый ящик, надрубленное бревно, щепка и т. п.

Эти жалкие остатки вещей были настоящей драгоценностью: они могли хоть что-нибудь сказать о безвестно исчезнувших людях. По крайней мере, стало известно, что на остров Попова-Чукчина (так он теперь называется) зачем-то приходили двое участников экспедиции на «Геркулесе», оставили здесь кое-какие вещи, а сами снова бесследно исчезли. Это значит, что «Геркулес» действительно проходил где-то здесь неподалеку. Возможно, что Попов и Чукчин попали в шхеры Минина, пробираясь на материк после гибели судна, а возможно и то, что В. А. Русанов, проходя поблизости от материка, послал их в обжитые места сообщить о своей судьбе. Так ли это или нет, мы пока не знаем. Может быть, через некоторое время будут найдены еще какие-нибудь дополнительные сведения об исчезновении экипажа.

Происшествия в природе за 1938 год

Я. Гиневский

Грозный тайфун

Над Японией в ночь с 31 августа на 1 сентября пронесся страшный ураган — тайфун. Скорость ветра достигала 32 метров в секунду. В столице Японии — Токио — было затоплено 50 тысяч домов. Все электростанции вышли из строя. Город погрузился во тьму. Движение

поездов остановилось. В ту ночь в Токійском заливе пароход раскололся на 2 части; 2 других парохода столкнулись и сели на мель. Тайфун такой огромной силы был только 36 лет тому назад.

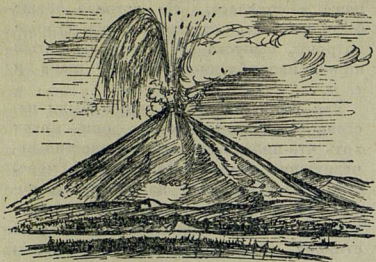
Тайфун начинается с того, что с юговостока приближаются перистые облака, в море появляется зыбь. Это предвестники тайфуна (тай — по-китайски чрезвычайный, фун — ветер; отсюда слово «тайфун», что означает «чрезвычайный ветер»).

Все плотнее и плотнее становится облачный покров. Жара спадает. В воздухе душно. Ветер начинает дуть порывами. Дождь льет потоками. Слышны как будто гулкие раскаты грома, но этот звук вызывают сильные порывы ветра. Ветер дует с перерывами, и барометр то падает, то повышается. Море словно кипит, и на поверхности его клокочет пена.

Центр тайфуна перемещается с моря на сушу. Тогда он разрушает города, губит много человеческих жизней.

Бомбы над сопкой

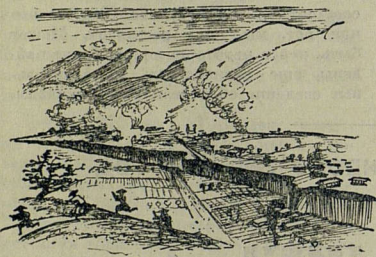
Есть на Камчатке вулкан Авача. Он находится в 34 километрах от города Петропавловска на Камчатке. В последние годы этот вулкан казался почти потухшим. Туристы безопасно под-

нимались к кратеру вулкана. 29 марта из кратера внезапно взметнулся высокий столб пара и газа бурого цвета. В нем было много пепла.

Над жерлом вулкана показался гигантский столб пламени. Раскаленные камни с огромной силой выбрасывались далеко вверх. Они были веретенообразной формы, некоторые из них достигали 1 метра в диаметре. Геологи так и называют их — бомбами. Над краем кратера показалась расплавленная лава. Огненным каскадом она полилась вниз по склонам горы.

Вулкан Авача похож на сахарную голову. Его вершина поднимается на высоту 2650 метров и покрыта вечным снегом. Окружность громадной воронки вулкана — 1 километр, глубина — 100 метров. На дне кратера лежат большие глыбы лавы самой причудливой формы. В обычное время из сопки выходят лишь небольшие струи пара, быстро тающие в воздухе. За последние 200 лет известны 15 случаев извержения вулкана Авача.

Сейсмограммы рассказывают...

Чувствительный прибор — сейсмограф — улавливает малейшие колебания почвы. По волнистым линиям его записей — сейсмограмм — ученые устанавливают ход землетрясения. Тонкий прибор точно показывает время, силу, место и направление толчков землетрясения. Прочтешь сейсмограммы 1938 года, мы бы узнали, что в прошлом году на всем земном шаре произошло от 8 до 10 тысяч землетрясений, ощущаемых людьми. Только некоторые из них обладали большой разрушительной силой.

Мы бы узнали адреса очагов наиболее сильных землетрясений. Они находятся на дне океанов и в малонаселенных местностях. Наиболее частые землетрясения были в Чили (Южная Америка) и в Японии. В СССР Средняя Азия, Кавказ и Крым наиболее подвержены землетрясениям.

В снежном плену

Памир. Морозные январские дни 1938 года. Группа конников-пограничников выполняет боевое задание командования.

Пять дней подряд бушевал снежный ураган. Недалеко от кишлака Навдаха зарождала снежная лавина. Жители Навдаха видели, что конных пограничников закрыло огромное снежное облако. Думали уже, что все погибли. Но люди были живы. Они попали в плен, заключенные между двумя непроходимыми оградями снежных обвалов.

О несчастье удалось быстро сообщить на заставу. Немедленно вышла команда из пяти лучших лыжников-пограничников. Они несли с собой веревки, лопаты и походную аптечку. Через несколько часов напряженной работы команда лыжников добралась до своих товарищей.

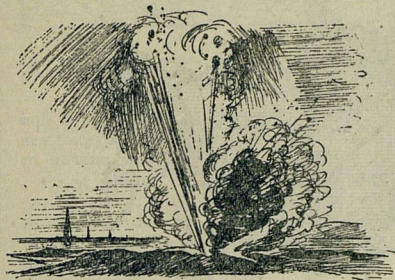
Поздно ночью лыжники возвратились и дождались командира:

— Задание выполнено. Все спасены.

Очень грозны снежные облака там, где зима длится долго, где часты метели и дуют сильные ветры. Таким районом в СССР явля-

ются Хибины. Там зима длится восемь месяцев. Особенно грозным оказался обвал утром 16 февраля в Кировске. Снежная лавина с горы Кукисумчорр с огромной силой обрушилась на оживленную и кузницу пятого участка апатитового рудника.

Вулкан-разведчик

В Лох Батане (в Азербайджане) 18 января в 11 часов 24 минуты утра раздался сильный гуд. Над жерлом вулкана поднялся черный столб выброшенной газами породы. Газы тотчас же воспламенились.

Столб пламени поднялся на громадную высоту в 250—300 метров, расширяясь как бы зонтом. Потом он начал падать, а со дна кратера поднялись обломки горной породы. Газы продолжали гореть небольшими языками.

Геологи-нефтяники исследовали породы извержения. В них оказались пески, насыщенные нефтью. Нефтяные газы и были причиной извержения грязевого вулкана.

Иногда подземный поток встретит на пути струю газов и загорит им путь. Газы не уступают дороги воде. Скапливаясь все больше и больше, они энергично напирают на воду и, наконец, со страшной силой выбрасывают ее вверх.

Грязевые вулканы, извергая породу, образуют в недрах земли пустоты. Иногда вулкан оседает. На Азовском побережье Керченского полуострова 31 января внезапно осела гора Волчья. А со дна моря поднялся новый полуостров площадью в полтора гектара. Местами он возвышается над уровнем моря на 3 метра.

Когда бушует ветер...

Когда бушует ветер, в морях и океанах взникают волны. В океанах они достигают огромной величины и страшной силы. В Атлантическом океане во время шторма наблюдались волны в 14 метров высотой.

Один из сильнейших штормов за последние годы пришлось пережить команде ледокола «Таймир», когда он шел по Гренландскому морю для снятия отважной четверки папанинцев,

Этот шторм разломал папанинскую льдину на куски.

«Словно все ветры Гренландского моря объединились против «Таймира», — писал один из участников похода. — Временами шторм достиг двенадцатибалльной силы»¹.

Люди всю ночь не покидали палубы, крепили грузы, оббивая лед, который нарастал и нарастал на всех частях корабля. Волны яростно ударялись в корабль, крен судна достигал временами 50 градусов. С грохотом катились по палубе сорвавшиеся бочки с продовольствием. Люди, стиснув зубы, напрягая мышцы, ловили сорвавшиеся бочки, которые как живые кидались во все стороны. Наконец, жестокий шторм стих, и над «Таймиром» показалось ясное звездное небо.

¹ Моряки часто измеряют ветер по шкале Бофора (английский адмирал, предложивший эту шкалу в 1806 году). Нуль, по шкале Бофора, означает штиль — полное отсутствие движения воздуха. 12 баллов означает ураган — ветер уничтожает все на своем пути.

Работа мороза в СССР

М. В. Дурденевская

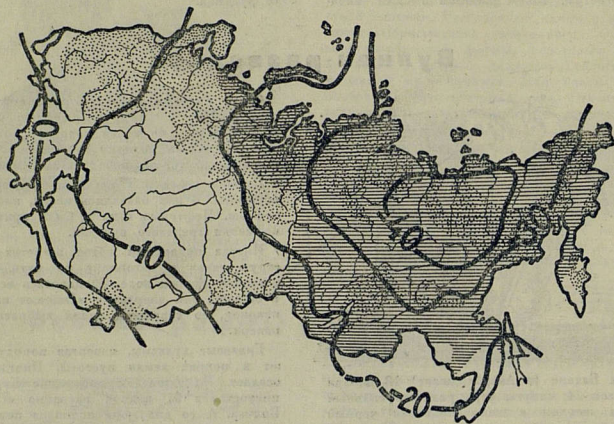

Рис. 1. Январские морозы в СССР. Толстые линии на карте — это январские изотермы, т. е. линии, соединяющие места с одинаковой средней температурой января. Цифры на них указывают эту температуру. Штриховка — районы, занятые вечной мерзлотой, точки — места, которые были покрыты сплошным льдом во время великого оледенения.

Январь — самый холодный месяц в северном полушарии. По всему СССР в это время работает мороз (рис. 1). Но жестоко ошибается тот, кто думает, что мороз работает сильнее всего там, где температура ниже. Совсем нет: наибольшие разрушения на земной поверхности производят как раз слабые заморозки, когда температура колеблется около нуля градусов, потому что мороз работает тогда со своей верной союзницей — замерзающей водой.

Как же он работает?

Случалось ли вам осенью, когда днем еще тепло, а ночью уже начинает подмораживать, ходить по песчаным дорогам? Пойдешь днем — нога крепко упирается в слегка влажный песок, следов почти не остается. Пойдешь ранним утром — совсем другое дело: ноги с легким хрустом проваливаются на глубину 3—4 сантиметра. В чем дело? За ночь под самым верхним слоем песка выросли красивые, нежные ледяные столбики — «ледяные стебельки». Каждый из

них несет на верхнем своем конце песчинку или камешек, а нижним упирается в неповрежденный слой песка (рис. 2). Днем «стебельки» тают, чтобы при следующем заморозке снова вырасти. С

Рис. 2. «Ледяные стебельки». Рядом с ними лежат обыкновенные карманные часы для того, чтобы вы легче могли представить величину «стебельков».

помощью этих «стебельков» мороз и совершает свою главную работу: он поднимает верхний слой земли на высоту 3—5 сантиметров. Когда «стебельки» растают, поднятые ими песчинки и камешки падают, но не на то место, откуда они поднялись.

Рассмотрим подробнее, как это делается. Представим себе кучу влажного песка (рис. 3-а). Начинается заморозок. Лежащие сверху песчинки охладились, на них намерзло немного льда. Лед проводит тепло лучше чем незамерзшая вода. Поэтому участок под ледя-

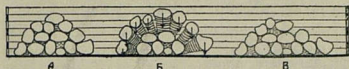

Рис. 3. «Ледяные стебельки» разрушают песчаный холмик (схема). Об'яснение смотри в тексте.

ной корочкой стал охлаждаться сильнее чем окружающее пространство. На него начали намерзать новые слои льда.

Вода, как вы знаете, при замерзании расширяется. Лед не мог поэтому поместиться в тех пространствах, где умещалась вода. Он вытолкнул песчинки, и они оказались на вершинах ледяных столбиков — «стебельков».

Но песчинки наши лежали в куче, одна на другой, и подставляли холодному воздуху не столько свою верхнюю поверхность, сколько боковую. Холод проникал в песчинку, и, когда она промерзла насквозь, оказалось, что лед намерз на ее части, прямо противоположной той, которая первая охладилась (рис. 3-а). «Ледяные стебельки» выросли в самых разных направлениях (рис. 3-б). Я даже видела однажды на отвесной стенке песчаной ямы, как «ледяные стебельки» выросли горизонтально.

Когда при повышении температуры воздуха лед растает, песчинки упадут прямо вниз (как показывают стрелки на рисунке) и окажутся совсем не на том месте, где лежали раньше (рис. 3-в), — куча песку станет более плоской.

Так работает мороз над выравниванием всех, даже самых мелких неровностей почвы.

Ну, а если «ледяные стебельки» вырастут под большим камнем? Они его тоже поднимут, потому что сила льда очень велика. Столбик льда с поверхностью в 1 квадратный сантиметр может поднять тяжесть до 100 килограммов. Когда «стебельки» растут, камень упадет. Если он лежал на каком-либо

склоне, то подвинется по нему вниз (рис. 4-а). Шведский ученый Хогбом наблюдал и сфотографировал камни, которые, падая со «стебельков», вытесняли перед собой напитаанную водой песчаную глину так, что впереди образовывался валик, а на том месте, откуда

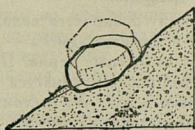

Рис. 4-а. «Ледяные стебельки» передвигают камень. Тонкой линией нарисовано первоначальное положение камня; прерывистой линией — «ледяные стебельки» и поднятый ими камень; толстой линией — положение камня, упавшего с «ледяных стебельков». При своем падении камень вытеснил часть земли, которая образовала перед ним холмик. На том месте, где камень лежал прежде, осталась небольшая выемка — «канавка».

камень поднялся, — канавка (рис. 4-б), «как будто бы кто-то с такой силой швырнул камень, что он покатился и частью зарылся в землю». Фотография у Хогбома вышла не совсем удачной, потому что он снимал во время экспедиции при плохом освещении, но лучшей

Рис. 4-б. «Путешествующий камень» — фотографии Б. Хогбома.

нигде не опубликовано. Если вы, ребята, увидите такие камни, обязательно сфотографируйте и постарайтесь, чтобы у вас вышло лучше чем у шведского ученого.

Но мороз не только передвигает камни: он и дробит их. В пестрых камнях отдельные зерна охлаждаются и сжимаются не одинаково: темные охлаждаются быстрее светлых, — следовательно они начинают сжиматься раньше, и между ними и светлыми зернами образуется тончайшая, видимая только в микроскоп трещина.

В трещину набирается вода, замерзает там и разрывает камень — он рассыпается на отдельные зерна. Получается песок. Этот песок отличается от речного и морского тем, что состоит из угловатых (неокатанных) свежих зерен самых различных минералов. Такого песку очень много под Москвой, Ленинградом и в других местах, где на поверхности земли лежит морена — глина, принесенная ледником великого оледенения (рис. 1). Когда ледник стаял, талые воды частью перемыли морену, унесли мелкие частицы, а «размороженный» песок остался.

Дробятся не только пестрые камни: одноцветные, как бы плотные и однородные они ни были, испытывают ту же судьбу. Достаточно мельчайшей, ни-

Рис. 5. Раздробленная морозом скала белого песчаника.

чтожнейшей трещины, чтобы мороз и вода начали свою работу. Они расширяют трещины, углубляют их и, в конце концов, разрывают скалы на отдельные камни (рис. 5). Зимой лед, образующийся в трещинах под этими камнями, поднимает их, летом они опускаются. При этом они медленно ползут вниз по склонам, поворачиваются, наезжают друг

на друга, образуют чрезвычайно трудно проходимое «каменное море».

Наконец, мороз установился. Оттепели прошли, «ледяные стебельки» больше не тают и не образуются вновь. Земля покрылась снегом. Но работа холода не остановилась. У мороза теперь появился новый союзник — ветер. Он сдувает легкий снеговой покров, высушивает верхние слои почвы, не защищенные, как летом, густым травяным покровом, и выдувает из них все мелкие частички. Почвы становятся грубее, плодородие их уменьшается (рис. 6).

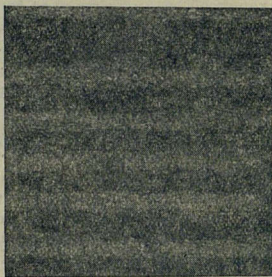

Рис. 6. Испорченная ветром пашина. На гребнях борозд весь мелкозем выдут, остались только камни величиной в 2 миллиметра и больше. На дне борозд еще уцелела нормальная почва.

К счастью, эта работа ветра у нас не слишком продолжительна: скоро снеговой покров делается таким толстым, что ветер не может его сдуть. Но ветер не перестает работать: он нападает на предметы, торчащие из снега, главным образом на деревья. Он осыпает и точит их мелкими острыми снежинками, которые при низких температурах приобретают большую твердость, сдирает с них кору, повреждает почки. Деревья болеют, искривляются, сохнут (рис. 7). На севере, у границы произрастания леса, эти повреждения так сильны, что деревья могут расти только в защищенных от ветра местах.

Но мороз работает и без ветра: работает он и под снегом. Земля промерзает и сжимается от холода, в ней появляются морозобойные трещины, иногда очень большие и глубокие.

Рис. 7. Поврежденные снегом и ветром деревья.

Морозобойные трещины образуются и во льду водоемов. Весной, когда холода минуют, лед нагреется и начнет расширяться. Морозобойные трещины начнут закрываться, лед, намерзший в них, сомнется и вытеснится вверх, образуя торос — длинный, узкий холм — полосу битого льда.

Но во многих морозобойных трещинах, особенно в тех, которые образовались в начале зимы, окажется такой же крепкий лед, как и на неповрежденных участках. Торосов из них не образуется, а ледяной покров от морозобойных трещин оказывается слишком широким для водосма и наползает на берега. Обычно это бывает в теплый, безветренный день. Лежавший до того спокойно, лед со своеобразным звенящим шорохом начинает ползти, толкая перед собой устилающую берег гальку. К шороху льда присоединяется ее скрежет, и получается такой концерт, что говорить обычным голосом нельзя — приходится кричать.

Остановить лед невозможно: он как соломинку сносит бревенчатые частоколы, нагромождает валы из гальки до метра высоты, и я сама была свидетельницей, как в селе Лиственичном, на озере Байкал, лед раздал ступу новой избы и заполз в нее.

Слой промерзшей почвы делается все толще и толще, вода, которая скопилась в земле от осенних и летних дождей, опускается все глубже и глубже. А что если она встретит на своем пути водонепроницаемый слой? Если форма поверхности этого слоя будет тако-

ва, что вода в стороны оттечь не сможет? Тогда она замерзает там, где скопились, образуя в земле линзу льда; замерзает, расширяется и при этом выпирает вверх покрывающие ее слои уже замерзшей почвы. Получается холмик — «пучина». Такие холмики в европейской части СССР бывают очень невысоки, всего в несколько сантиметров высоты, но они причиняют немало хлопот дорожникам, портя полотно железных и шоссейных дорог.

Но особенно много хлопот причиняет замерзающая почвенная вода в Арктике и Восточной Сибири. Там климат настолько суров, что земля промерзла на многие десятки, а местами и сотни метров. Летом оттаивает только поверхностный слой, от 40 сантиметров до 3 метров толщиной (рис. 1). Понятно, что верхняя поверхность вечной мерзлоты (так называют эти, уже много сот лет не оттаивающие слои земли) получается очень неровная.

Осенью почва начинает промерзать. В тех местах, где летнее протаивание неглубоко, зимняя мерзлота быстро

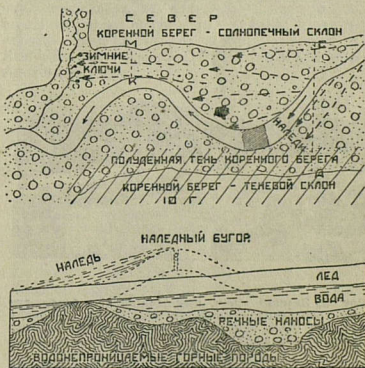

Рис. 8. Образование зимних клучей и наледей (вверху — схематический план, внизу — разрез наледного бугра и наледей). Штриховка — участок неглубокого летнего оттаивания, промерзающий насквозь при первых морозах. Густая штриховка — мезь на реке, промерзающая до дна. Стрелки — потоки почвенных вод, образующиеся, когда река замерзает. Если эти потоки наткнутся на промерзший насквозь участок и не смогут уйти вглубь, потому что подстилаются водонепроницаемым слоем или вечной мерзлотой, они прорвутся на поверхность земли, подлив при этом покрывающие их слои почвы или льда в виде бугра (смотри разрез внизу).

смыкается с вечной в один сплошной водонепроницаемый слой. В то же время мелкие места в реках промерзают насквозь, до самого дна. Между зимней и вечной мерзлотой на местах глубокого протаивания остаются извилистые талые каналы, в которые и устремляется вода. Перемерзшие русла рек беднеют, случается, и совсем высыхают¹, а где-то вдали, на самых неожиданных местах, начинают бить обильные ключи (рис. 8). Но этим дело не кончается: почва промерзает глубже, каналы сужаются, а местами и вовсе перемерзает, образуя замкнутые камеры. Вода продолжает прибывать, давление в занятых ею камерах увеличивается, она ищет выхода, приподымает замерзший верхний слой почвы или льда, разрывает его и вытекает. Беда если где-либо на крыше «водяной камеры» окажется отопляемое здание: под ним почва не промерзает, и поэтому место, где оно стоит, оказывается самым слабым; вода прорывает его и затопляет здание (рис. 9). Взрывы эти бывают

Рис. 9. Зимний ключ, прорвавшийся в барак, где жили железнодорожные рабочие. Вода в момент прорыва была переохлаждена. По выходе наружу она тотчас застыла и заполнила барак льдом.

иногда очень сильны, например 28 марта 1928 года на реке Ононе при взрыве ледяного бугра было выброшено несколько глыб льда. Самая большая из этих глыб была 19 метров длины, 9

¹ Наиболее известен такой случай на станции Якокиг, Амуро-Якутской магистрали, где река с первыми морозами «сходит» так, что и местным жителям и проезжим приходится искать в ее русле остатки льда или снега и растапливать его.

метров ширины и 2 метров толщины. Ее нашли в 120 метрах от места взрыва. Но бугры не всегда взрываются: чаще бывает, что вода без всякого шума постоянно сочится из трещины на бугре и покрывает лед реки (или землю, если бугор на суше) тонким, тут же замерзающим слоем. Эта вода называется наледной водой (она находится на льду, а не под ним, как обычно), или, короче, наледью.

Наледи до недавнего времени являлись бичом восточносибирских дорог, потому что вблизи всякого, даже самого маленького ручья обращали дорогу в скользкую ледяную катушку. К довершению беды при проезде по наледи вода намерзает на ноги лошадей и на полозья саней так, что езда становится сущим мучением. Теперь автодорожный институт нашел способ отводить наледь от дорог. Способ этот чрезвычайно прост: нужно только проморозить насквозь поток речной или почвенной воды выше того места, от которого нужно отвести наледь. Тогда она образуется на месте проморозки. Например, чтобы уничтожить наледь на реке, нужно проморозить почву и реку по линии *СД* (рис. 8), чтобы уничтожить ключи по линии *МК*. Чтобы проморозить почву, достаточно выкопать в начале зимы канаву, а то даже просто смести снег, чтобы он не защищал почву от промерзания.

* * *

До сих пор я описала то, что нам известно о работе мороза, теперь напишу то, о чем неизвестно:

1. Мы не знаем, на всех ли почвах образуются «ледяные стебельки» и какой они достигают длины.

2. У нас нет хороших фотографий «путешествующих камней», и мы не знаем скорости, с которой они передвигаются. Известно только, что местами передвижение почвы — особенно ее крупных частиц — бывает настолько быстрым, что растения не успевают в ней укорениться.

3. Мы не знаем, какие из «каменных морей» СССР еще двигаются, а какие остановились.

4. У нас недостаточно наблюдений над работой ветра; нам нужно очень много таких наблюдений, чтобы распланировать рубку и посадку деревьев лесозащитных полосных участков, которые защищают пашни от выдувания ветром.

5. Наблюдений над перемещением почвенных вод зимой очень мало.

Что делать членам „Компаса“

1. Измеряйте «ледяные стебельки» сантиметром, одновременно исследуя почву, на которой они выросли (высушить, отвесить 10 граммов, прокалить в тигле, чтобы выжечь перегной, взвесить и определить по потере в весе его количество; промыть водой, чтобы отделить глину, высушить и определить путем взвешивания количество песка).

2. Фотографируйте «путешествующие камни», большие и маленькие. Наблюдайте скорость их движения. Для этого вбейте два кола по обеим сторонам канавки выше камня, если она есть, на расстоянии 1 метра друг от друга. На камне и на колах сделайте красной отметки. Каждую шестидневку измеряйте возможно точнее расстояние от колов до камня. Лучше всего делать это ниткой, протягивая ее от отметки на коле до отметки на камне, и потом, измеряя ее сантиметром, начертите путь камня. (Два кола вбиваются для того, чтобы не пропустить боковых движений камня.)

3. Наблюдайте движения «каменных морей». Выберите в «море» камни, которые, по вашему мнению, имеют больше всего случаев передвинуться (такие, под которыми легко застаивается вода). Перед наступлением морозов аккуратно выкрасьте масляной краской места, где они касаются друг друга. Красить надо оба камня и особенно щель между ними. Зимой, в большие морозы, когда камни и вода хорошо промерзнут, посмотрите, не разошлись ли камни, не просвечивает ли в щели между ними некрашеный камень. Мож-

но, впрочем, поступить и иначе: выкрасить камни в мороз и посмотреть весной, не опустились ли они (только такие наблюдения труднее чем осенью).

4. Наблюдайте работу ветра. Устройте в школе метеорологическую станцию. Выберите в открытом поле какое-либо защищенное место, куда ветер сметает снег, лучше всего неглубокий овраг. Положите там лист старого железа, фанеры или, лучше всего, старую кленку. После каждого снегопада или ветра собирайте с этого листа граммов 100 или 200 свеженаметенного снега, а остальной стряхивайте, чтобы он не мешался с вновь выпавшим. Дайте собранному снегу растаять, соберите осевшую в воде пыль, высушите ее и взвесьте. Устройте такой же наблюдательный пункт в закрытом от ветра месте, например в лесу. Ведите дневник, где записывайте направление ветра, его силу, количество пыли в 100 граммах сметенного им снега (для обоих наблюдательных пунктов). Сравните наблюдения на обоих постах. Сообщите ваши наблюдения не только нам, но и районному агроному, который сможет принять их в расчет при планировании лесозащитных полос.

5. Если вам удалось наблюдать пучины на дорогах или зимнее перемещение почвенных вод, описывайте их подробно и правдиво и описание присылайте нам. Точные и интересные наблюдения мы можем передать в Комиссию по изучению вечной мерзлоты при Академии наук.

Снимки с Севера

В бухте Тихой на Земле Франца-Иосифа лежит огромная красно-бурая базальтовая скала Рубин, на которой гнездятся тысячи полярных птиц. Скала Рубин состоит из громадных плит и колонн, изверженных в незапамятные времена из недр земли. Перед скалой виден ледокол, который привез смену зимовщикам в бухте Тихой.

Белая медведица со своим сыном близко подошла к ледоколу и с любопытством наблюдает необычное явление. Хищные звери, должно быть, знают, что охота на них в Арктике запрещена, чтобы охранить этих самых известных представителей арктической фауны.

Фонд
Географического
Общества.

Коля и Сережа Шевелевы, Леккер Володя и Алик и Лена Тюркменовы (Иркутск) описали реки, на слиянии которых расположен Иркутск.

Самая большая река — Ангара; она вытекает из озера Байкал. В нее впадает у самого города река Иркут. Это тоже большая река. Она имеет много притоков, из которых мальчики описали два ближайших к городу: Каю и Олху. Кроме того в пределах города в Ангару впадает небольшая речка Ушаковка с притоком-ручьем Сарафановкой.

Толя Зиксев (Херсон) прислал историю своего города.

161 год назад на месте Херсона была турецкая крепость, окруженная высокими валами, глубоким рвом, с двумя толстостенными воротами, с казармами и мечетью посередине. На валах стояли пушки и были проведены подземные тоннели из крепости до берега. Когда была объявлена война, сюда пришел с войсками Потемкин. Толпами двинулись на штурм солдаты, скачываясь в ров, падая от залпов турецких ружей и пушек, пока не достигли вершины валов и не связались с турками врукопашную. Крепость была взята, и на совете Потемкин решил построить тут город, назвав его в честь древнегреческого города Херсонеса Херсоном.

В половине XIX века в Херсоне появились заводи, фабрики да и порт начал расти. Перед революцией здесь уже были созданы большевистские подпольные организации заводских рабочих и портовых грузчиков, и в годы гражданской войны они показали свою силу.

Начало 1918 года. Немецкие генералы заняли Херсон. Тут и заработала подпольная организация большевиков, раздобыла оружие и раздала его рабо-

чим. Не успели немцы дойти до центра города, как рабочие встретили их штыками и пулями. Немцы в беспорядке отступили к вокзалу и, сев на поезд, покинули город. Рабочие, выбрав себе руководителей — «Совет пяти», — начали окапываться и огораживать город ровными заграждениями.

Немцы выслали против Херсона дивизию. Херсонцы упорно сопротивлялись, не отступая ни на шаг. Был вечер (бойцы Херсона уже три дня не ели, потому что от города походной кухне нужно было ехать по равнине и немцы открывали по ней огонь), когда подошла к окнам походная кухня. Обрадованные бойцы кинулись к ней и вдруг остановились... в котле лежал сваренный мальчик лет восьми—девяти. Этот мальчик из ближнего села хотел пронести пищу отцу, но немцы его поймали.

Бойцы решили отомстить: и на следующий день отогнали немцев на десять километров. Полтора месяца держался Херсон, пока немцы, пригнав побольше войска, взяли его. Недолго они были хозяевами: Красная Армия быстро выбила их.

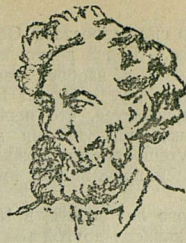
В 1919 году оккупировали Херсон войска Антанты. Запружен был Днепр греческими судами, а город — войсками. Это были тоже хищники. Все жители Херсона помнят, как греки, чувствовавшие свою гибель, набили два больших хлебных амбара людьми и, запалив их, как Нерон, любовались огнем и мучениями горящих людей. Но это им не прошло даром: летом 1919 года снова пришла Красная Армия и выгнала хищников.

Ваня Державин (село Шуматово, Чувашия) рассказывает об интересной находке. Во время рытья

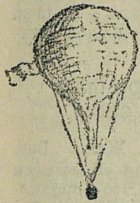
картофелехранилища в колхозе нашли древнее погребение: отрыли два скелета, ножи, монеты и женские украшения. На некоторых монетах можно было разглядеть изображение корабля.

Великий мечтатель

А. Ивич

I. Как трудно быть Жюль Верном

Все мы любим мечтать. Но, помечтав вечером, мы чаще всего на утро забываем эти мечты и занимаемся своим обычным делом.

Есть люди, которые не так поступают.

Одни, как наш знаменитый соотечественник Циолковский, помечтав о полете на луну, начинают проектировать аппарат, на котором этот полет можно было бы осуществить, и делают замечательное изобретение. Другие, как Жюль Верн, записывают свои мечты, создают художественные произведения.

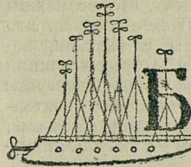
Поговорим о мечте, но не о всякой мечте, а только о технической.

Технику будущего представить себе очень трудно. Замечательный американский писатель Эдгар По попробовал описать, как будет выглядеть мир через тысячелетие. Но здесь богатейшая фантазия Эдгара По изменила ему. Он изображает те же воздушные шары, которые были и в его время, только крупнее. Ему даже не пришло в голову, что люди сумеют управлять ими, не отыскивая попутных воздушных течений. Он с восхищением думает, что спустя тысячу лет люди сумеют протянуть телеграфную проволоку через океан. А на самом деле за семь лет до того, как Эдгар По написал свой рассказ, такая проволока уже была проложена по дну океана. Эдгар По этого не знал. Он думал, что опережает свое время на тысячу лет, а на самом деле на семь лет отстал от него.

Среди известных писателей был только один, который сумел правильно видеть

путь техники будущего и рассказать о ней. Зовут этого писателя Жюль Верн. Об Эдгаре По я написал для того, чтобы вы поняли, как трудно быть Жюль Верном.

II. Геликоптер из бумаги

Большинство утопистов ошибалось потому, что мысли их катились как телега по колее. Они думали, что если в их вре-

мя паровоз делает 60 километров в час, то через тысячу лет паровоз достигнет скорости в тысячу километров в час. Другими словами, они изобретали тот же двигатель, только быстрее бегущий. А на самом деле техника не только совершенствует существующие вещи, но и заменяет их другими. Так, лошадь заменил автомобиль, а через несколько сот лет, конечно, будут не только автомобили с бесшумной скоростью, а и какие-то совершенно новые двигатели.

Это понял Жюль Верн. Его предвидения основаны на глубоком изучении современной ему науки и пути, по которому идет ее развитие. В каждом новом открытии ученых, которое еще никак практически не использовалось, умел он найти то зерно, из которого могут подняться ростки технического переворота. Когда Жюль Верн умер, в его бумагах нашли больше двадцати тысяч выписок из научных книг.

Первый роман Жюль Верна называется «Пять недель на аэростате». В нем говорится, в сущности, о самом обыкновенном воздушном шаре, какой был уже в то время. Но есть одна замечательная подробность: у этого шара температурное управление. Дело в том, что подъемная сила газа увеличивается, если его нагреть. Меняя температуру газа, можно менять под-

емную силу аэростата. Об этом во времена Жюль Верна никто из техников еще не думал, а изобрел температурное управление спустя 50 лет Циолковский. Он сам признается, что первая мысль о работе над воздушными и межпланетными путешествиями возникла у него под влиянием прочитанных им романов Жюль Верна.

Много лет спустя, в 1886 году, Жюль Верн написал другой роман об авиации — «Робур-Победитель». Аэроплан был изобретен только 17 лет спустя, в 1903 году. Но спор о том, можно ли летать на аппаратах тяжелее воздуха, уже шел в те годы, когда Жюль Верн писал свой роман. В сущности, он и посвящен этому спору. Жюль Верн пишет, что возможны три вида аппаратов тяжелее воздуха. Это геликоптеры — аппараты с винтами, поставленными сверху и отбрасывающими вниз воздушный поток, — такие аппараты поднимаются вверх вертикально; орнитоптеры — аппараты с машущими крыльями, как у птиц, и аэропланы — с тянущими винтами, как нынешние.

Жюль Верн считал, что будущее принадлежит геликоптеру.

Геликоптер Робура по форме похож на корабль с 37 мачтами. На каждой мачте по два горизонтальных винта. Таким образом, 74 одновременно вращающихся винта без разбега поднимают воздушный корабль Робура с места. Поступательное движение дает ему вертикальный винт, расположенный впереди корабля. Приводятся в движение эти винты электроэнергией.

Мы знаем, что на самом деле распространение получили не геликоптеры, а аэропланы. Но это не значит, что Жюль Верн был неправ. Многие конструкторы считают, что именно геликоптерам принадлежит будущее. И действительно, у геликоптера много преимуществ перед аэропланом: он может подниматься вверх вертикально и так же опускаться. Ему не нужны большие площадки при взлете и посадке. Кроме того он может неподвижно держаться в воздухе, что недоступно для современного аэроплана.

Интересен материал, из которого сделан корабль Робура. Это бумага, обладающая крепостью стали. Очень ли ошибся Жюль Верн в определении материала, годного для воздушных аппаратов тяжелее воздуха? По-моему, не очень. Он

понял, что материал должен быть крепким и очень легким. Возможность делать из целлюлозы, из которой делается бумага, твердые составы подтвердилась. Из целлюлозы делают легкие и крепкие пластические массы. Из прессованного картона делают легкий крепкий строительный материал — фибролит. Говорят, что сейчас научились даже делать из картона круглые пилы, распиливающие толстые стволы. Значит, нет ничего невозможного в том, чтобы использовать бумагу как материал для самолета. Самолеты из прочной фанеры делают и теперь, а придать бумаге крепость фанеры — задача, вполне доступная для современной техники.

III. Подводный аэроплан и механический слон

сть у Жюль Верна роман «Властелин мира». Это — продолжение романа «Робур-Победитель». В то время как Жюль Верн писал этот роман, были изобретены первые автомобили, и сразу же Жюль

Верн начинает мечтать о будущем автомобиле, создавая из него машину, которой еще не удалось сделать в нынешним конструкторам. Автомобиль Властелина мира может превращаться и в аэроплан, и в пароход, и в подводную лодку.

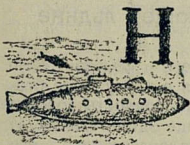
Это именно то, к чему стремится современная техника. Уже изобретен аэроплан, который, опустившись на землю, складывает плоскости и превращается в быстрый автомобиль. Изобретен автомобиль, плавающий по воде. Изобретен пароход, опускающийся под воду. Изобретен и автомобиль, который может перейти реку вброд, под водой, — это танк. Для того чтобы осуществить мечту Жюль Верна, осталось соединить все эти машины в одну.

В романе «Паровой дом» Жюль Верн рассказывает о путешествии в Индию на искусственном слоне. Слон сделан из стали. Наверху у него кабинка, непроницаемая для пули. Сзади к нему прикрепляются два вагона. Внутри слона находится паровой двигатель, такой же, как в обыкновенном локомотиве, и механическая передача, заставляющая слона пере-

двигать ноги. А ноги снабжены зубчатыми колесами, которые увеличивают их цепкость, позволяют подниматься по крутым под'емам и спускаться в глубокие овраги. Необыкновенный слон обладает еще одной способностью—он переплывает реки: его ноги могут работать как гребные колеса.

Когда Жюль Верн придумывал своего парового слона, он, вероятно, взял за образец старинные паровые автомобили, которые ходили по дорогам Франции еще прежде, чем был изобретен паровоз. Но развил он это изобретение так, что получилась машина, по своим возможностям похожая на те, которые строят сейчас. Называется она — как вы уже, вероятно, догадаетесь — танк. Только вместо зубчатых колес сейчас пользуются более практичным гусеничным ходом.

IV. Десять удивительных предвидений и одно необычайное

Н ет в мировой литературе романа, в котором техника будущего была бы предсказана с такой замечательной точностью, как в романе Жюль Верна «Восемьдесят

тысяч километров под водой».

Самое удивительное в нем то, что сейчас нам почти нечему там удивляться. Все осуществилось так, как предсказал Жюль Верн.

Первая подводная лодка была изобретена давно, еще задолго до Жюль Верна. Изобрел ее Фултон, тот самый, который изобрел и пароход. Подводную лодку он изобрел даже раньше парохода. Приводилась она в движение ручным воротом. Она была еще так несовершенна, что практически использовать ее было трудно, и об изобретении этом забыли надолго. Форма подводной лодки героя Жюль Верна капитана Немо такая же, как у нынешних,— сигара. Для опускания лодки под воду камеры наполняются водой так же, как у современных подводных лодок.

Жюль Верн правильно предусмотрел и двигатель для подводной лодки — электрический; разница только в том, что нынешние подводные лодки пользуются электрическими моторами только под во-

дой, а на поверхности воды двигаются при помощи дизелей. А ведь в то время когда Жюль Верн писал свой роман, еще не была изобретена даже первая электрическая лампочка. Знали, что существует такая штука — электрический ток, который можно добывать в гальванической батарее, но что с ним делать, никто не знал. Практически электричеством еще совершенно не пользовались.

Я подсчитал, что электричество выполняет на подводной лодке капитана Немо 10 работ. И все это работы, которые и на самом деле выполняет теперь электричество. Во-первых, на лодке электрические двигатели. Во-вторых, — электрическое освещение. В-третьих, — электрические насосы. В-четвертых, — электрические часы. В-пятых, — электрический указатель скорости движения. В-шестых, — электрическая кухня. В-седьмых, — электрический прожектор. В-восьмых, — электрическая сигнализация. Кроме того при нападении дикарей на лодку сквозь ее перила пропускается электрический ток. Во время последней войны пропускали электрический ток сквозь проволочные заграждения, чтобы сделать их непреступными. Таким образом, Жюль Верн предвидел возможность использования электричества и как оборонного оружия. И, наконец, он описал светящиеся неоновые трубки, а их изобрели совсем недавно — в наше время.

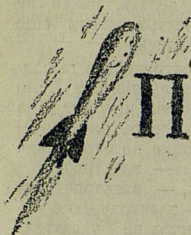
Есть в романе и совсем необыкновенное предвидение. Капитан Немо, рассказывая об управлении своей подводной лодкой, говорит:

«Я мог бы, например, в цепи проводников, погруженных на разную глубину, получить ток от разности температур слоев воды, окружающих эти проводники, но я предпочел другой способ».

В этой мелком брошенной фразе заключена замечательная техническая идея, которую теперь только начинают осуществлять. В 1926 году французский ученый Клод сделал доклад в Парижской академии наук о возможности построить электростанцию, работающую на использовании разницы температур на глубине моря и на его поверхности. Большинство ученых считало проект Клода фантастическим, но он, построив на свои средства небольшую электростанцию, доказал правильность своей идеи, а значит прав был

и Жюль Верн, указав на эту возможность еще в то время, когда никакие, даже самые простые и обыкновенные для нас возможности практического применения электричества не были изобретены.

V. Аппараты, управляемые по радио

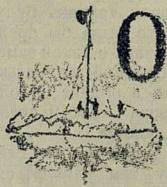
Попов и Маркони сделали первые робкие попытки телеграфной связи без проводов. Еще никто почти не говорит всерьез о возможности широкого распространения радио. Замечательный русский изобретатель радио Попов осмеян, забыт. Богатый и уже знаменитый Маркони может делать дорогие опыты на собственный счет и добивается успеха. Но этот успех еще не достигнут, а Жюль Верн — великий фантаст и мечтатель — уже заглянул в XX век и увидел то, чего не мог разглядеть никто из его современников: не только радиотелеграф, радиотелефон, телевизор, но и управление на расстоянии — по радио — летательными аппаратами и минами.

О военных летательных аппаратах, управляемых по радио, вы прочтете в романе Жюль Верна «Приключения экспедиции Барсака». Хотя на русском языке этот роман печатается впервые, написан он давно, вскоре после первых опытов Маркони.

Еще не изобретен был аэроплан, а Жюль Верн в своих мечтах уже усовершенствовал аппарат, который он описал в «Робуре-Победителе». В «Приключениях экспедиции Барсака» люди летают на машине, тоже типа геликоптера, но более простого и практического устройства, чем описанный в «Робуре». Все еще не знает Жюль Верн о двигателе внутреннего сгорания, но уже не электричество движет его самолеты, а сила расширения жидкого воздуха, переходящего в газообразное состояние. Вы скажете: здесь мечтатель ошибся: современный аэропланый мотор проще и практичнее. Да, для полетов с ограниченной скоростью и на ограниченное расстояние. Но для скоростей свыше 800 километров в

час, для расстояний в несколько десятков тысяч километров без посадки современный мотор не годится. Вы, наверно, знаете, что знаменитый русский изобретатель Циолковский придумал аппарат для преодоления огромных расстояний со скоростью, которую и вообразить трудно, — 30 тысяч километров в час. Эти аппараты — он их назвал ракетными двигателями — годятся и для полетов в безвоздушном пространстве. На них можно умчаться на луну или на Марс. А знаете ли вы, какая сила должна приводить в движение аппараты Циолковского? Сила расширения жидких газов — смеси жидкого водорода с жидким кислородом, — то есть почти то же самое, что предложил Жюль Верн. Писатель перешагнул в некоторых своих технических предвидениях не только эпоху, в которую жил, но и нашу. Над конструированием летательного аппарата, который приводится в движение расширением жидких газов, работают изобретатели наших дней.

VI. На дрейфующей льдине

вере Жюль Верн в науку, в ее безосновательность говорит еще один отрывок из малоизвестного его романа «В стране мхов». Происходит лунное затмение. Оно должно быть в этой

точке земного шара полным, но...

«— Луна уходит, уходит! — закричал астроном, задыхаясь.

— Но в чем же дело?

— А в том, — сказал астроном, — что затмение было неполное в этом месте земного шара.

— Значит, ваше вычисление неверно?

— Неверно, как бы не так!

— Но в таком случае...

— Мы не на семидесятой параллели».

Наука не может ошибаться. Раз лунное затмение оказалось неполным — значит, наблюдающие его находятся не на том месте, где были раньше. И оказалось, что люди, которые считали, что они находятся на твердой земле, на самом деле находились... на дрейфующей льдине.

Да! Этот великий писатель предусмотрел и возможность дрейфа на льдине,

осуществленного в нашей стране героями Папаниным, Кренкелем, Федоровым и Шишовым.

В романе Жюль Верна нескольким людям приходится совершать на дрейфующей льдине путешествие в 1800 миль по Северному океану, от берега Гудзона залива до Алеутских островов. Жюль Верн очень точно предусмотрел все, что с людьми может случиться на дрейфующей льдине и что на самом деле происходило со льдиной наших героев-папанинцев: торошение, образование трещин, разломы льдины. Так же, как папанинцы, люди в романе Жюль Верна к концу путешествия остаются на крохотном обломке прежде огромной льдины.

Одного только не предусмотрел Жюль Верн. Он не предусмотрел, что мужество и преданность науке людей в социалистическом обществе, где передовые люди пользуются поддержкой всего народа, побудят их добровольно провести год на льдине. Герои Жюль Верна оказались на дрейфующей льдине случайно. Им бы и в голову не пришло отправиться в это путешествие добровольно.

Все фантастические романы Жюль Верна основаны на глубоком изучении науки его времени, и потому в нашу эпоху они оказались уже не фантазией, а правдой.

Всю свою жизнь верил Жюль Верн во всемогущество науки и разума. Вот как кончает он роман об изобретателе геликоптера Робуре-Победителе:

«Кто же такой этот Робур-Победитель? Робур — это наука будущего, быть может, завтрашнего дня. Продолжает ли его геликоптер свои скитания по воздуху? Вероятно! Явится ли когда-нибудь людям новый Робур-Победитель? Конечно, и тогда он откроет свою тайну, которая изменит сразу весь политический и гражданский строй нашей жизни».

Человек — хозяин природы, хозяин жизни, — вот мечта Жюль Верна.

Он не понял, что его мечта неосуществима в том социальном строе, в котором

он жил, — в строе капитализма. Но все же он понял, что в условиях ненависти, которой пронизан капиталистический мир, науке победить трудно. Капитан Немо на своей подводной лодке, Робур на своем геликоптере скрывались от мира и ненавидели его, а мир ненавидел их. Во всех романах Жюль Верна великие изобретатели и окружающий их мир — враги. И все же они сделали огромной важности изобретения. Но без поддержки мира, без поддержки людей возможности их ограничены, изобретения не приносят пользы человечеству.

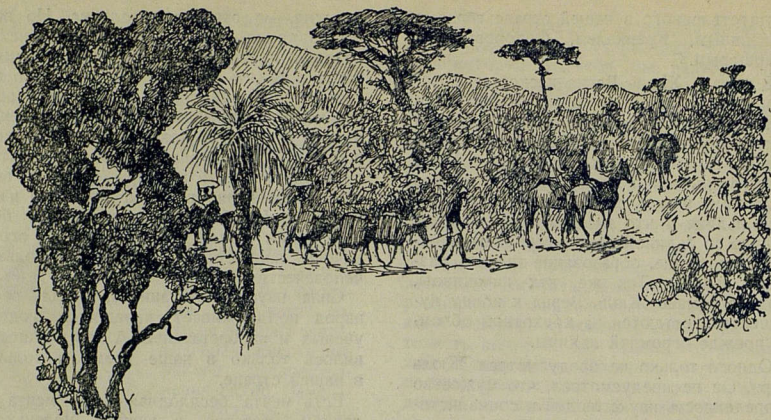
Сила науки безгранична, когда весь народ поддерживает передовых людей, ученых и изобретателей. А это осуществилось только в наше время и только в нашей стране.

Есть мечта бесплодная — это мечта о личном богатстве, о личном, маленьком счастье, мечта многих буржуазных писателей, даже самых замечательных. Есть мечта, перedefиная мир. Это прежде всего великая мечта Ленина и Сталина о счастье всего человечества. Это мечты многих великих ученых и исследователей. К таким мечтаньям относятся и мечта Циолковского о полете на луну и мечта Папанина о завоевании и освоении Северного полюса.

Мечта Жюль Верна тоже помогала переделывать мир: его романы подсаказали идеи технических изобретений Циолковскому, Клоду и многим другим.

Когда такую мечту поддерживает великий народ и мощное социалистическое государство, мечта превращается в действительность.

Робур, которому так трудно было работать и побеждать в капиталистическом обществе, переселился в нашу страну и побеждает ежедневно. На льдине, где изучается тайна мировой погоды; в лабораториях, где разлагают атом и ищут новые, невиданной мощи источники энергии; в воздухе, где осуществляются необычайные перелеты; в промышленности, где учатся извлекать из машины в десять раз больше, чем давала она прежде, — Робур побеждает всюду.

Необыкновенные приключения экспедиции Барсака

Жюль Верн

Перевод с французского А. Волкова

Рис. П. Митурича

Часть первая

I. Дело Центрального банка

Немногие преступления возбуждали всеобщее любопытство в такой мере, как смелый налет, известный под названием «Дело Центрального банка».

Грабёж произошел в расположенном около лондонской биржи Агентстве ДК Центрального банка, которым управлял тогда мистер Льюис Роберт Бакстон.

Агентство состояло из одной большой комнаты, разделенной длинной дубовой конторкой на две неравные части. Слева от входа, за репорткой, помещалась касса, сообщавшаяся зарешоченной дверью с помещением служащих. Направо дубовая конторка прерывалась на конце подвижной створкой, позволявшей проходить из части, предназначенной для публики, в помещение служащих. В глубине этого помещения находился кабинет директора Агентства. Коридор из помещения служащих вел к общему вестибюлю дома.

С одной стороны вестибюль проходил перед швейцарской. С другой, у главной лестницы, он оканчивался стеклянной двухствор-

чатой дверью, скрывавшей вход в подвалы и на черную лестницу.

Такова была обстановка, в которой развернулась эта таинственная драма.

В момент, когда она началась, в пять часов без двадцати минут, пять служащих Агентства занимались обычной работой. Кассир под защитой решетки подсчитывал наличность, достигшую в тот день внушительной суммы в 72 079 фунтов, 2 шиллинга и 4 пенса. Через двадцать минут Агентство должно было закрыться, и служащие могли разойтись, закончив трудовой день.

В это время открылась дверь, и вошел человек. Он бросил быстрый взгляд в контору, полуобернулся и сделал наружу, без сомнения, по адресу компаньона, оставшегося на тротуаре, жест правой рукой, большой, указательный и средний пальцы его ясно изобразили число три.

Подал сигнал, человек закрыл дверь, вошел в бюро и занял очередь позади одного из клиентов, показывая, таким образом, намерение дожидаться, когда этот клиент кончит и уйдет.

Один из двух свободных служащих поднялся и спросил:

— Чего вы хотите, сударь?

— Благодарю вас,—ответил новый посетитель,—я подожду.

Служащий уселся и продолжал свою работу. Человек ждал, и никто не обращал на него внимания.

А между тем внешность его была весьма странной. Это был здоровяк высокого роста. Судя по ширине плеч, он обладал необыкновенной силой. Великолепная белокурая борода окаймляла его смуглое лицо. Об его общественном положении нельзя было судить: костюм его был скрыт длинным плащом.

Предыдущий клиент кончил свое дело, человек в плаще стал на его место и вступил в беседу со служащим. В это время посетитель, которого он заменил, открыл наружную дверь и вышел из Агентства. Дверь немедленно открылась и дала проход второму субъекту, настолько же странному, как первый, копией которого он являлся: тот же рост, та же ширина плеч, такая же белокурая борода, окружающая загорелое лицо, такой же длинный плащ скрывал его одежду.

Этот второй субъект поступил, как его двойник: он терпеливо ожидал позади одного из двух посетителей, еще стоявших у конторки, потом, когда пришла его очередь, завел разговор с освободившимся служащим; клиент в это время вышел на улицу.

И, как перед этим, дверь тотчас же открылась. Третий человек вошел и занял очередь за последним из трех первоначальных клиентов. Среднего роста, широкий и коренастый, с красным лицом, но оттененным черной бородой, он одновременно и отличался и походил на тех, что вошли прежде.

Наконец, лишь только последний из трех посетителей, которые до этого находились в Агентстве, закончил дела и освободил место, как открывшаяся дверь дала проход сразу двоим. Эти два человека были одеты в длинные пальто, обычно называемые ульстерами, густые бороды украшали их красные лица.

Они вошли странным образом: более высокий вошел первым и, едва войдя, остановился так, что закрыл своего компаньона; тот, притворившись, будто зацепился за ручку двери, проделал с ней какую-то таинственную операцию. Задержка продолжалась одно мгновение, и дверь тотчас закрылась, но наружная ручка ее исчезла. Извне никто, таким образом, не мог больше войти в контору; мало того: на двери было наклеено объявление, что Агентство закрыто.

Служащие не подозревали о том, что были отрезаны от внешнего мира.

Двое незанятых служащих устремились ко вновь пришедшим. Один из запоздалых клиентов принял услугу, в то время как другой, более высокий, пожелал переговорить с директором.

— Я посмотрю, здесь ли он,—был ответ.

Служащий исчез на момент и тотчас появился.

— Потрудитесь войти!—предложил он, открывая подвижную створку в конце конторы.

Человек в ульстере прошел в кабинет директора, тогда как служащий, закрыв за ним дверь, вернулся к работе.

Что произошло между директором Агентства и его посетителем? Персонал впоследствии уверял, что он ничего не знает о сцене, которая разыгралась за закрытой дверью.

Одно достоверно: не прошло и двух минут, как дверь снова открылась и человек в ульстере появился на пороге. Он произнес совершенно спокойным тоном:

— Пожалуйста... Господин директор желает говорить с кассиром.

— Хорошо, сударь,—ответил тот из служащих, который не был занят. Повернувшись, он позвал: — Стор! Вас спрашивает директор.

— Иду!—ответил кассир.

С аккуратностью, свойственной людям его профессии, кассир бросил в несгораемый шкаф портфель и три мешка, содержавших в билетах и звонкой монете кассовую наличность, захлопнула тяжелую дверь, потом, опустив свое окошечко, вышел из зарешеченной клетки и, заботливо закрыв ее за собой, направился к кабинету начальника. Ожидавший его посетитель пропустил кассира и вошел вслед за ним.

Войдя в кабинет, Стор с изумлением заметил, что комната была пуста. Но ему не хватало времени раз'яснить загадку: стальные руки схватили его за горло. Напрасно он пытался биться, кричать: убийственные руки сжимали его все крепче, пока он не повалился на ковер без чувств.

Ни малейший шум не обнаружил этого свирепого нападения. В большой зале служащие спокойно продолжали работу: четверо—занятые с клиентами, отделенными от них конторкой, пятый—погруженный в расчеты.

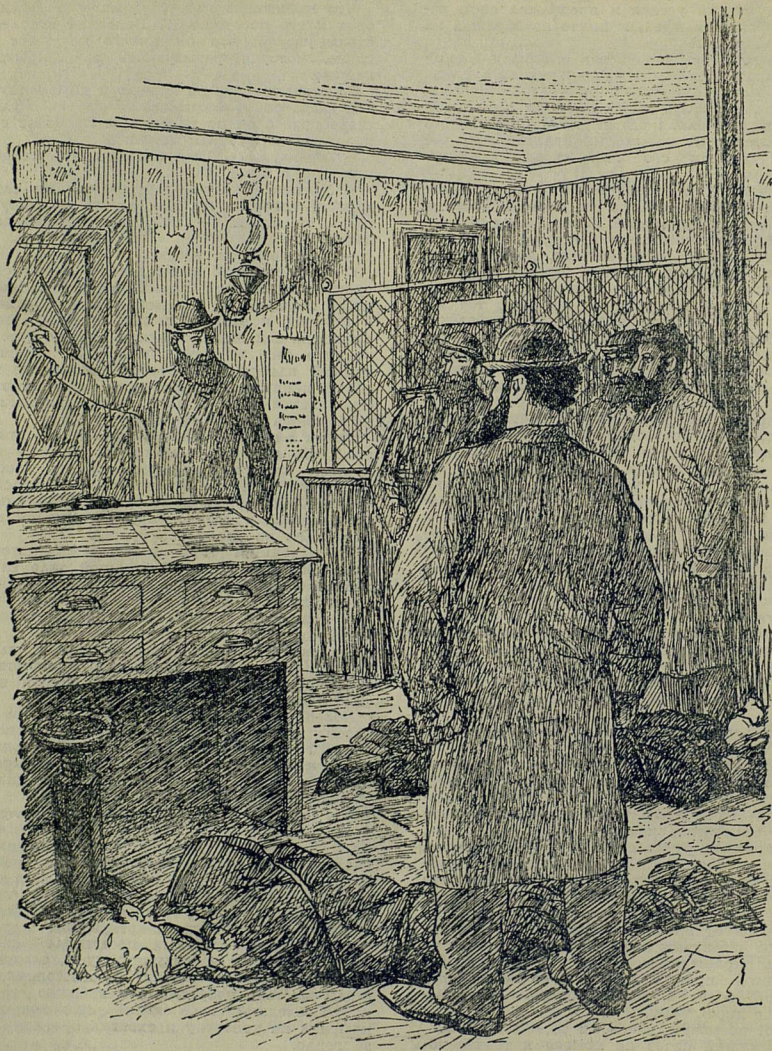
Человек в ульстере вытер со лба капли пота, потом наклонился к своей жертве. Быстро и ловко он связал кассира и заткнул ему рот.

Покончив с этим, он приоткрыла дверь и бросил взгляд в большую залу. Удовлетворенный осмотром, он кашлянул как бы для того, чтобы привлечь внимание четырех странных запоздалых клиентов, потом одним толчком открыл дверь.

Это было, без сомнения, заранее условленный сигнал к сцене, буквально фантастической. Человек в ульстере пересек одним прыжком залу и, обрушившись как гром на одинокого счетовода, безжалостно стал душить его. Клиент, стоявший у конца конторки, перепрыгнул через дверь и опрокинул навзничь служащего, который был перед ним. Из трех остальных посетителей двое протянули руки через конторку и, схватив за горло своих почтительных собеседников, стали жестоко ударять их о дубовую стойку. Последний же, самый низкорослый, прыгнул на конторку и схватил противника за горло.

Не раздалось ни одного крика. Драма продолжалась не более тридцати секунд.

Битва кончилась. Жертвы потеряли сознание. План налета был продуман до мель-

— Не забудьте о простофилах! Вы помните приказ?

чайших подробностей. Из карманов нападающих сразу появились необходимые принадлежности. Рты всех служащих банка были заткнуты ватой и завязаны, хотя это и грозило жертвам смертью от удушья, руки были завернуты назад и скручены, ноги крепко связаны и вытянутые тела опутаны проволокой.

Все было кончено в одно мгновение. Одним движением пять нападающих выпрямились.

— Шторы!—приказал тот, что просил свидания с директором. Он, очевидно, командовал. Трое бандитов бросились к железным ручкояткам у витрин. Станки начали спускаться, постепенно заглушая уличный шум.

Приступили к разборке кассы. Ценные бумаги, акции и облигации, отброшенные в сторону, усеяли паркет. Банковские билеты и золотого были разделены на пять частей—по числу бандитов.

— Минутку!—вскричал главарь.—Условимся обо всем. Когда я отправлюсь, останьтесь здесь. Потом,—добавил он, показывая на коридор, открывавшийся в глубине залы,—выйдите отсюда. Последний закроет дверь двойным оборотом и бросит ключ в водосток,—он указал пальцем на кабинет директора:—Не забудьте о простофиле! Вы помните приказ?

— Да, да!—отвечали ему.—Будь спокоен.

— Пласти бросьте в угол. Пусть их здесь найдут. Важно, чтобы их не видели больше на наших спинах. Встретимся, знаете, где... В путь!

В половине шестого мистер Лазон, банковский контролер позвонил в Агентство ДК. Он не получил ответа: воры сняли трубку, чтобы избежать звонков, настойчивость которых могла возбудить внимание соседей. Контролер удовлетворился тем, что обвинил телефонистку.

Но время шло, и он сделал вторую попытку. Она осталась бесплодной, как и первая, и телефонная станция уверила его, что Агентство ДК не отвечает. Контролер послал банковского рассыльного узнать, почему не отвечает. В половине седьмого рассыльный воротился. Он сообщил, что Агентство закрыто и внутри никого нет.

Контролер удивился: был один из последних дней месяца, когда персоналу приходится иногда работать до девяти часов.

Тогда же телефоны заработали по всем направлениям. Около восьми часов наряд полиции открывал двери Агентства ДК при помощи приглашенного слесаря.

Читатель уже знает, что там должны были найти.

Дознание началось немедленно. К счастью, никто из служащих Агентства не умер. Полузадушенные, они валялись без чувств, когда к ним явилась помощь.

После продолжительных забот их привели в сознание. Но они могли дать лишь самые скудные сведения: пять бородатых людей, одетых в длинные плащи и в пальто-ульстеры, напали на них и повалили. Больше они ничего не знали.

Не было сомнений в их чистосердечности. Пять пальто лежали в углу, как будто преступники хотели оставить следы своего пребывания. Впрочем, эти одеяния, тщательно

исследованные лучшими сыщиками Скотланд-Ярда, не дали следствию никакой нити. Сделанные из обычной, ходовой материи, они не носили марки портного или магазина.

Следователь больше ничего не узнал. Напрасно он расспрашивал свидетелей, из них ничего нельзя было вытнуть.

Последним важным свидетелем был швейцар дома. Дверь Агентства была закрыта внутренним ставнем, следовательно, преступники вышли через общий вестибюль дома. Швейцар должен был их видеть. Но в этот день он не заметил ничего подозрительного.

Порывшись в памяти, он назвал имена четырех жильцов, которые прошли через вестибюль незадолго до преступления или немного спустя. Жильцы были немедленно допрошены; они оказались людьми безукоризненно честными и выходили пообедать.

Швейцар сказал также о разносчике угля, который явился с обемистым мешком около половины восьмого, незадолго до появления полиции, и на которого он обратил внимание только потому, что не принято доставлять уголь в подобный час. Разносчик так настойчиво спрашивал жильца из пятого этажа, что швейцару пришлось пропустить его и указать черную лестницу.

Разносчик угля поднялся, не спустился через четверть часа, таща свой мешок. Спрошенный швейцаром, он сказал, что ошибся адресом. Говорил он прерывающимся голосом, как человек, поднявшийся на пятый этаж с тяжелой ношей на плечах. На улице он положил мешок в ручную тележку и отправился, не слишком спеша.

— Знаете ли вы,—спросил следователь,—от какой фирмы был разносчик?

Швейцар этого не знал.

Следователь допросил жильца пятого этажа. Разносчик угля действительно звонил у черной двери около половины восьмого. Служанка уверила его в ошибке, и тот ушел, не являвая. Но свидетельские показания в этом пункте не сходились, так как служанка из пятого этажа заявляла, что с человеком не было никакого мешка.

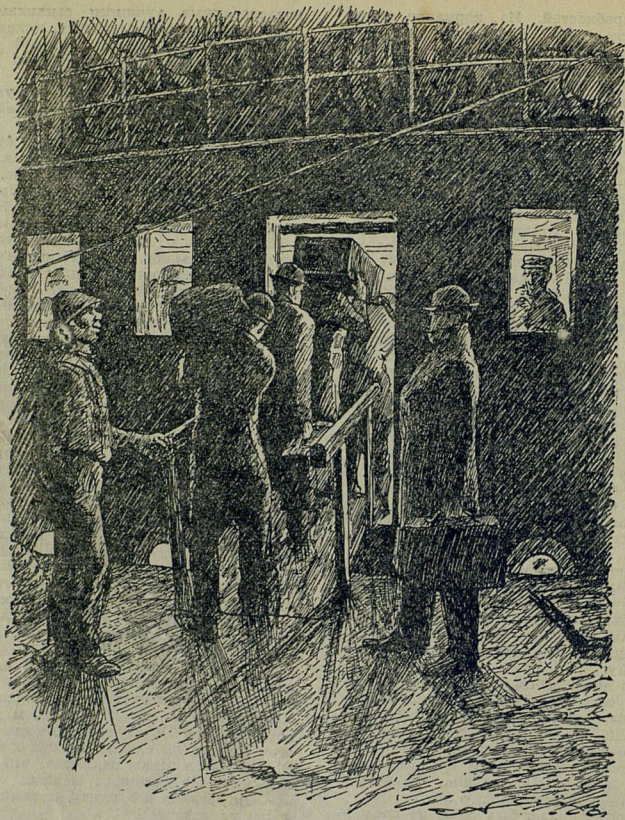
— Он оставил его внизу, поднимаясь,—объяснил следователь.

Скоро оказалось, что это объяснение было недостаточным, так как в подвале нашли содержимое мешка. Было очевидно, что тайный разносчик угля опорожнил там принесенный им мешок. Но тогда что он унес, так как по показаниям швейцара, мешок при уходе разносчика не казался не менее полным, не менее тяжелым, чем при его приходе?

— Не будем пока этим заниматься,—заключил следователь, отказываясь от разрешения непосильной задачи.—Это выяснится завтра,—он шел по следу, который считал наиболее важным, и не хотел отклоняться в сторону.

В самом деле, весь персонал Агентства был налицо. Но лицо самое значительное, директор мистер Льюис Роберт Бакстон, исчезло.

Служащие не могли дать никаких объяснений на этот счет. Закладочение напрашива-

В порту, у набережной, их ожидал пароход.

лось само собой: если было несомненно, что Агентство подверглось нападению пяти переселенных и загмированных бандитов, то несомненно было и то, что эти бандиты имели сообщника на месте и этим сообщником был сам директор.

Вот почему еще до окончания детального следствия немедленно был подписан приказ об аресте Льюиса Роберта Бакстона, директора Агентства ДК Центрального банка. Его приметы были телеграфно сообщены по всем направлениям.

Виновный еще не мог покинуть Англию, его, без сомнения, арестуют внутри страны или в порту. Убаюкивая себя такой приятной перспективой, следователь и сыщик отправились спать.

В эту ночь пять загорелых людей, одни гладко выбритые, другие с усами, вышли в Суутгемтоне из лондонского экспреса. После выгрузки нескольких тюков и одного громадного тяжелого ящика, они наняли карету в порт, где у набережной их ожидал пароход, из трубы которого валил густой дым.

С четырехчасовым приливом, когда спал весь Суутгемттон, где еще не знали о преступлении в Агентстве ДК, пароход вышел из гавани, миновал мол и направился в открытое море, нагруженный разными безобидными товарами, с назначением в Котоноу, порт в Дагомее.

В этот ранний час полиция, прервав следствие, наслаждалась заслуженным отдыхом.

На завтра дознание было возобновлено, но,

как известно, не привело ни к чему. Дни проходили за днями, пять преступников оставались неизвестными. Льюис Роберт Бакстон не был разыскан. Никакой луч света не мог осветить непроницаемую тайну. Выбившись из сил, делю прекратили.

Последующий рассказ дает полное разрешение загадки. Читателю предоставляется право сказать, мог ли он вообразить что-нибудь более неожиданное и более странное.

II. Экспедиция

Конакри, столица французской Гвинеи и резиденция губернатора, — очень приятный город. Это самый здоровый береговой пункт. Там много представителей белой расы, особенно французов и англичан.

Но во время событий, составляющих сюжет этого рассказа, Конакри еще не достиг процветания и был просто большим местечком.

27 ноября в Конакри был праздник. По приглашению губернатора г. Генри Вальдона население собралось у моря, готовое горячо встретить знатных путешественников, которые вот-вот должны были высадиться с парохода «Туат».

Влиятельные особы, так взбурдажившие город Конакри, составляли персонал экспедиции, посланной центральными властями для исследования области Судана, известной под названием «Пегла Нигера».

За несколько месяцев до того, во время прений по колониальным вопросам, французская палата депутатов разделилась на численно равные партии, которые вела в бой два непримиримых противника.

Одного из них звали Барсак, другого — Бодрьер. Первый — толстенный, с небольшим брышком — носил пышную черную бороду всером. Веселый и симпатичный южанин из Прованса, с громким голосом, Барсак был одарен если не красноречием, то, по крайней мере, многоречивостью. Бодрьер, депутат одного из северных департаментов, тощий, угловатый, с сухим лицом, с жиденькими усами, оттеняющими тонкие губы, был замкнут и имел печальный вид.

Оба депутата с давних пор посвятили себя колониальным вопросам, и оба прославились авторитетами. Но их терпеливые труды редко приводили к одинаковым выводам. Если Барсак излагал свое мнение по какому-нибудь вопросу, можно было держать пари, что Бодрьер будет утверждать обратное.

На этот раз Барсак и Бодрьер не хотели уступить ни на волосок, и спор длился без конца. Он начался по случаю внесения Барсаком законопроекта о создании пяти депутатских мест для Сенегамбии, Верхней Гвинеи и части французского Судана, расположенной к западу от Нигера, и о предоставлении неграм права избирать и быть избранными. Тотчас же, как обычно, Бодрьер энергично выступил против предложения Барсака, и два непримиримых противника осыпали друг друга карточью аргументов.

Первый, ссылаясь на свидетельства военных и гражданских путешественников, заявлял, что негры уже достигли довольно вы-

сокой степени цивилизации. Он добавил, что мало отменить рабство: надо дать покоренным народам те же права, что имеют победители, и, кстати, при шумных аплодисментах части палаты, произнес великие слова: «Свобода, равенство и братство».

Другой, напротив, объяснял, что негры еще коснеют в самом постыдном варварстве и что не может быть и речи о том, чтобы дать им право голоса. Он добавил, что, во всяком случае, момент неблагоприятен для такого опасного опыта и что следовало бы усилить оккупационные войска, так как тревожные признаки заставляют опасаться близкой смуты в этих краях. Он, как и его противник, привел мнение путешественников и в заключение потребовал новой интервенционной армии, провозгласив с патриотической энергией, что владения, завоеванные французской кровью, священны и неприкосновенны. Ему так же яростно аплодировала другая часть палаты.

Министр колоний затруднялся стать на сторону одного из двух пылких ораторов. Его тревожили известия о волнениях и грабежах в «Пегле Нигера» и Сенегамбии; целые деревни, неизвестно почему, были покинуты обитателями; появились таинственные слухи о каком-то независимом государстве, которое начало образовываться в неведомом пункте Африки.

Спор продолжался, когда один из депутатов, измучившись, крикнул среди шума:

— Раз не могут сговориться, пусть посмотрят сами!

Предложение имело успех. Его тут же приняли, и министерству было предложено организовать экспедицию, которая обследует «Пеглу Нигера» и по отчету которой палата примет окончательное решение.

Труднее оказалось выбрать начальника экспедиции: два раза Барсак и Бодрьер получили равное количество голосов. Надо было с этим покончить.

— Чорт возьми! Назначим обоих! — вскричал какой-то насмешник.

Эта мысль была с энтузиазмом принята палатой, которая, без сомнения, увидела в ней средство не слышать разговоров о колониях в течение нескольких месяцев. Барсак и Бодрьер были избраны, и возраст должен был решить, кто из них будет первенствовать. Преимущество выпало Барсаку, он оказался старше на три дня. Оскорбленному Бодрьеру пришлось удовлетвориться ролью помощника.

В экспедицию правительство включало еще несколько человек, менее блестящих, но, быть может, более полезных, так что по прибытии в Конакри она состояла из семи членов, включая Барсака и Бодрьера.

Среди прочих выделялся доктор Шатоннэй, замечательный медик; рост его превышал пять футов восемь дюймов; его веселую физиономию венчала курчавая шевелюра, совершенно седая, хотя ему было всего 50 лет, густые усы его были белы как снег. Доктор Шатоннэй был превосходный человек, чувствительный и веселый, шумно смеявшийся по всякому поводу.

Можно еще отметить г. Исидора Тассэна, корреспондента Географического общества, маленького сухого решительного человека и страшного географа.

Последних трех членов экспедиции, гг. Понсона, Кирье и Хейрье—чиновников разных министерств,—не замечали: это были самые обыкновенные люди.

Помимо этого официального ядра в экспедиции участвовал восьмой путешественник, блондин энергичного и решительного вида, по имени Амедей Флоранс, корреспондент газеты «Экспансьон Франсез».

Таковы были особы, высадившиеся 27 ноября с парохода «Туат».

На месте высадки губернатор г. Вальдон, сопровождаемый главным чиновником Конакри, торжественно приветствовал вновь прибывших. Он был краток, и его небольшая речь имела заслуженный успех. Ему отвечал Барсак. Потом отправились в резиденцию губернатора, где члены экспедиции должны были в продолжение трех дней разработать подробный маршрут.

Область, затронутая законопроектом Барсака, превышала 1500 тысяч квадратных километров. Это почти вдвое больше территории Франции. В пути экспедиция должна была разделиться, чтобы увеличить район своих действий. Выехав из Конакри, путешественники отправились сначала в Канкан через Уоссу, Тимбо—важный центр южного Фула-Джаон—и Куруссу—станцию, построенную на Нигере, недалеко от его истоков.

Из Канкана они пройдут через Форабу, Форабакуру, Тиолу, Уассулу и Кенедугу до Сикассо, главного города страны того же названия.

В Сикассо, за 1100 километров от моря, экспедиция разделится на две части. Одна, под начальством Бодрьера, снова спустится к югу, направится в область Конго и достигнет ее столицы через Ситардугу, Ниамбуамбо и различные, более или менее значительные поселения. Из Конго она двинется в Бауле, чтобы достигнуть, наконец, в Гран-Бассаме Берега слоновой кости.

Другая часть, с Барсаком, будет продолжать путь к востоку, пройдет через Уагадугу и достигнет Нигера в Сэе, потом, идя параллельно реке, она пересечет Мосси и, наконец, через Гурму и Бургу кончит путь в Когоноу, на дагомейском берегу.

Считая изгибы пути и неизбежные замедления, нужно было ожидать, что путешествие продлится не менее восьми месяцев для первой части и от десяти до двенадцати—для второй. Отправившись вместе 1 декабря из Конакри, Бодрьер достигнет Гран-Бассамы не ранее 1 августа, а Барсак прибудет в Когоноу не ранее 1 октября.

Таким образом, речь шла о долгом путешествии.

30 ноября, накануне отъезда, Барсак, усталый от прогулки под раскаленным солнцем Конакри, вернулся к себе. Он блаженно обмахивался, когда вестовой доложил, что две особы просят их принять.

— Кто это? — спросил Барсак.

Вестовой показал жестом, что он не знает.

— Пусть войдут, — сказал Барсак.

Часы показывали шесть. Принимая во внимание разницу в долготе, это был тот самый момент, когда началось нападение на Агентство ДК Центрального банка, описанное в первой главе нашего рассказа.

Посетители, мужчина лет сорока, сопровождаемый девушкой от двадцати до двадцати

пяти лет, были введены в комнату, где Барсак вкушала прелесть отдыха.

Мужчина был очень высок. Пара бесконечно длинных ног поддерживала короткое туловище, оканчивавшееся длинной костявой шеей, которая служила pedestalом для сильно вытянутой вверх головы. У него были живые глаза, большой нос, толстые губы, над которыми неумолимая бритва уничтожила растительность. Короткие бакенбарды и венчик курчавых рыжих волос окружали основание голого блестящего черепа. Этот портрет избавляет от необходимости говорить, что мужчина был некрасив, но безобразие его было симпатично: его толстые губы выражали чистосердечие, а в глазах сверкала лукавая доброта.

За ним шла молодая девушка. Высокая, тонкая, с изящной талией, со свежим, красивым ртом, с тонким прямым носом, большими глазами и пышной шевелюрой черных волос, она была совершенной красавицей.

Барсак предложил посетителям сесть, и мужчина заговорил:

— Простите нас, господин депутат, за беспочвенность и извините, что мы сами вам представимся. Меня зовут Аженор де Сен-Берен, домовладелец, холостик и гражданин города Ренна,—рассказав таким образом о своем общественном положении, Аженор де Сен-Берен сделал небольшую паузу, потом представил: — Мадмузель Жанна Морна, моя тетка.

— Ваша тетка? — повторил Барсак.

— Да, Мадмузель Морна—действительно моя тетка, — уверил Аженор де Сен-Берен, в то время как веселая улыбка полуоткрыла губы молодой девушки.

Ее прекрасное лицо, единственным недостатком которого была излишняя серьезность, сразу осветлилось.

— Господин де Сен-Берен,—объяснила она с легким английским акцентом,—по праву носит звание моего племянника и никогда не упускает случая объявить нашу степень родства.

— Это меня молодит, — прервал племянник.

— Но, — продолжала Жанна Морна, — раз эффект произведен и его законное право установлено, он соглашается переменить роли и становится дядюшкой Аженором, каковым, по семейной традиции, он всегда был с моего рождения.

— И что больше подходит к моему возрасту, — объяснил дядя-племянник. — Но позвольте мне, господин депутат, объяснить цель нашего прихода. Мадмузель Морна и я—исследователи. Моя тетка-племянница—неустрашимая путешественница, а я как добрый дядюшка-племянник позволял ей долечь себя в эти отдаленные страны. Мы намерены устремиться внутрь страны в рискованные поисках новых впечатлений и зрелищ. Наши приготовления закончены, и мы готовы были выехать, как узнали, что по нашему пути должна отправиться экспедиция. Я тогда сказал мадмузель Морна, что, как ни спокойна эта страна, мне кажется, нам следует присоединиться к экс-

Посетители, мужчина лет сорока, сопровождаемый девушкой от двадцати до двадцати пяти лет, были введены к Барсаку.

педиции, если только нас захотят принять. Мы пришли просить у вас разрешения сделать путешествие вместе с вами.

— Принципиально я не вижу в этом никаких неудобств,—ответил Барсак,—но я должен, вы понимаете, посоветоваться с моими товарищами.

— Это вполне естественно,—одобрил Сен-Берен.

— Может быть,—предположил Барсак,—они побоятся, что присутствие женщины замедлит наш путь и будет несомненно с выполнением нашей программы... В этом случае...

— Пусть они не боятся!—запротестовала дядюшка Аженор.—Мадмуазель Морна — настоящий мальчик. Она сама просит вас рассматривать ее как товарища.

— Конечно,—подтвердила Жанна Морна.— Я добавлю, что с материальной точки зрения мы вас ничуть не стесним. У нас есть лошади и носильщики, и мы даже наняли проводников и переводчиков — двух бамбара — старых сенегальских стрелков. Вы видите, что нас безобозначенно можно принять.

— В таких условиях, в самом деле... — признался Барсак.— Я поговорю с коллегами сегодня же вечером, и если они со мной согласятся, это — решенное дело. Где я смогу дать вам окончательный ответ?

— Завтра, в момент отправления, так как, во всяком случае, мы покидаем Конакри завтра.

Посетители простились.

Барсак передал своим коллегам их просьбу. Она встретила благоприятный прием, и экспедиция Барсака увеличилась двумя новыми членами. В ней было теперь десять человек, не считая носильщиков и конвоя.

III. Лорд Бакстон Гленор

В момент, когда начинается этот рассказ, прошло уже годы, как лорд Бакстон нигде не бывал. Двери замка Гленор, где он обитал, в сердце Англии, около горodka Утокзетера, не открывались для посетителей, а окна его личных апартаментов упорно оставались закрытыми. Заточение лорда Бакстона было вызвано драмой, которая омрачала честь его семьи, разбила его жизнь.

За шестьдесят лет до того, что рассказанных событий лорд Бакстон прямо со скамьи военной школы вошел в общество, получив от предков богатство, знатное имя и славу.

Двадцати двух лет Эдуард Алан Бакстон женился на молодой девушке из одной знатнейшей английской семьи; через год после свадьбы родился дочь. Это было разочарованием для Эдуарда Бакстона, и он стал нетерпеливо ждать второго ребенка.

Только через двадцать лет леди Бакстон подарила ему желанного сына, получившего имя Джорджа; почти в это же время его дочь, вышедшая замуж за француза де Сен-Берена, родила сына Аженора.

Прошло еще пять лет, и у лорда Гленора родился второй сын, Льюис Роберт, которому судьба, тридцать пять лет спустя, пред-

назначила такую прискорбную роль в драме Центрального банка. Рождение его стоило жизни матери, и лорд Бакстон навсегда потерял ту, которая в продолжение четверти века была его подругой.

Лорд Бакстон, угнетенный, разочарованный, отказался от честолюбивых замыслов и, хотя был еще сравнительно молод, покинул флот, где служил со времени окончания школы.

Долгие годы он жил очень замкнуто, но время смягчило горе. После девяти лет одиночества лорд Бакстон попытался восстановить разрушенный семейный очаг: он женился на вдове товарища по военной службе Маргарите Фернэй, принесшей ему вместо приданого шестнадцатилетнего сына Вильяма.

Но судьба решила, чтобы лорд Гленор пришел одиноком к концу жизненного пути: несколько лет спустя у него родился четвертый ребенок, дочь, названная Жанной, и он вторично стал вдовцом.

Лорду Гленору было в то время шестьдесят лет. В этом возрасте он уже не думал больше заново строить жизнь и целиком отдался выполнению отцовского долга. Если не считать первой дочери, госпожи де Сен-Берен, дано уже ускользнувшей от его забот, у него еще оставалось четверо детей, из которых старшему едва было двадцать лет,—это был Вильям Фернэй, которого он не отделил от двух своих кровных сыновей и дочери.

Но судьба не истощила своих жестокоостей, и лорду Гленору суждено было узнать страдание, перед которым прежнее горе показалось ему очень легким.

Первые огорчения причинил ему Вильям Фернэй, сын умершей жены, которого он любил как собственного сына. Скрытный, сварливый, лицемерный, этот молодой человек не отвечал на нежность, которую ему расточали, и оставался одиноком в семье, так широко раскрывшей для него свой дом и свои сердца. Он был нечувствителен ко всем доказательствам привязанности, которые ему давали. Напротив, чем больше к нему проявляли участия, тем больше он уединялся; чем больше ему выказывали дружбы, тем больше он ненавидел окружающих.

С первого дня, когда они с матерью вошли в замок Гленор, он затаил жестокую ненависть к Джорджу и Льюису, наследникам лорда Бакстона, которые когда-нибудь станут богаты.

Эта ненависть возросла, когда родилась Жанна, его сестра по крови: ведь она также разделила богатство, от которого он был отстранен и от которого ему лишь из милости достанется скромная часть. Когда умерла его мать и когда исчезло единственное существо, которое могло найти дорогу к этому узавленному сердцу, уже ничто не могло укротить эту ненависть. Завистник все дальше уходил от семьи и вел обособленную жизнь, тайну которой позволили разгадать только постоянные скандалы. Стало известно, что Вильям Фернэй сошелся с

самыми испорченными молодыми людьми, каких он только смог найти.

Скоро появились доги. Лорд вначале оплачивал их, потом перестал.

Вынужденный существовать на скромные средства, Вильям Ферней не изменил образа жизни. Долго не могли понять, откуда он добывал деньги, но однажды в замок Гленор был представлен вексель на крупную сумму с ловко подделанной подписью лорда Бакстона. Лорд уплатил, не сказав ни слова, но изгнал виновного из замка, все же назначив ему хорошее содержание.

Вильям Ферней покинул замок Гленор и исчез. Что с ним случилось, лорд Бакстон не знал.

К счастью, собственные дети давали ему столько же удовольствия, сколько тяготой причинил чужой ребенок. Старший, Джордж, продолжая семейные традиции, первым окончил школу в Аскотте и в поисках приключений поступил в колониальную армию. К большому сожалению лорда Бакстона, второй сын, Льюис, выказал менее воинственные вкусы, но во всех остальных отношениях был достоин его любви. Это был мальчик положительный, методичный, серьезный.

Жизнь молодых людей шла своим чередом. У Льюиса укрепилось призвание к деловой карьере. Он поступил в Центральный банк, где его высоко оценили и уже предсказывали, что придет время, когда он станет во главе этого колоссального учреждения. В это время Джордж, переезжая из одной колонии в другую, сделался в некотором роде героем и завоевывал свои чины шпагой.

Лорд Бакстон уже думал, что он покончил с враждебной судьбой, когда его внезапно обременило несчастье, более ужасное, чем все испытанное им до сих пор. На этот раз незапятнанная честь Гленоров была навсегда замазана.

Джордж Бакстон, старший сын лорда Гленора, временно находившийся за штатом, поступил на службу крупной изыскательной компании. В продолжение двух лет во главе полурегулярного отряда, набранного компаниями, он бороздил страну авантюристы, когда вдруг стало известно, что сын лорда оказался главарем банды. Новость распространилась как громовой удар. Газеты со всеми подробностями рассказали о преступлениях капитана Бакстона и его людей, превратившихся в авантюристов, об их грабежах, вымогательствах и жестокостях, а о последовавшем за этим возмездии. Шайку бандитов беспощадно преследовали посланные против нее войска; капитан Бакстон, отнесенный с частью сообщников на территорию, находившуюся под французским влиянием, был, наконец, достигнут возле деревни Кубо, у подножия гор Хомбори, он был убит первым же залпом.

Еще памятно волнение, потрясшее Англию, когда она узнала об этой удивительной авантюре. Потом волнение улеглось, и саван забвения покрыл мертвецов.

Но было жилище, где память об одном из

них осталась навсегда. Это было жилище лорда Бакстона.

Пораженный сразу и в страстной любви к сыну и в своей чести, которая была ему еще дороже, старый моряк, приближавшийся тогда к семьеяст пятой годовщины, не согнулся под ударом, и только бледность на лице выдавала его горе. Не задав ни одного вопроса о нестерпимом для него событии, он замкнулся в высокомерном одиночестве и гордом молчании.

Начиная с этого дня, он перестал делать ежедневные прогулки. Закрывшись в доме от всех, даже от самых дорогих друзей, он жил в заточении, почти недвижимый, немой, одинокий.

Одиноким? Не совсем. Три существа еще оставались около него, находя в почтении, которое он им внушал, силы выносить это ужасное существование с живой статуей, с призраком, еще сохранившим силу живого человека, но добровольно замуровавшим себя в вечном молчании.

Прежде всего, это был его второй сын, Льюис Роберт Бакстон, еженедельно проводивший в Гленоре день, свободный от занятий в Центральном банке.

Это был потом его внук, Аженор де Сен-Берен, пытавшийся развесялить добродушной улыбкой жилище, мрачное как монастырь. Аженор де Сен-Берен был превосходный человек, услужливый, обязательный, с чувствительным сердцем и непоколебимой верностью. Три особенности отличали его от остальных людей: невероятная рассеянность, необузданная страсть к ужению рыбы и, наконец, свирепое отвращение к женскому полу.

Владелец хорошего состояния, унаследованного от умерших родителей, он покинул Францию при первом известии о драме, поразившей его деда, и устроился в соседней с замком вилле. Около виллы протекала речка, в которую Аженор погружал свои удочки с усердием, столько же горячим, сколько необъяснимым.

Зачем было, в самом деле, вкладывать столько страсти в это занятие, раз он всегда думал о другом, и все рыбы в мире могли клевать, а он даже не замечал поплавок? И больше того: если какая-нибудь уклейка или пескарь, сумевшие переупрямить рассеянного рыболова, сами себя подсекали, чувствительный Аженор без колебаний спешил бросить рыбку обратно в воду.

Хороший человек, как мы уже сказали. Но что за предрассудок было это его свирепое отношение к женщинам! Он приписывал им все недостатки, все пороки. «Обманчивые, вероломные, лживые, расточительные», — провозглашал он обычно. Неприязнь к женскому полу допускала у него лишь одно исключение. Привилегированной особой была Жанна Бакстон, последняя из детей лорда Гленора, следовательно, тетка Аженора, но тетка почти на два десятка лет моложе его, тетка, которую он знал совсем маленькой, которую учил ходить и покровителем которой стал, когда несчастный лорд удалился от мира. Он питал к ней

поистине отеческую привязанность, которую, впрочем, молодая девушка ему вполне возвращала. Вообще говоря, это был наставник, но наставник, делающий все, что хотела ученица. Они не расставались. Они вместе гуляли по лесам пешком или на лошадях, плавали в лодке, охотились и занимались всевозможным спортом, что позволяло старому племяннику говорить о своей юной тетке, воспитанной как мальчик: «Вы увидите, что она в конце концов сделается мужчиной!»

Жанна Бакстон была третьей особой, расставшей свои заботы старому лорду и окружившей его печальную старость почти материнской заботой. Она отдала бы жизнь, чтобы увидеть его улыбку. Возвратить хотя бы немного счастья в уязвленную душу отца — эта мысль ее не покидала. Это была единственная цель всех ее замыслов, всех поступков.

В период той драмы, когда ее брат нашел смерть, она видела, как отец больше плакал над своим обесчлавленным именем чем над жалким концом сына, пораженного справедливым возмездием. Она же, напротив, не плакала.

Она не была равнодушна к потере нежного любимого брата и к пятну, которым его преступление замарало честь семьи. Но в то же время ее сердце вместе с горем испытывало возмущение. Как! Льюис и отец так легко поверили в позор Джорджа! Без колебаний они приняли как доказанные все обвинения, пришедшие из заморской дали! Что значат эти непроверенные слухи и донесения? Против них восставала глубокая уверенность Жанны в невиновности брата. В то время как весь свет отрекся от бедного мертвеца, она чтит его память, и ее вера в него никогда не угасала.

Время только усилило первые впечатления Жанны Бакстон. По мере того как проходили дни, все горячее становилось ее убеждение в невиновности брата, хотя она и не могла поддержать его никакими доказательствами. Пришел, наконец, момент — это было несколько лет спустя после драмы, — когда она в первый раз осмелилась нарушить то абсолютное молчание, которым, по немому соглашению, все обитатели замка окружали трагедию в Кубо.

— Дядюшка? — спросила она в этот день Аженора де Сен-Верена.

Аженор обычно звал Жанну племянницей, тогда как та присудила ему титул дяди. Так было всегда.

Впрочем, нет... Если выходило так, что этот дядя давал повод для жалоб своей мнимой племяннице или же рещался противоречить ее воле, это последняя немедленно принимала звание, принадлежащее ей по праву, и объявляла своему племяннику, что он должен оказывать почтение старшим родственникам. Видя, что дело оборачивается плохо, племянник, быстро присмирев, спешил успокоить свою почтенную тетку.

— Дядюшка? — спросила Жанна в этот день.

— Да, моя дорогая, — ответил Аженор, по-

груженный в чтение огромного тома, посвященного искусству рыбной ловли на удочку.

— Я хочу говорить с вами о Джордже. Пораженный Аженор оставил книгу.

— О Джордже? — повторил он немного смущенно. — О каком Джордже?

— О моем брате Джордже, — спокойно уточнила Жанна.

Аженор победнел.

— Но ты же знаешь, — возразил он дрожащим голосом, — что эта тема запрещена, что это имя не должно здесь произноситься. Жанна отбросила возражение кивком головы.

— Неважно, — спокойно сказала она. — Говорите со мной о Джордже, дядюшка.

— О чем же прикажешь говорить?

— Обо всем. Обо всей истории.

— Никогда в жизни!

Жанна нахмурила брови.

— Племянник! — бросила она угрожающим тоном.

Этого было достаточно.

— Вот! Вот! — забормотал Аженор и принасял рассказывать печальную историю.

Жанна слушала молча и, когда он оканчивал, не задавала ни одного вопроса. Аженор думал, что все кончено, и выпустил вздох облегчения.

Он ошибся. Через несколько дней Жанна возобновила попытку.

— Дядюшка? — спросила она снова.

— Да, моя дорогая, — снова ответил Аженор.

— А если Джордж все-таки невиновен?

Аженор показалось, что он не понял.

— Невиновен? — повторил он. — Увы! Мне бедно дитя, в этом вопросе нет никаких сомнений. Измена и смерть несчастного Джорджа — исторические факты, доказательства которых многочисленны.

— Какие? — спросила Жанна.

Аженор возобновил рассказ. Он приводил газетные статьи, официальные донесения, против которых никто не возражал. Он сослался, наконец, на отсутствие Джорджа, что было самым сильным доказательством его смерти.

— Смерти, пусть, — ответила Жанна, — но измены?

— Одно есть следствие другого, — ответил Аженор, смущенный таким упрямством.

Упрямства у девушки было еще больше, чем он предполагал. Начиная с этого дня она часто возвращалась к тягостной теме, изводя Аженора вопросами, из которых легко было заключить, что она сохраняла незыблемую веру в невиновность брата.

После многих споров между племянником и его теткой невиновность Джорджа была ими признана фактом и Аженор де Сен-Верен не осмеливался больше ее оспаривать. Больше того: утверждения Жанны не остались без влияния на его настроение. Если у него еще не было полной уверенности в невиновности мятежного капитана, то, по крайней мере, убежденность в его вине была поколеблена.

В продолжение следующих лет горячая вера Жанны все укреплялась, но основана

она была более на чувствах чем на рассудке. Выиграв сторонника в лице своего племянника, она кое-что добила, но этого было мало. К чему провозглашать невиновность брата, если нельзя ее доказать?

После долгих размышлений ей показалось, что она нашла средство.

— Само собой разумеется,— сказала она в один прекрасный день Аженору,— недостаточно, чтобы мы с вами были убеждены в невиновности Джорджа. Надо дать доказательства, вы понимаете, мой дорогой дядюшка? Без этого мы можем кричать со всех крыш, что Джордж невиновен, и нам никто не поверит.

— Это слишком очевидно, моя бедная крошка.

— Когда мой отец, сам отец, принял на веру слухи, происхождения которых он не знает, когда он умирает от горя и стыда на наших глазах, не проверив отвратительных раскозней, когда он не вскричал, слыша обвинения против сына: «Вы лжете! Джордж неспособен на такое преступление!»,— как хотим мы убедить чужих, не дав им неопровержимых доказательств невиновности моего брата?

— Это ясно, как день,— одобрил Аженор, почесывая подбородок.

— Но вот... эти доказательства... Где их найти?

— Не здесь, конечно...

Жанна сделала паузу и прибавила вполголоса:

— В другом месте, может быть...

— В другом? Где же, мое дорогое дитя?

— Там, где произошла драма. В Кубо.

— В Кубо?

— Да, в Кубо. Там находится могила Джорджа, потому что там он умер, и если это так, видно будет, как он умер. Потом нужно найти людей, переживших драму. Джордж командовал многочисленным отрядом. Невозможно, чтобы они все исчезли... Нужно допросить свидетелей и через них найти истину.

Лицо Жанны озарялось по мере того, как она говорила, голос ее дрожал.

— Ты права, девочка! — вскричал Аженор, незаметно попадая в западню.

Жанна приняла задорный вид.

— Ну,— сказала она,— раз я права, едем!

— Куда? — вскричал остолбеневший Аженор.

— В Кубо, дядюшка!

— В Кубо! Какого же чорта ты хочешь послать в Кубо?

Жанна обвила руки вокруг шеи Аженора.

— Вас, мой добрый дядюшка,— шепнула она нежно.

— Меня!

Аженор высоводился. На этот раз он серьезно рассердился.

— Ты с ума сошла! — запротестовал он, пытаясь уйти.

— Не совсем! — ответила Жанна, преграждая ему дорогу. — Почему бы, в самом деле, вам не поехать в Кубо? Разве вы не любите путешествий?

— Я их ненавижу. Явиться на поезд в назначенный час — это свыше моих сил.

— А рыбная ловля, вы ее тоже ненавидите, не правда ли?

— Рыбная ловля?.. Я не вижу...

— А что вы скажете о жареной рыбе, выуженной из Нигера? Вот это не банально! В Нигере пескари огромны, как акулы, а уклеики похожи на тунцов! И это вас не соблазняет?

— Я не говорю нет... Однако...

— Занимаясь рыбной ловлей, вы делаете расследования, вы допросите туземцев...

— А на каком языке? — насмешливо перебил Аженор. — Я не думаю, чтобы они говорили по-английски.

— И вот потому-то, — хладнокровно сказала Жанна, — лучше с ними говорить на языке бамбара.

— На бамбара? А я разве знаю бамбара?

— Так выучите его.

— В моем возрасте?

— Я же его выучила, а я ваша тетка!

— Ты! Ты говоришь на бамбара?

— Без сомнения. Послушайте только: «Джи докко а бе на».

— Что это за тарабарщина?

— Это значит: «Я хочу пить». А вот еще: «И ду, ноно и мита».

— Я признаю, что... ноно... мита...

— Это означает: «Войди, ты будешь пить молоко». А вот: «Кукко бе на, Куну уарара уте а ман думуни». Не отгадывай! Перевод: «Я очень голоден, я не ел со вчерашнего вечера».

— И надо все это учить?

— Да, и не теряйте времени, так как день отправления недалеко.

— Как день отправления? Но я не отправлюсь! Вот еще идея! Нет, я не буду вести пустую болтовню с твоими туземцами.

Жанна, повидимому, отказалась от мысли его убедить.

— Тогда я еду одна, — сказала она печально.

— Одна, — пробормотал ошеломленный Аженор. — Ты хочешь ехать одна...

— Придется, раз вы не хотите ехать со мной, — ответила Жанна сухим тоном.

— Но это безумие! Это умственное заблуждение! Белая горячка! — закричал Аженор и убежал, хлопнув дверью.

Но когда на завтра он хотел увидеть Жанну, ему ответили, что она не принимает, и так было и в следующие дни. Аженор не вынес этой игры. Через четыре дня он спустил флаг.

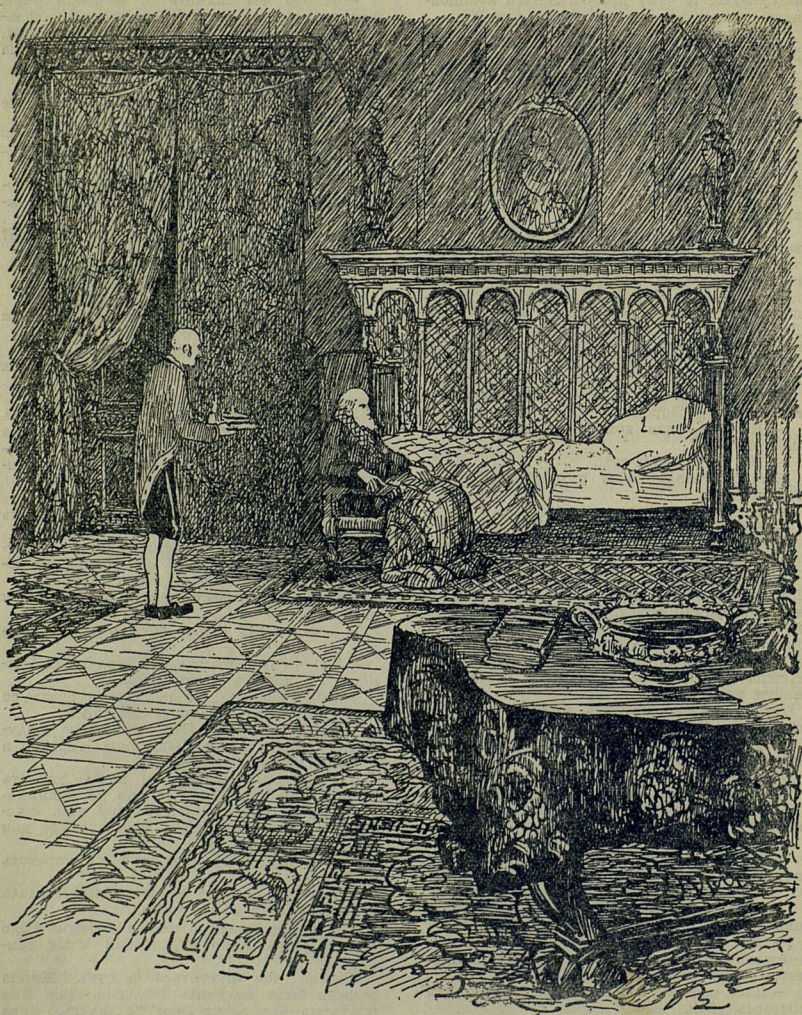
Жанна имела великодушие не упрекать его.

— Изучите сначала язык страны, — сказала она, целуя его в обе щеки.

С этих пор Аженора только и можно было видеть старательно изучающим язык бамбара.

Прежде чем пуститься в путь, Жанна должна была получить согласие отца. Она получила его легче, чем надеялась. Едва лишь она сказала, что хочет предпринять путешествие, как он сделал жест, выражавший согласие, и тотчас погрузила в свою упряжку печаль.

Устроив эту сторону дела, Жанна и Аженор начали готовиться к экспедиции. Они

Новость об исчезновении Льюиса Роберта Бакстона достигла ушей лорда Гленора в
утро, последовавшее за преступлением в Агентстве ДК.

решили отправиться в Ливерпуль, где должны были сесть на судно линии Уайт-Стар-«Серес», идущее в Африку. Их первоначальное намерение было отправиться в английскую Гамбию. Но узнав во время остановки в Сен-Луи, что в Конакри ждут французскую экспедицию, которая должна следовать по пути, сходному с их путем, они решили присоединиться к соотечественникам де Сен-Берена.

В конце сентября они отправили в Ливерпуль свой багаж, а 2 октября позавтракали в последний раз вдвоем (лорд Бакстон никогда не покидал своей комнаты) в большой столовой замка Гленор. Этот последний завтрак был печален и молчалив. Жанна Бакстон думала, что она, быть может, не увидит больше замка, колыбели ее детства и юности, а если и вернется, то ее старый отец, быть может, уже не раскроет ей свои объятия.

И однако для него она делала эту попытку, полную опасностей и трудов. Для того чтобы принести хоть немного радости в опустошенную душу, хотела она восстановить семейную честь.

Когда приближался час отправления, Жанна попросила у отца разрешения проститься с ним. Она была введена вместе с Аженором в комнату старика. Он сидел у высокого окна, из которого открывался вид на поля. Его пристальный взгляд терялся в дали, как будто он ожидал, что оттуда кто-то явится. Кто же? Джордж, его сын Джордж, изменник?

Услышав, как вошла дочь, он тихо повернул голову, и его потухший взгляд заблестел; лицо сохраняло обычную неподвижность.

— Прощайте, отец! — пробормотала Жанна, сдерживая слезы.

Лорд Гленор не отвечал. Поднявшись на кресле, он протянул руку молодой девушке, потом нежно прижав ее к груди, поцеловал в лоб.

Боясь разразиться рыданиями, Жанна вырвалась и убежала. Старик схватил руку де Сен-Берена, с силой сжал ее, и как бы прося покровительства, указал на дверь, через которую удалилась Жанна.

— Рассчитывайте на меня, — пробормотал Аженор.

И тотчас же лорд Бакстон занял свое прежнее место, и взгляд его снова потерялся в полях.

Карета ожидала путешественников во дворе замка, чтобы отвезти их на вокзал в Утокзетер.

— Куда ехать? — спросил неисправимый Аженор, который в смущении от только что пережитой сцены забыл, почему они покидают Гленор.

Жанна только пожалала плечами. Они от-

правились. Но едва лишь они проехали метров пятьсот, как де Сен-Берен внезапно обнаружил необыкновенное возбуждение. Он не мог говорить, он задыхался.

— Мои удочки! Мои удочки! — крича от раздирающим душу голосом.

Пришлось вернуться в замок и разыскать знаменитые удочки, которые рассеянный рыболов позабыл — из-за этого потеряли добрую четверть часа. Когда прибыли на станцию, поезд уже стоял у перрона. Путешественники только-только успели войти, и Аженор сказал не без гордости:

— Это во второй раз в жизни я не опоздал на поезд.

Жанна невольно улыбнулась сквозь слезы, бежавшие по ее щекам.

И так началось путешествие, которое привело двух исследователей к поразительным неожиданностям. Предприняла бы его Жанна, если бы знала, что произойдет в ее отсутствие? Покинула бы она своего несчастного отца, если бы подозревала, какой удар снова поразит его, в то время как она рисковала жизнью, чтобы спасти его от отчаяния?

Но ничто не предвещало Жанне трагедии, которая должна была совершиться в Агентстве Центрального банка, и позорного обвинения, которое падет на ее брата Льюиса. Думая услужить отцу, она его покинула в момент, когда ее заботы были для него всего нужнее.

Принесенная слишком усердным слугой новость об исчезновении Льюиса Роберта Бакстона достигла ушей лорда Гленора в утро, последовавшее за преступлением в Агентстве ДК, то есть 1 декабря. Потрясение было подобно грубому удару дубиной. Этот безупречный потомок длинной цепи героев, этот бесподобный служитель чести, узнал, что из двух сыновей его один — изменник, а другой — вор.

Несчастный старик испустил глухой стон, поднес руки к горлу и безжизненной массой упал на паркет.

Около него засуетились. Его подняли. Его окружили заботами, пока он не открыл глаза. Взгляд этих глаз отныне был единственным признаком, что жизнь еще не покинула истрадавшее сердце. Его тело было парализовано и приговорено к вечной неподвижности. Но и этого было недостаточно, чтобы исчерпать жестокость судьбы. В этом, навсегда неподвижном теле жил ясный ум. Бесчувственный, немой, недвижимый лорд Бакстон думал!

И вот, принимая во внимание разность долготы, как раз в тот самый момент, когда ее отец упал без чувств, Жанна Бакстон поставила ногу в стремя и, пересехав мост, соединяющий Конакри с материком, начала свое путешествие, сделав первые шаги в дебри таинственной Африки.

(Продолжение следует)

Чем заняться

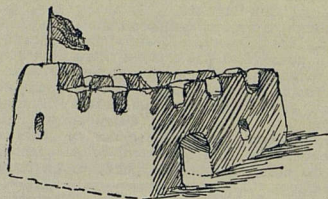
Осада крепости

Снежную крепость лучше всего строить на пригорке или у забора, стены.

Крепость делается из снежных шаров. Начинают катать снежный комок по снегу, он делается все больше и больше. Чем больше шары и чем плотнее они, тем крепче крепость.

Если вы строите четырехугольную крепость, то один из углов ее должен быть направлен в ту сторону, откуда на крепость будут нападать. Когда первый ряд снежных шаров уложен вплотную друг к другу, на него ставят новый ряд шаров — поменьше. Стена крепости делается из 2—3 рядов. Снизу стена шире, а

сверху делается уже. Образуется как бы небольшой откос, на который нападающим труднее влезть. Когда стены крепости готовы, все щели и отверстия между снежными глыбами заделывают снегом и все стенки заглаживают лопатами, пока они не станут гладкими и твердыми.

В центре крепости сделайте из снега высокую кучу и воткните в нее флаг. Эта куча — запасы оружия (снежков).

Гарнизон крепости составляет одну треть всех играющих. Остальные — нападающие. Каждая сторона избирает начальника.

Нападающие тоже имеют свое знамя. Их задача — пробраться в крепость и водрузить свое знамя на месте неприятельского. Для обороны от снежков нападающие могут сделать деревянные щиты.

„Волнистые горки“

Если у вас во дворе есть пригорок или много снега, то можно устроить для конькобежцев интересную горку.

С одной стороны горки пологий подъем, но спуск с нее особый. Он делается волнистым. Конькобежец то поднимается вверх, то опускается вниз. Такая горка приучает очень хорошо держаться на льду.

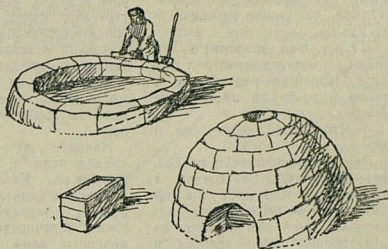
Эскимосское иглу

Знаменитый датский путешественник Кнуд Расмуссен в своей книжке о великом санном пути (он проехал на санях по северу 18 тысяч километров) рассказал, как эскимосы-акилинермиут строят свои снежные дома — иглу:

«В жизни не выдвали мы, чтобы хижина вырастаала из снежных сугробов с такой быстротой. Среди обитателей мыса Йорк это считается работой, требующей двоих людей: один вырезает снежные пласты и передает другому, а тот складывает из них хижину. Тут же один человек сначала только делал надрезы на снежных сугробах того участка, который казался ему подходящим для кладки хижинки, а затем вырезал пласты и сразу складывал из них хижину. И все это делалось с такой быстротой, что мы онемели. Жена человека тем временем взяла большую оригинальную снеговую лопату, имевшую не только обычную рукоятку, но еще и ручку, приделанную к самой лопасти, и стала огребать осыпающийся со стен снег и оглаживать самые стены по мере того, как они росли. Таким образом забиваются все скажины между пластами кладки и в хижине бывает тепло в любую погоду. Меньше чем в три четверти часа были сложены три большие хижинки...»

Попробуйте у себя во дворе построить из снега такое эскимосское иглу. Чтобы легче

было делать «снежные кирпичи», сделайте из дощечек или ящика форму для них. Для крепости иглу кладите «снежные кирпичи» спирально. Как показано на рисунке пунктиром, стелите первый ряд снежных кирпичей. Когда иглу будет готово, проделайте внизу полу-круглое отверстие для входа. В иглу надо вползать.

Так делают иглу

Игры во дворе

Метание палок под мостик

Для этой игры нужна ледяная поверхность или гладкая, утоптанная площадка (дорога). Берут два камня высотой сантиметров в 10, кладут их на расстоянии 60—70 сантиметров один от другого, а сверху кладут палку, — получается мостик. На расстоянии 2—3 метров от этого мостика проводят черту, за которой должны стать игроки. Нужно бросить длинную палку так, чтобы она проскользнула под мостиком и пролетела как можно дальше. Можно играть вдвоем или двумя партиями. Бросают палку по очереди, и тому игроку (или той партии), чья палка пролетела дальше чем у противника, засчитывается одно очко. Если мостик разрушен, бросок считается неудавшимся. Выигрывает та партия, которая первая получит десять очков.

Палка делается длиной в $1\frac{1}{2}$ —2 метра и толщиной приблизительно в большой палец.

Юла

Для игры нужна небольшая льдинка или чурка. Место для игры — лед или утоптанная площадка. Водящий должен осадить юлюю кого-либо из играющих, толкая юлу ногой. Играющие всляски увертываются, подпрыгивают и т. п. Осаленный идет водить.

Обстрел форта

На кирпичной или деревянной стене дома подальше от окон чертятся мелом два круга диаметром в 1 метр. Играющие делятся на две равных партии. В нескольких шагах от стены проводится начальная черта. Играющие по очереди или залпами, смотря по уговору, мечут в свой круг снежками. Выигрывает та партия, у которой будет большее количество попаданий (следует метать не только правыми, но и левыми руками).

Мишени

Ребята делятся на две партии. По сигналу обе партии стараются скатать снежный ком возможно большего размера (или, например, вылепить фигуру). По второму сигналу оба кома устанавливаются на снегу. По третьему сигналу каждая партия старается снежками разрушить ком другой партии. Партия, которая в течение определенного времени добьется большего разрушения кома противника, выигрывает.

Чей больше

Играющие разделяются на пары. Пары состояются из скатывания снежных шаров. Нужно докатить снежный шар к черте или определенному месту во дворе. Выигрывает та пара, у которой шар будет больше.

Альбом следов

Путешественник Арсеньев рассказывает в своих книгах много интересного о замечательном следопыте гольде Дерсу-Узала:

«Гольд шел впереди и все время внимательно смотрел под ноги. Порой он нагибался к земле и разбирал листву руками.

— Что такое? — спросил я его.

Дерсу остановился и сказал, что тропа эта не конная, а пешеходная, что идет она по соболиным ловушкам, что несколько дней тому назад по ней прошел один человек и что, по всей вероятности, это был китаец. Слова гольда нас всех поразили. Заметив, что мы отнеслись к нему с недоверием, он воскликнул:

— Как ваша понимай «нету»? Посмотрите сам!

После этого он привел такие доказательства, что все мои сомнения отпали разом...»

Дальше Арсеньев рассказывает, как подтвердили все указания Дерсу-Узала. «Я понял, что Дерсу — не простой человек. Передо мной был следопыт, и невольно мне вспомнились герои Купера и Майн Рида».

Там, где глаз горожанина ничего не видел, следопыты читали интересные истории. Дерсу-Узала говорил Арсеньеву на своем ломаном русском

языке: «Глаза у тебя есть, а посмотри — нету...»

Зоркие глаза очень нужны красноармейцам и пограничникам: с помощью самых заметных признаков можно определить, куда направился противник, сколько прошло бойцов и коней и т. п.

Изучение следов животных тренирует остроту зрения и сообразительность разведчика.

Зима — это время, когда все животные и птицы вашей местности расписываются на «белой книге» снега. По их следам можно прочесть занимательнейшие истории, узнать много интересных привычек и обычаев обитателей лесов и полей.

Возьмите записную книжку, карандаш, небольшую линейку, разделенную на сантиметры и миллиметры, и на лыжах выйдете за город — в лес или в поле.

Начните составлять альбом следов птиц и зверей вашей местности. Каждый след измерьте, запишите его длину и ширину, зарисуйте не только следы конечностей, но все замеченные вами следы животных и птиц: потерянные перья, обгрызанные сучки, царапины на деревьях, склады продовольствия и т. п.

Можете устроить соревнование с приятелями: кто за десять дней больше зарисует следов животных и птиц.

Арсеньев рассказывает о таком случае к Дерсу-Узала:

«На свежеснеженном снегу был виден отчетливо каждый след. Тут были отпечатки ног лосей, кабарги, соболей, хорьков и т. п. Дерсу шел впереди и внимательно их рассматривал. Вдруг он остановился, посмотрел во все стороны и проговорил:

— Кого она боялась?

— Кто? — спросил я.

— Кабарга, — ответил он.

Я посмотрел на следы и ни-

чего особенного не заметил. Следы как следы — маленькие, частые... Я просил Дерсу указать мне данные, на основании которых он заключил, что кабарга боялась. То, что рассказал он мне, было опять так просто и ясно. Кабарга шла ровным шагом, затем остановилась и пошла осторожней, потом шарахнулась в сторону и побежала прыжками. На свежеснеженном снегу все это было видно как на ладони. Я хотел идти дальше, но Дерсу остановил меня.

— Погоди, капитан, — сказал он. — Наша надо посмотри, какой люди пугай кабаргу.

Через минуту он крикнул мне, что кабарга боялась соболя. Я подошел к нему. На большом поваленном дереве, занесенном снегом, действительно виднелись его следы. Видно было, что маленький хищник крался тихонько, прятался за сук, затем бросился на кабаргу. Потом Дерсу нашел место, где кабарга валялась на земле. Капли крови указывали на то, что соболю прокусил ей кожу около затылка. Далее следы доказывали, что кабарге удалось сбросить с себя соболя. Она побежала дальше, а соболю погнался было за ней, но отстал, затем свернул в сторону и полез на дерево».

Попробуйте зарисовать найденную вами в лесу или поле какую-либо «историю в следах». Образец зарисовки такой истории мы помещаем на следующей странице. Этот рассказ записан американским натуралистом Э. Стэтон-Томпсоном. Лучшие ваши зарисовки «истории в следах» редакция премирует книгами.

Очень большую помощь в изучении следов вам окажет интересная книжка А. Формозова «Спутник следопыта».

След правой передней лапы лисицы.

След левой задней лапы лисицы.

След правой передней лапы собаки.

След передней лапы степного волка.

Лиса охотится

Я шел за лисой.

Пройдя около 15 шагов, я увидел, что зигзагообразный лисий след сократился, перешел в прямую линию и, наконец, закончился у небольшой норы в речном берегу. Здесь лиса вытасила обыкновенную змейку, которая закопалась, свернувшись в этой ямке. Здесь змейка, очевидно, рассчитывала проспать всю зиму. Ударом клыков вдоль спины лиса убила змейку и, не с'евши, бросила ее на снег, а затем продолжала свою охоту (рис. А). Зачем она убила эту змейку, если не могла ее с'есть, я никак не мог понять.

След повел меня теперь с многочисленными остановками и хитрыми петлями-обходами через огромное болото, на котором в другое время года лиса могла бы вдоволь полакомиться жирными мышами, но сейчас снег и лед совершенно отнимали всякую возможность охоты на этих грызунов. Вдали виднелось открытое пространство с редкими кустами и огромным сугробом мягкого, недавно нанесенного снега.

С наступлением ночи, когда воздух наполняется летящими тучами колючего снега, куропатки зарываются в снежные сугробы. Но делают это они не на открытой равнине, потому что там ветер, как тяжелый молот, сковывает сугробы, а на опушке леса, где из сугробов торчат еще высокие стебли травы и хвороста и снег не успевает слежаться. Ветер заметает все следы, сглаживает все впадины и хорошо укрывает куропаток. Там, в тепле и безопасности, они переживают бурю, если только какой-нибудь хищник не наткнется на них ночью в снегу и не схватит их раньше, чем бедной птичке удастся улететь.

Эту привычку куропаток хорошо изучила моя лиса, и потому при приближении к опушке леса она пошла мелкими шажками, указывавшими, что она рассчиты-

тывает здесь поживиться (рис. В).

Затем лиса неожиданно остановилась в пункте С. Очевидно, ветер, словно по радио, известил ее о том, что вблизи имеется дичь. Лиса замерла, приподняв одну лапу. Я знаю, что это было именно так, потому что на снегу осталась точная запись всех событий. Крохотная отметинка в этом месте была отпечатком не следа лисицы, а лишь царапиной ее когтя. Из этого ясно, что лиса не опустила лапы, а держала ее приподнятой, точно охотничья собака на стойке. Она навострила нос в сторону вкус-

ного запаха, принесенного ей ветром.

Затем лиса медленно двинулась вперед, от пункта С до пункта Д следы на снегу были очень короткие. И, наконец, она остановилась: заманчивый запах исчез. Лиса постояла в раздумье, об этом понятном для всех охотников языке ясно говорили следы на снегу. Затем зверь повернул в сторону и снова медленно двинулся вперед, до пункта Е, частым широким шагом, след от которого говорил о том, что лиса решила не лежать в засаде и не замечать своих следов хвостом.

Короткие шаги лисы от пункта Е до F, следы ее остановок и стойки показыва-

ли, что вкусный, заманчивый запах усиливался и лиса чуяла приближение битвы.

В пункте F лиса снова долго постояла неподвижно, упершись передними лапами в снег, — так было записано на снегу. Здесь наступил критический момент. Подумав, лиса пошла прямо навстречу заманчивому запаху. Нос вел ее по правильному пути, и она старалась идти как можно тише и осторожнее, очевидно, прекрасно понимая, что один неосмотрительный шаг мог бы испортить ей всю охоту.

В пункте Д на снегу остались глубокие следы задних лап. В этом месте лиса сделала прыжок, очевидно, как раз в тот момент, когда из-под ближайшего сугроба вырвались две куропатки, дремавшие под снегом. Они вспорхнули, шурша крыльями, но одна из них опоздала взлететь.

Прыжок — и лиса схватила ее в воздухе. Снег рассказал мне о том, что в пункте Н лиса вкусно позавтракала куропаткой.

Вот теперь-то я понял, наконец, что значила мертвая змейка в начале охоты. Змею-то и воспеив невкусно есть, а мерзлая змея в морозный день, вероятно, — совсем уж невкусная, «холодная закуска». Повидимому, именно так рассуждала моя лиса и решила поискать чего-нибудь получше. Лиса убила змейку, — значит, змейка уже не уйдет от нее. И потому позже, если придется очень туго, лиса рассчитывала вернуться к ней.

ЯНВАРЬ
ФЕВРАЛЬ

Дорогие читатели!

Мы ввели в журнале эту страничку коллективной переписки с вами для того, чтобы иметь возможность обращаться сразу ко всем нашим читателям. Но ответы мы хотим получать от каждого из вас в отдельности.

Многие уже ответили нам. Мы получили письма, из которых узнали много полезного, много такого, что поможет нам делать журнал хорошим и интересным.

Мы очень благодарны:

Эвнике Боричевской (Минск), В. Подчасову (Харьков), Лиде Войковой (Ленинград), В. Никулину (Алтайский край), В. Борисовой (Смоленск), П. Матвееву (Красноуральск), Наташе Бакама (Днепропетровск) и другим читателям, ответившим нам. Они очень толково разобрали, что хорошо и что плохо в журнале, и подробно рассказали о том, что хотят прочесть в будущих номерах. Ждем, что все вы последуете их примеру и мы получим сразу сто тысяч писем.

Исполнилось пятнадцать лет со дня смерти товарища Ленина. Рассказом Касилия, посвященным памяти Владимира Ильича, открываем мы этот номер журнала.

Мы печатаем очерк о ленинских местах Ленинграда, печатаем восемь портретов Ильича и в подписях к этим портретам рассказываем эпизоды из жизни и работы великого вождя.

На странице 29 рассказано о том, как читал Ленин. Прочтите эти странички и подумайте, как вам научиться читать так внимательно, глубоко и вдумчиво, как читал Ленин.

Пятнадцать лет назад на Красной площади пионерская организация получила почетное имя Ленина. Возьмите этот номер «Пионера» с собой на звеновой сбор и прочтите всем ребятам страницы, рассказывающие о Ленине. Пионеры-ленинцы должны хорошо знать биографию Владимира Ильича, должны учиться у Ленина, как надо бороться за дело рабочего класса.

Понравилась ли вам, ребята, старинная русская сказка о Василисе Прекрасной, обработанная писателем С. Григорьевым?

Записал эту сказку замечательный ученый, неутомимый собиратель устного народного творчества Александр Николае-

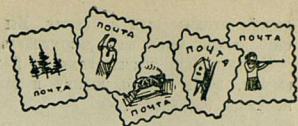
вич Афанасьев. Множество чудеснейших сказок дошло до нас благодаря его записям. Афанасьев умер около 70 лет назад; за эти годы могли быть позабыты многие из сказок, живших только в устной передаче, другие изменились бы. А Афанасьев сохранил их для нас и для множества других людей, которые после нас будут жить на нашей родной земле, сохранил в том виде, в каком их рассказывали в его время.

Наша страна богата песнями, сказками, поговорками, пословицами. И сейчас создаются новые песни и сказки, еще никем не записанные. Если вы, ребята, заинтересуетесь народным творчеством, будете его собирать, то вы сделаете очень большое, нужное дело. Свои записи присылайте к нам в редакцию.

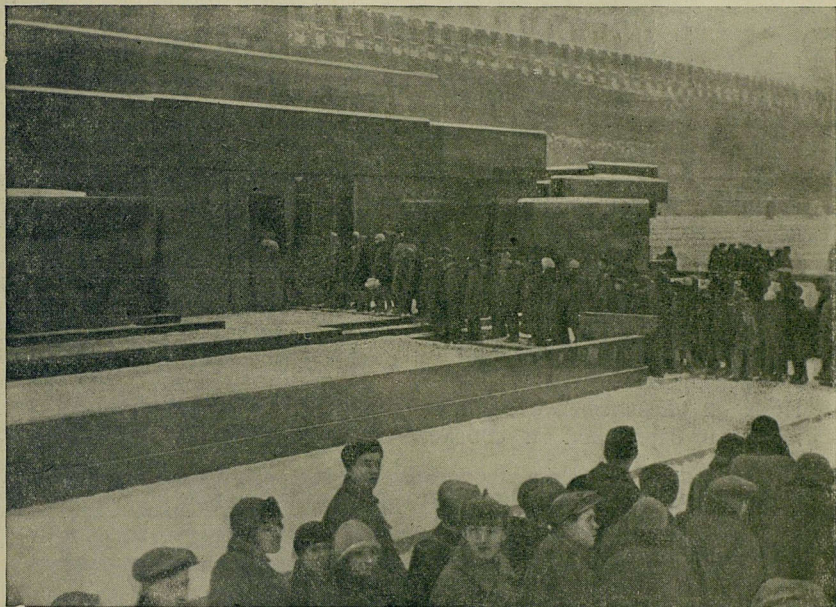
В марте этого года во многих школах, наверно, будут организованы вечера и утренники, посвященные памяти великого украинского поэта Тараса Шевченко. Многие из вас, наверно, захотят выступать.

В этом номере (стр. 76) мы печатаем новые переводы стихов Шевченко. Если они вам понравятся, выучите их и прочтите на утреннике.

Напишите нам, как прошло ваше выступление и какое из четырех стихотворений больше всего понравилось.

П О Ч Т А

Мавзолей Ленина

Письмо Вити Витюка, Москва

На Красной площади стоит мавзолей. Во всем мире люди знают про мавзолей, потому что это мавзолей Ленина. И хотя Ленин умер пятнадцать лет назад, нет человека, который бы забыл его. Сколько б лет ни прошло, хоть целые века, все его будут помнить и любить.

В мавзолее темно и тихо. Неподвижно стоят на карауле красноармейцы. В середине стоит гроб с Лениным. Ленин лежит в гробу со сло-

женными руками, на груди у него орден. Когда смотришь на Ильича, становится очень жалко, что он умер. Я не видел его живым, но я видел его портреты и читал о нем. Ленин был очень жизнерадостным человеком. Он, наверно, жил бы и сейчас, но враги отняли у Владимира Ильича здоровье, и теперь его нет с нами.

Я был в мавзолее со своими товарищами. Когда мы вышли из мавзолея, то увидели много

людей, которые шли к Ленину. Мы встали вместе с ними, чтобы еще раз увидеть Ленина.

У Юры были мокрые глаза, а Коля, когда мы вышли, забыл надеть шапку и так долго шел по улице без шапки.

Зимнее утро. Мороз крепчает. Сегодня я встал рано. Мы с приятелем Колей первый раз в жизни идем на охоту. Я быстро оделся и пошел к Коле. Он спал.

Я разбудил его. Он лениво потянулся и пробурчал: «Сейчас». Пока он одевался, я сходил домой за берданкой и собакой Кудлаткой.

Вышли мы из Сона рано. Черные стволы деревьев ярко выделялись на белом, снежном фоне. Небольшие елки и пихты целиком покрыты снежными шапками. Идем мы по тайге и рассказываем друг другу смешные анекдоты. Под лыжами скрипит снег.

Вдруг Коля остановился и указал на большую лиственницу. На лиственнице я увидел косача. Мы стали незаметно подкрадываться к нему, а Кудлатка побежала вперед. Подбежав к лиственнице, на которой сидел косач, она залаяла, замахала хвостом, а косач бессмысленно вытаращил глаза и заворчал: «Ку-р-ко-ко-р».

Я остановился недалеко от лиственницы, а Коля подкрался к косачу совсем близко и хотел выстрелить, но вдруг ему стало жалко тратить на косача патрон, заряженный картечью для коз. Он решил перезарядить берданку крупной дробью. Перезарядив, он торопливо выстрелил и промазал. Косач испугался, взмахнул крыльями и скрылся в кустах.

По дороге домой мы почти не разговаривали. Я старался вспомнить каждое движение Ленина в картине «Человек с ружьем», которую я недавно видел, и мне было очень-очень тяжело, что Ленина с нами нет.

„Поохотились...“

*Письмо Павлуши Неделина,
Красноярский край, станция Сон*

Я остановился около лиственницы.

— Эх, растяпа! — крикнул я.
Коля обиделся и ответил:

— Ты молчи, трус!

Я вскочил и побежал к нему.
После этого мы зарядили берданки картечью и пошли на солонцы, где бывают козы.

Вот и солонцы.

Мы спрятались за толстым пнем и стали ожидать коз. Через некоторое время из кустов показалась голова козла. Мы оба заметили ее и стали спорить, кому стрелять. Наш спор из шопота превратился в крик.

— Я буду стрелять! — кричал я.

— Нет, я! — кричал Коля.

— Ты промажешь!

— Не промажу!

— Делай скорее длинную и короткую палочку: кто вытянет короткую, тот и будет стрелять.

— Не буду!

— Делай скорее!

— Не буду! — сопротивлялся Коля.

Козел услышал наш шум, рывкнул, как сонский маневровый паровоз, и кинулся в чащу. Я испугался и выстрелил вверх, а у Коли берданка выпала из рук. Кудлатка, поджав хвост, визгливо лаяла.

У Коли берданка выпала из рук.

Моя неудача

Письмо Толи Терского, Москва

В нашей школе организовали драматический кружок. В него записался весь наш класс. Я тоже хотел стать членом драмкружка, но как-то боялся. «Неудобно, — думаю, — на сцене играть: засмеют». А тут еще ребята говорят мне:

— У тебя, Толя, для сцены фигура неподходящая. Тебе только Пата играть,

У нас в классе я самый высокий. Я им говорю:

— Зато длинные у девочек в почете. А вы что? Паташоны.

Но их много, а я один, всех не переспоришь. Ребята испортили мне настроение, и я не записался в драмкружок.

Через некоторое время я разговорился с Ваней Нишиным. Он очень хороший мальчик и к тому же большой любитель джаза. Если услышит где-нибудь джаз, так уж никуда не уйдет. Он считает, что самый лучший джаз — это Утесова. Мы с ним из-за этого часто спорим: мне другие джазы нравятся больше.

Разговорился я с Ваней, спрашиваю его:

— Вы, наверно, Мольера учите?

— Нет,— говорит Ваня,— мы изучаем Чехова.

Ваня вдруг сделал грустное лицо, закрыл глаза и, вытянув руку вперед, трагическим голосом проговорил:

— Горе, горе сытым, горе богатым, горе заимодавцам...

— Откуда это? — спросил я.

— Из «Моей жизни» Чехова.

— Да ведь это повесть!

— Ну и что ж, мы и повесть будем ставить.

Ваня сказал это совсем просто, словно тут ничего особенного не было, а я разволновался:

«Ну,— думаю,— настоящий театр».

И меня еще больше потянуло к нашему театру.

«Буду хоть суфлёром»,— решил я.

Но суфлером мне стать не пришлось.

У нас в школе был вечер. Сначала было собрание, а потом концерт — выступали сами ребята. Танцевали, пели, выступал драмкружок. Ребята ставили «Бедность не порок» Островского. Декорации были своего производства. Ребята играли хорошо, просто. Гордея играл Вася Наумов, Любима — Ваня Нишин, Любовь Гордеевну — Нина Романова, Митю — Слава Ноготков, Коршунова — Вася Субботин. Зрители долго аплодировали им. Меня радовал успех товарищей, но было как-то завидно, что я не нахожусь среди них.

На следующий день я пришел на занятия драмкружка.

— Николай Иванович,— сказал я руководителю,— примите меня хоть в суфлеры.

— Зачем,— ответил он.— Мы тебе дадим роль Коршунова. Вася уходит в специальную школу. Ты будешь вместо него.

Ребята окружили меня.

— Давно бы так,— говорят.— Мы ведь шутили над тобой.

По ходу пьесы Любовь Гордеевна ненавидит Коршунова, и мне не хотелось быть Коршуновым, но я все-таки согласился. Я готовился к своей роли очень старательно, перечитал все пьесы Островского, много других пьес. На первом спектакле я волновался, особенно во втором действии. Вышел с Гордеем Торцовым на сцену, растерялся и не знал, что говорить, но потом вошел в роль.

В перерыве я спросил Николая Ивановича:

— Ну как?

— Неважно, мог бы лучше.

— Меня обидели его слова.

— Ну и играйте сами!

— Что ты, Терский,— сказал он,— я ведь не ругаю тебя, а говорю, что надо подучить роль получше. Ты на суфлера не надейся, должен сам знать.

Я ему на это ничего не ответил. Пусть думает, что я не знаю роли. На самом деле я нарочно старался вставлять побольше своих слов, которых в тексте нет. Мне казалось, что так будет лучше и что так делают все знаменитые артисты. «Неужели,— думал я,— они говорят только то, что написано?» Слова Николая Ивановича смущили меня, и в следующих сценах я говорил словами Коршунова, хотя мне то и дело хотелось вставить какое-нибудь свое словечко.

Вообще я был собой доволен и думал, что моя игра нравится всем.

Когда мы ставили «Предложение» и «Юбилей» Чехова, я вел роль точно, без лишнего слов. Ребята говорят, что так лучше.

Как-то мы — я, Славка и Нинка — остались после уроков писать лозунги. Говорили о кино, театре.

— Нинка,— спросил я,— тебе нравится, как я играю?

— Раз не хвалю, значит, не нравится!

Я был изумлен и даже ничего не ответил.

— Иди лучше пиши с того краю, а то кистью запачкаешь мой конец,— сказала она.

Случай с Кадошкой

Письмо Тани Москвиной, город Коканд

У нас есть дворовый сторож— большая дворняжка Кадо, которую мы держим на цепи и отпускаем только на ночь. Раньше, когда Кадо был молодой, утром его трудно было поймать, чтобы посадить на цепь. А теперь по утрам, он сам приходит к крыльцу, и мы его без всякого труда привязываем на цепь.

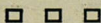
7 марта прошлого года Кадо вдруг ничего не стал есть. Мы давали ему кости, хлеб, но он ничего не ел, а все относил в свою конуру. На другое утро папа попросил меня выйти на крыльцо, позвать Кадо и посадить его на цепь. Я вышла, но Кадо у крыльца не было: он бегал в глубине двора, а в его будке я увидела другую собаку. Я хотела прогнать эту собаку и взяла палку, но собака стала ворчать и грызть конец палки. Я сказала папе. Папа вышел во двор и сам хотел прогнать ее, но она заворчала и на папу. Тогда папа вошел в комнату и сказал, что собаку не нужно трогать, потому что она сама уйдет или ее прогонит Кадо. Через несколько минут я опять вышла на крыльцо и вдруг услы-

шала в собачьей конуре писк. Я поняла, что в конуре оценилась чужая собака, и пошла об этом рассказать папе. Скоро к крыль-

Кадошка на цепи.

цу прибежал Кадо. Он был очень скучный, когда мы его привязали на цепь, но собаки со слепыми кутятами он не трогал; он уступил им конуру, а сам спал на земле или на крыше конуры.

Про наши звенья

Письмо Юры Гурова

Недавно наш вожатый Карлуша и классный руководитель Любовь Яковлевна Покровская стали разбивать нас на звенья. В эти звенья записывали пионеров против их желания. Витя Сигал хотел быть в одном звене с Вовой Лукьяновым, но их разлучили, и Витя попал в первое звено, а Вова — в третье. Витя даже плакал из-за этого, но его все-таки оставили в том же звене. Плакали также и Валя Ребрикова и Юра Федоров. На вопрос, почему звенья разбиты не по желанию ребят, Любовь Яковлевна ответила, что мы все должны быть дружны между собой. Но ведь можно ни с кем и не ссориться, но дружить с одним мальчиком или девочкой больше чем с другими ребятами. Потом нас рассказали по звеньям и у нас началась вражда. Ребята из одного звена подсказывали ребятам из других звеньев и подсказывали нарочно неправильно.

На уроке немецкого языка Галя Казанская сказала Вере Поповой: «Верка, у вас Лидка Денисова получила «плохо», — а Вера ей ответила: «У вашего звена — целый десяток «плохо», а у нас — только одно «плохо».

После урока Лида Боб подала учителю дневник поведения звеньев. Звену № 1 поставили по поведению «отлично», а остальные два звена получили «посредственно». Это событие вызвало ссору между первым, вторым и третьим звеньями.

Потом нас стали оставлять на звеньевые сборы, когда захочется вожакому и педагогу. А ребят не спрашивали, хотят они в этот день устроить сбор или нет.

Я думаю, что так делать нельзя. Витя Ключков, Галя Дряхлова, Вычугов, Сигал, Стрельцова и многие другие ребята согласны со мной. Просим редакцию ответить нам.

Пионеры — хозяева своей организации

Случай, о которых рассказывает Юра, бывает и в других пионерских отрядах, поэтому мы решили Юре и ребятам, которые согласны с ним, ответить не личным письмом, а через журнал, чтобы все ребята прочли наш ответ.

В пионерскую организацию ребята вступают по собственному желанию. И вся работа в отряде и звеньях ведется по желанию самих ребят. Так и говорят: «Пионеры — хозяева своей организации».

Пионеры сами принимают новичков в свой отряд, избирают совет отряда и вожаков звеньев, сами разбиваются на пионерские звенья и составляют план работы. А вожатые и учителя — это старшие то-

варищи: они воспитывают пионеров, учат, как надо правильно работать.

Разбиваться на звенья должны сами пионеры, по своему желанию. Если Витя хотел быть в одном звене с Вовой, то их зря разлучили. Вместе они, наверно, работали бы лучше.

Но когда разбиваются на звенья, надо учитывать не только желания отдельных пионеров, но и интересы всего пионерского отряда. Представьте себе, что вдруг все мальчики захотят быть в одном звене, а девочки в другом, и получится, что в одном звене девочки, а в другом — мальчики, или вдруг в одном звене соберутся все отличники. Если так случится, это будет плохо. Мальчики должны работать вместе

с девочками, отличники должны помогать отстающим ребятам. Вожатый должен объяснить ребятам, как лучше разбиваться на звенья.

Ведь главная работа пионеров идет в звене. Хорошо работают звенья, хорошо работает и отряд. Поэтому-то важно, чтобы каждое звено было дружным коллективом, чтобы пионеры звена понимали друг друга с полуслова.

Конечно, ребята сами назначают день пионерского сбора. Поэтому неправильно, когда вожатый и учитель, не спрашивая ребят, оставляют их на звеньевые сборы. Пионеры сами должны собираться на свои звеньевые и отрядные сборы, а вожатый и учитель должны помочь ребятам проводить эти сборы интересно.

Каждый настоящий пионер должен быть хорошим товарищем всем другим пионерам и школьникам. Но товарищеские отношения — одно, а дружба — другое.

Дружить по приказу нельзя. Если на стене вывесить приказ: «Приказываю Коле дружить с Петей, а Оле с Марусей», — то над этим приказом можно только посмеяться: дружбы, конечно, не получится.

Юра прав, когда пишет: «Можно ни с кем не ссориться, а дружить с одним мальчиком или девочкой больше чем с другими».

Дружба и хорошие товарищеские отношения должны быть не только между пионерами одного звена, но и между звеньями пионерского отряда. Звенья должны помогать друг другу в работе, рассказывать о своих делах, устроить социалистическое соревнование между звеньями.

А в отряде Юры Гурова нехорошо получилось со звеньями: они ссорятся и подсиживают друг друга. Это совсем не пионерски.

В хорошем отряде все звенья работают дружно. Хорошо работают звенья — хорошо работает и отряд. И если какое-нибудь звено закапризничает, начнет мешать другим звеньям работать, будет ссориться с ними, — начнет разлаживаться и работа всего отряда.

Вопрос о дружбе пионеров и школьников волнует многих ребят. Поэтому в одном из ближайших номеров нашего журнала мы хотим поговорить с ребятами о настоящей пионерской дружбе.

Москва

Стихотворение Сережи Баруздина

Вот иду по улицам города Москвы,
 Вижу на Москве-реке новые мосты.
 Вижу по реке теплоход плывет,
 На палубе своей он людей везет.
 В небе голубом несется самолет,
 В кабине за рулем сидит пилот.
 Новые машины по улицам летят
 И на солнце ярком радугой блещат.

Шарик в лабиринте

В этой головоломке шарик, катающийся по коридорам лабиринта, должен пройти мимо пятнадцати отверстий-ловушек, прежде чем он может добраться до центра головоломки. Шарик помещается в угол головоломки, обозначенный на рисунке словом «старт». Игровой берет головоломку одной рукой за ручку и начинает наклонять ее так, чтобы заставить шарик пройти по всем коридорам лабиринта, избежав при этом всех пятнадцати отверстий-ловушек. Когда шарик успешно достигнет центра, то он падает че-

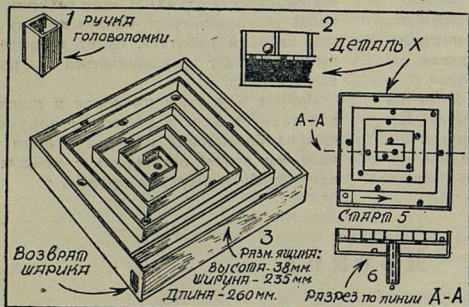
рез центральное отверстие в квадратную пустую ручку, а оттуда — в руку играющему.

Если же шарик падает в одно из отверстий-ловушек, то он попадает в нижнее отделение ящика и его можно выкатить через квадратное отверстие, изображенное на рисунке с боковой стороны ящика и обозначенное словами «возврат шарика».

Можно устроить состязание между несколькими игроками. Выигрывает тот, кто доведет шарик до центра скорее всех.

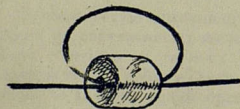

Головоломку лучше всего изготовить из деревянных дощечек или фанеры, толщиной 3 миллиметра. Дощечки склеиваются и сбиваются маленькими гвоздиками, как показано на рисунке. Направляющие для шарика, то есть стенки коридоров лабиринта, изготавливаются из фанеры, деревянных дощечек или же из толстого картона и приклеиваются на дно ящика, как показано на рисунке. Готовый ящик можно отлакировать или же окрасить масляной краской.

Бабочка из бисера

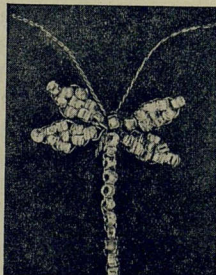
Я хочу рассказать, как я из бисера делаю красивых бабочек. Для этого я беру бисер и тоненькую проволоку, которую я достаю из электрического провода. Сначала беру проволоку длиной в 10 сантиметров и продеваю ее в одну бисеринку. Один конец проволочки в бисеринку пропускаю второй раз и, держа пальцами бисеринку, затягиваю проволоку за оба конца (смотри рисунок).

Дальше беру две бисеринки рядом и затягиваю их проволокой вместе. После этого беру 3 бисеринки, потом — две и од-

ну. Получается крылышко бабочки. Таких крылышек я делаю четыре. Теперь начинаю делать туловище. Для него беру проволочку длиной 20 сантиметров и 11 бисеринок. На проволочку продеваю по одной бисеринке, укрепляя каждую отдельно, как показано на фотографии. Когда их укреплю, получается туловище. Сделав туловище, на остаток двух свободных концов проволоки надеваю отдельно на расстоянии двух сантиметров по одной бисеринке и закручиваю проволочку — получают-ся усики.

У второй бисеринки от головы продеваю в нее или надеваю под проволоку скрепления бисеринок туловища по концу уже готовых четырех крылышек и все свободные концы проволоки под туловищем крепко скручиваю.

Бабочка готова и ее можно носить на шапочке, на блузке, украшать елку и т. п.

Нина Ильвовская
ст. Малаховка, Московской области.

Воздушный пистолет

Для воздушного пистолета требуется очень немного: хорошее большое гусиное перо, круглая деревянная палочка с утолщением в виде цилиндра на конце и одна картофелина.

Прежде всего удалите весь пух с пера и оставьте один черенок. Острым ножом ровно обрежьте верхнюю и нижнюю части этого черенка так, чтобы у вас получилась ровная трубка сантиметром 13—15 длиной. Тщательно удалите из черенка всю сердцевину и соскоблите все шероховатости со стенок внутри черенка.

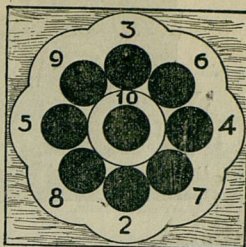
Пистолет ваш готов, и его можно уже заряжать. Для этого отрежьте от картошки круглый ровный ломтик толщиной примерно в сантиметр и положите его на стол. Затем возьмите трубку, только что сделанную вами из гусиного пера, поставьте ее концом на картошку и сильно надавите. Когда вы вынете трубку из картошки, то в трубке получится пробка из небольшого цилиндрика картофеля. Затем возьми-

те деревянную палочку и толкните картофельную пробку с конца трубки до ее середины.

Поставьте этот же кончик трубки опять на картофельный ломтик, рядом с прежним отверстием, и снова надавите на трубку рукой. В трубке у вас появится вторая пробка из картофеля.

Теперь ваш пистолет заряжен, и можно приступать к стрельбе. Стреляют из воздушного пистолета так: берут палочку и резким движением вдвигают ее в трубку так, чтобы вторая, находящаяся у конца картофельная пробка быстро передвинулась к середине трубки; тогда первая пробка под влиянием сжатого между пробками воздуха с силой и громким треском вылетит из противоположного конца трубки.

Воздушный пистолет можно использовать для стрельбы в коммунотире. О попадании можно судить по мокрому следу, который оставит картофельная пуля.

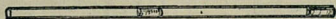
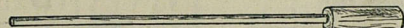
ПОПАДИ МЕТКО

Разверните лист писчей бумаги и на нем нарисуйте эту фигуру. Тщательно затушите все девять белых кружков. Затем наклейте этот лист на фанеру или картон. После этого нужно выпилить девять отверстий под затупеванными кружками, и под каждым отверстием прикрепите мешочки из кисеи или тряпочек. Под четыре угла этой фанеры прибитые подставки — деревянные. Каждый из играющих берет по 10 горошин или мелких орешков, выбирает номер кружка и на расстоянии одного-двух шагов кидает эти горошинки в свой кружочек.

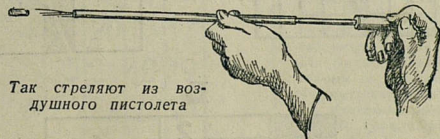
Выигрывает тот, кто кинет подряд без промаха все 10 горошинок в свой кружок.

ВОЗДУШНАЯ МИНА

Эта «мина» делается из двух кусков бумаги в 16 сантиметров длины и 1½ сантиметра ширины. Их скручивают вместе, как указано на рисунке, оставляя концы нескрученными. Эти «крылья» загибают — одно вверх, а другое вниз. Если

Так «заряжают» воздушный пистолет

Так стреляют из воздушного пистолета

влезть на стул и бросить эту «мину», она будет крутиться с такой быстротой, что не будет видно крыльев.

Совет фотолюбителям

Часто ребята-фотолюбители, расколовшие матовое стекло, задумываются: где взять другое?

А матовое стекло очень просто сделать самому. Возьмите два негатива подходящего формата, смойте с них эмульсию, возьмите немного речного песка и просейте через мелкое

сито. Затем рассыпьте песок тонким ровным слоем на одном из стекол и растирайте другим (при этом не надо переворачивать стекла). Через некоторое время у вас будут два матовых стекла.

Борис Муравьев

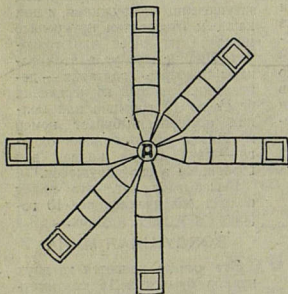
Балаково, Саратовск. области

Загадки

Географическая задача

Прислал Б. Пульвер, Москва

Впишите в клетки, от края к центру, по одной букве в каждую клетку следующие слова, кончающиеся на а: 1) приток Лены, 2) приток Северной Двины, 3) река на Чукотском полуострове, 4) приток Камы, 5) река на Кавказе, 6) приток Волги. Тогда из букв по краям (в двойных клетках) можно будет прочесть название одного из древних городов СССР.

Девять цифр

Перед началом урока Сеня написал на доске 9 цифр: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9 — и предложил своим товарищам следующую задачу:

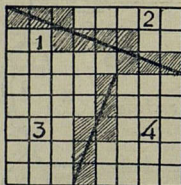
«Эти цифры вы можете расставить в любом порядке и можете поставить между ними любое количество знаков сложения и вычитания. Но в результате должно получиться 10 тысяч». Эту задачу можно решить двумя способами.

16 или 17

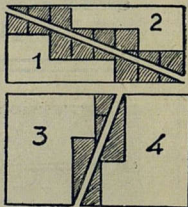
Вырежьте из картона квадрат. Начертите на нем карандашом 64 квадратика. 16 из них зачерните чернилами, как показано на рис. А. Потом разрежьте картон по толстым линиям. У вас получится 4 части, как на рис. Б. Пронумеруйте их и сотрите то, что начерчено карандашом. Потом составьте куски картона, как на рисунке В, и сосчитайте черные квадратики. Их уже будет 17.

Почему это так? Потому, что после того как картон разрезан и отдельные куски составлены в другом порядке, квадратики уже не сходятся с совершенной точностью и из еле заметного излишка образуется еще один квадратик.

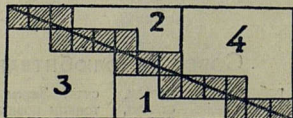
А

Б

В

В поликлинике, в записи к врачу, моя знакомая была первой, а я — шестнадцатым, самым последним. В числе первых 7 человек между каждыми 2 женщинами был 1 мужчина. В остальной части записи между каждыми 3 мужчинами было 2 женщины. Сколько было в записи мужчин и женщин?

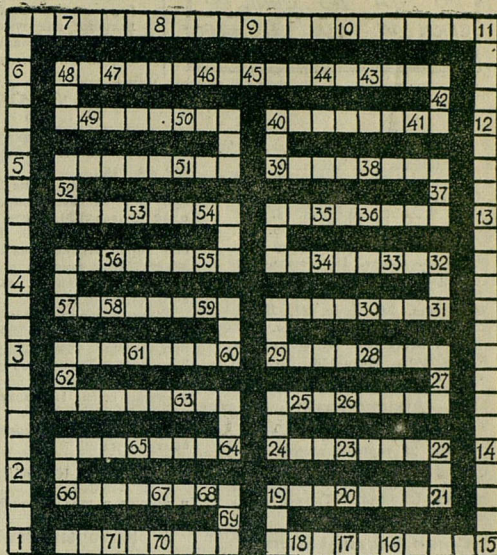
Хитрая таблица

Нарисуйте эту таблицу. С ее помощью вы сможете легко уdivлять своих товарищей. Предложите им загадать про себя любое число до 31 и указать, в каких столбцах оно встречается (1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й). Вы сейчас же укажете задуманное ими число. Секрет очень прост. Взгляните на цифры в самой нижней графе. Если, допустим, задумано число 19, то вы просите указать, в каких столбцах находится задуманная цифра. Она находится в 1-м, 2-м и 5-м столбцах. Тогда вы складываете в нижней графе цифры $16 + 2 + 1 = 19$. И какое бы число ни задумывалось по хитрой таблице, его тотчас можно отгадать.

5	4	3	2	1
16	8	4	2	1
17	9	5	3	3
18	10	6	6	5
19	11	7	7	7
20	12	12	10	9
21	13	13	11	11
22	14	14	14	13
23	15	15	15	15
24	24	20	18	17
25	25	21	19	19
26	26	22	22	21
27	27	23	23	23
28	28	28	26	25
29	29	29	27	27
30	30	30	30	29
31	31	31	31	31
16	8	4	2	1

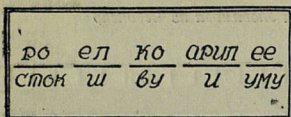
Чайнворд

Прислала Ава Любимова из Чебоксар

1. Один из величайших физиков XIX века. 2. Волшебница в «Одиссее» Гомера. 3. Бог мира в древнем Риме. 4. Победный трофей у диких племен Северной Америки. 5. Село в Ивановской области, славящееся своими художниками. 6. Одежда древних греков. 7. Прозвище древнеримского поэта. 8. Титул абиссинского императора. 9. Английский сатирический писатель. 10. Название океанского корабля, погибшего при столкновении с айсбергом. 11. Название друга на Кавказе. 12. Обособленная группа людей, защищающих свои узкие интересы. 13. Архитектурный термин. 14. Отличительный знак, выжигаемый на животных. 15. Имя героини испанского народа. 16. Французская писательница-историк. 17. Швейцарский кантон. 18. Известный скрипач-композитор. 19. Буква греческой азбуки. 20. Горец-партизан, боровшийся против даризма на Кавказе. 21. Персидский царь. 22. Герой трагедии Шекспира. 23. Река в Забайкалье. 24. Название произведения Золи. 25. Восточное имя. 26. Название одной из пьес А. П. Чехова. 27. Женское имя. 28. Левый приток реки Миссисипи. 29. Полная противоположность. 30. Французский писатель. 31. Старинная французская монета. 32. Геологическая формация. 33. Казахский певец. 34. Американский художник-революционер. 35. Подводный камень. 36. Предложение. 37. Драгоценный камень. 38. Произведение Н. Вирта. 39. Герой трагедии Шекспира. 40. Музыкальный глиняный инструмент. 41. Подземное царство по греческой мифологии. 42. Опера Паллашвили. 43. Двухмачтовое судно. 44. Знаменитый парижский музей. 45. Абиссинский военачальник. 46. Боец инженерных войск. 47. Союз родственных семейств. 48. Советский карикатурист. 49. Религия мусульман. 50. Артиллерийское орудие. 51. Персонаж итальянской комедии. 52. Чистый вес. 53. Термин,

Прочтите, что здесь написано.

употребляющийся в музыке. 54. Популярная пьеса советского автора. 55. Вызов корабельной команды для общей работы. 56. Часть орудия. 57. Водень. 58. Ученый. 59. Банкротство. 60. Прославление. 61. Человек большой физической силы. 62. Морской термин. 63. Мужская одежда. 64. Положение, которое берутся доказать. 65. Порода собак. 66. Прimitивный музыкальный инструмент. 67. Приказание собаке. 68. Современный английский драматург. 69. Огородное растение. 70. Деятель Парижской коммуны. 71. Кушанье.

Ответы на задачи № 11

Чайнворд

1. Войнич. 2. Чайка. 3. Аквилон. 4. Неман. 5. Нолосибирск. 6. Кит. 7. Тибет. 8. Таврида. 9. Амстер. 10. Река. 11. Амфибия. 12. Ива. 13. Алеко. 14. Осока. 15. Араб. 16. Баян. 17. Нос. 18. Совет. 19. Топка. 20. Австралиец. 21. Цыгга. 22. Айсберг. 23. Гете. 24. Ехидна. 25. Академия. 26. Ямал. 27. Лазо. 28. Ольга. 29. Аллегория. 30. Ягуар. 31. Ритм. 32. Могикане. 33. Ершов. 34. Волк. 35. Купер. 36. Ров.

Арифмограф

В средней вертикали «А. П. Чехов». В горизонтальных рядах: Тоска. Налим. Стень. Месь. Дачники. В бане. В потемках. Справка. Событие. Тиф. Враги.

Канал Волга—Москва

При скорости лодки, равной 1, скорость течения будет $\frac{1}{3}$ этой единицы. Тогда движение лодки вверх по течению будет: $1 - \frac{1}{3} = \frac{2}{3}$; вниз: $1 + \frac{1}{3} = \frac{4}{3}$.

Принимая расстояние между пристями тоже за 1, время поездки будет: вверх $1 : \frac{2}{3} = \frac{3}{2}$ какой-то единицы времени; вниз $1 : \frac{4}{3} = \frac{3}{4}$ этой же единицы. Всего туда и обратно $\frac{3}{2} + \frac{3}{4} = \frac{9}{4}$ той же единицы.

После постройки канала времени на поездку в одну сторону будет равно времени на поездку обратно и составит $1 + 1 = 2$ единицам. Следовательно, после постройки канала Москва—Волга время на поездку сократилось на

$$\frac{\frac{9}{4} - 2}{\frac{9}{4}} \times 100 = 11\frac{1}{9}\%$$

Преобразование слова

Бак-у. Куба. Куб. Бук.

Кто раньше?

Казалось бы, раз шаг одного короче шага другого на 20%, а шагает он на 20% чаще, то,

значит, оба школьника придут одновременно. На самом деле это не так.

Если один шагает на 20% чаще, то, следовательно, когда один делает 100 шагов, другой успеет сделать 120. Так как шаг первого короче на 20%, то значит, если ширина шага второго равна единице, шаг первого будет 0,8.

Таким образом школьник низкого роста, сделав 120 шагов при величине шага 0,8, пройдет 96 каких-то единиц, тогда как высокий, сделав 100 шагов при ширине шага 1, пройдет 100 таких же единиц.

Следовательно, высокий идет быстрее на

$$\frac{100 - 96}{96} \times 100 = 4\frac{1}{6}\%$$

и придет в школу раньше.

Который час?

$$\frac{1}{2} + \frac{1}{3} + \frac{1}{4} = \frac{6}{12} + \frac{4}{12} + \frac{3}{12} = \frac{13}{12}$$

т. е. пять минут второго.

Умный ли это совет?

Стекла наружных, неплотно (со щелью) закрытых рам действительно не обледеневают. Обледенение, как известно, происходит оттого, что на сильно охлажденной поверхности стекла осаждается находящаяся в более теплом воздухе влага вначале в виде водяных капель, превращающихся на сильно охлажденном стекле в лед.

Обе стороны стекла неплотно закрытой внешней рамы не обледенеют потому, что обе соприкасаются с холодным наружным воздухом. Но зато неизбежно должны были обледенеть стекла второй, внутренней рамы, с одной стороны сильно охлажденные наружным воздухом, а другой стороны соприкасающиеся с влажным теплым воздухом жилого помещения. Одновременно с этим оставление щели в наружной раме уничтожало основное назначение второй рамы — создание мало теплопроводной воздушной по-

душки между плотно закрытыми, замазанными рамами.

КАК ФАМИЛИЯ ПИСАТЕЛЯ

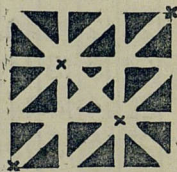
Составляем формулы:	Решая их, получим:
$a - c - a = 1;$	$a = 14 = \text{Н}$
$v a - v = x - 2;$	$v = 4 = \text{Г}$
$c = e + g + 1;$	$c = 15 = \text{ю}$
$d + v + d = 8;$	$d = 4 = \text{о}$
$e + v = 3 + 4;$	$e = 15 = \text{о}$
$f + v = 2 + c - 5$	$f = 12 = \text{л}$
$g - 2d = 2v - 1$	$g = 29 = \text{ь}$

Н. Гоголь

Корзинка с яблоками

В корзинке было 81 яблоко. Алик получил 35 яблок. Володя получил 26 яблок. Миша получил 20 яблок.

Четыре сторожа

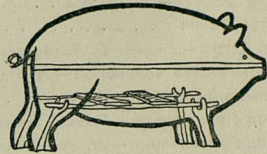
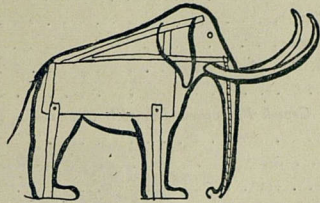
Мат в три хода

1. Фh8—d8 (этот ход, по существу, решает задачу). При ходе черными Kрg3—h3 белые отвечают 2.Кe7—f5. Этим ходом белые отрезают черному королю поля h4 и g3 (если черный король пойдет на h2, белые ответят Фd8—h4). И при других ходах черных белые все равно дают мат.

Первыми прислали ответы на задачи № 10

Радагичкий — Киев.
Шенкунова Нада — Уфа.
Гнездилова Тамара — Анапа.
Селяверстов и Астафьев—Томск.
Степченко Костя — Черкассы.
Гушин А.—Чарджо.

Зоопарк во дворе

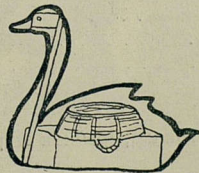
Вы можете устроить у себя во дворе целый зоологический парк. В нем можно собрать ряд самых разнообразных зверей, начиная от белого медведя и кончая слоном. Все эти звери делаются из снега.

Для того чтобы сделать снежную скульптуру какого-либо зверя, надо обязательно придумать и сделать для него каркас из досок, палок, веревок, поленьев, ящиков и т. п. На таком каркасе снежные скульптуры будут держаться очень прочно.

Прежде всего сообразите: как из имеющихся у вас под рукой материалов сделать каркас.

Затем веревкой, проволокой или гвоздями скрепите каркас и начинайте лепить на него мягкий снег.

Придумайте других снежных животных и пришлите нам их фотографии

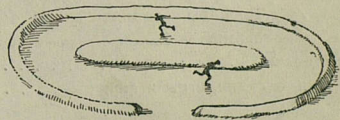

Чтобы ваши звери дольше сохранились, опрыскайте их водой из лейки или мокрым веником. Вода замерзнет и покроет их ледяной коркой.

Можно сделать и цветные скульптуры. Купите пакетик анилиновой краски, разведите ее в воде и обрызгайте ваши снежные скульптуры. Они станут цветными и будут красиво выделяться на белом снегу.

Кроме обыкновенных зверей можно сделать зверей и пострашнее, например стегозавра или бронтозавра. Изображения таких доисторических зверей вы можете найти в книгах по истории земли и по палеонтологии.

Устройте каток

Обязательно устройте во дворе каток. Выберите для него место там, где не ходят жители дома. Не очень удобно устраивать каток поперек хода: все будут падать и ругать вас. Проще всего сделать каток круговой дорожкой шириной в 3—5 метров. Когда дорожку засыплет снег, сгребайте его в середину. Перед тем как заливать дорожку, выровняйте ее, мокрым снегом заделайте все неровности. По краям дорожки сделайте бортик из снега, чтобы вода не разливалась. Заливать каток водой надо из брандспойта так, чтобы струя воды шла вдоль поверхности земли.

Для уборки снега со льда сделайте из фанеры широкую деревянную лопату.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Великая клятва выполнена	3
Диско — Рассказ Л. Кассиля. Рис. В. Цельмера	5
Портреты Ильича	16
Памятник Ленину — Н. Атаров	21
Как читал Ленин	29
Волк на бугре — Рассказ В. Замчалова. Рис. В. Цельмера	31
Как человек стал великаном — М. Ильин и Е. Сеал. Рис. Л. Ройтера	40
По ленинским местам	56
Василиса Прекрасная — Русская сказка. Пересказал Сергей Григорьев. Рис. Ю. Кискачи	60
Карманная артиллерия — М. Занеин	68
Клятва в зале для игры в мяч	75
Тарас Шевченко — Стихи. Перевод Е. Блажиной	76
„Компас“ — Известия Географического общества читателей журнала „Пионер“ № 25	
Приоткрыта одна из тайн Арктики — Н. А. Солнцев	79
Происшествия в природе за 1938 год — Я. Гиневский	81
Работа мороза в СССР — М. В. Дурденевская	84
Что делать членам „Компаса“	89
Снимки с севера	89
Великий мечтатель — А. Ивич	91
Необыкновенные приключения экспедиции Барсака — Жюль Верн. Перевод А. Волкова. Рис. П. Митурича	96
Чем заняться. — Советы редакции	110
Почта:	
Мавзолей Ленина. Письмо Вити Витюка, Москва	115
„Поохотились“... Письмо Павлуши Неделина	116
Моя неудача. Письмо Толи Терского	117
Случай с Надошной. Письмо Тани Москвиной	119
Про наши звенья — Письмо Юры Гурова	120
Пионеры — хозяйева своей организации	120
Москва — Стихотворение Сережи Баруздина	121
Самodelки	122
Задачи, загадки, игры и фокусы	124

На обложке — картина художника Я. Титова: „Прыжок с трамплина на лыжах“.

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“ 24, комната 822, тел. Д 3-30-73

Вр. и. о. отв. редактора **Ф. ВОЛЯВКО.**

Зам. редактора **Н. ИЛЬИНА.**

Сдано в набор 13/XII—1938 г.

Подписано к печати 26/1—1939 г.

Изд. № 91.

Уполномоченный Главлита № А—3957. 82×110^{1/16} бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе. 16 п. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Зак. № 3449. Тираж 90 000.